

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований
им. В.И. Абаева Владикавказского научного центра РАН
и Правительства РСО-Алания

КАВКАЗ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ГЕРОИКА И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

ВЛАДИКАВКАЗ 2014

ББК 63.3(2)

Печатается по решению Учёного совета СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А

Кавказ в годы первой мировой войны: героика и повседневность:
сборник статей. – Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А,
2014. – 495 с.

ISBN 978-5-91480-212-4

Редакционный совет:

докт. ист. наук *С.А. Айларова* (отв. ред.)

докт. ист. наук *Б.В. Туаева*

канд. ист. наук *Э.В. Хубулова*

В сборнике представлены статьи, в которых анализируется широкий спектр проблем истории и культуры народов Северного Кавказа в годы Первой мировой войны. Социально-экономические и политические аспекты развития региона дополняются исследованием благотворительности и гражданских инициатив мирного населения, а также осмысления мировой войны в общественном сознании кавказского социума. Особое место в сборнике занимает тема воинского подвига уроженцев Кавказа на полях сражений Первой мировой войны.

ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-91480-212-4

© ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ НАРОДОВ КAVKAZA В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПЕРЕД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНОЙ

Шаркова Н. Н. РОССИЯ И ОСЕТИЯ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ	5
Чочиев Г. В. ТУРЦИЯ, КAVKAZ И СЕВЕРОКАВКАЗСКАЯ ДИАСПОРА ВО ВРЕМЯ И ПОСЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	21
Дарчиева С. В. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ ДЕПУТАТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПЕРЕД И В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.....	35
Харсиев Б. М-Г. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ НЕКОТОРЫХ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КAVKAZA В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX – НАЧ. XX ВВ.	43
Айларова С. А. ТЕРСКАЯ КООПЕРАЦИЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.....	54
Кобахидзе Е. И. ПРАКТИКА НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ НА ЦЕНТРАЛЬНОМ КАВКАЗЕ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ	69
Чшиева М. ПРЕДПРИЯТИЯ ОСЕТИИ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.....	79
Чеджемов С. Р. ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РОССИИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.....	92
Магометов А. А. ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ В ОСЕТИИ.....	101

РАЗДЕЛ II

УРОЖЕНЦЫ КAVKAZA – УЧАСТНИКИ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ НА ФРОНТАХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Киреев Ф. С. УРОЖЕНЦЫ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ.....	111
Марзоев И. Т. ОСЕТИНЫ КАБАРДИНСКОГО КОННОГО ПОЛКА.....	123
Лолаева А. В. ОСЕТИНЫ-КАЗАКИ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ.....	135
Гостиева Л. К. СВЯЩЕННИКИ ОСЕТИИ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ.....	143
Доного Х.-М. БРАТЬЯ ДОНОГУЕВЫ НА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ	155
Туаллагов А. А. СУДЬБЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ. ДЗАНДАР ВАСИЛЬЕВИЧ БАЕВ.....	165

Акачиева С. М. ОСНОВАТЕЛЬ РОДА АКАЧИЕВЫХ: ДАУТ МАГОМЕДОВИЧ, УЧАСТНИК ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (из опыта составления семейной хроники).....	181
--	-----

РАЗДЕЛ III

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ И ГРАЖДАНСКИЕ ИНИЦИАТИВЫ НАРОДОВ КАВКАЗА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Дзагурова Н. Х. ЖЕНСКАЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ ВО ВЛАДИКАВКАЗЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	188
Чеджемов А.Ю., Гутиева Э.Ш. КАВКАЗСКИЙ ФРОНТ И ТЫЛ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (на примере Северной Осетии)	203
Чеджемов А. Ю. ВОЛОНТЕРСКАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ ...	210
Тменов Ф. К. ДЕТСКОЕ ПРИЗРЕНИЕ В СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	219

РАЗДЕЛ IV

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ, ЛИТЕРАТУРЕ, ИСКУССТВЕ, ФОЛЬКЛОРЕ КАВКАЗСКИХ НАРОДОВ

Хубулова С. А. ЭГО-ДОКУМЕНТЫ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ПО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ.....	235
Фидарова Р. Я., Кайтова И. А. ВОЙНА И ОСМЫСЛЕНИЕ ЭТИЧЕСКИХ ОСНОВ НАЦИОНАЛЬНОГО БЫТИЯ В ОСЕТИНСКОМ РОМАНЕ	240
Абисалова Р. Н. ТЕМА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 20 ВЕКА	247
Авдольян В. В. О ПЕДАГОГИКО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А. Н. КОДЗАЕВА.....	266
Моргоева Ф. И. ИДЕОЛОГИЯ КАК СПОСОБ СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ	273
Газиева А. А., Гарунова Н. Н. К ВОПРОСУ О МОДЕ И ПОВСЕДНЕВНОСТИ В РОССИИ В 1914-1918ГГ.....	277

РАЗДЕЛ I

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ НАРОДОВ КАВКАЗА В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПЕРЕД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНОЙ

*Н. Н. Шаркова
(Владикавказ)*

РОССИЯ И ОСЕТИЯ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Летом 1914 года, ровно сто лет назад, началась Первая мировая война, первый военный конфликт мирового масштаба, в который было вовлечено 38 из существовавших в то время 59 независимых государств. Её называют еще «забытой», потому что после нее произошла еще более кровопролитная Вторая мировая война и отодвинула её на второй план. К лету 1914 г. противоречия между двумя военно-политическими союзами — Антантой и Тройственным — обострились до предела. Регионом особой напряженности стал Балканский полуостров — «пороховой погреб Европы». Вскоре нашелся повод для объявления войны — убийство наследника австро-венгерского престола Франца Фердинанда и его жены в Сараево. Воспользовавшись сараевским убийством, Австро-Венгрия предъявила Сербии ультиматум и, не дождавшись его выполнения, объявила ей войну. В ответ Россия вечером 17 июля 1914 г. объявила о начале всеобщей мобилизации.

Во многих странах начало «великой войны» было встречено с воодушевлением и энтузиазмом. Не стала исключением и Россия. Даже пацифисты — борцы за мир — приветствовали её как «последнюю войну на свете», «войну против войны».

20 июля в Петербурге огромные толпы народа приветствовали Николая II. В этот день император поклялся на Евангелии и святой иконе, что не подпишет мира, пока хоть один враг останется на русской земле. Уже в начале войны Николай II обратился к народу с призывом выступить на защиту Отечества, утверждая, что война начата во имя спасения «русской нации», защиты культуры, свободы, слабых государств и т.д. Правые и монархисты вели пропаганду превосходства «русского оружия», доказывали необходимость «вести священную войну» до победного конца [1,56]. Не случайно, что по первому зову 96% подлежащих призыву явились на мобилизационные пункты [2,290]. Депутаты Государственной думы единогласно (кроме социал-демократов) приняли решение о кредитах на военные нужды. Народные чувства в те дни приобрели явную антинемецкую направленность. Демонстранты разгромили германское посольство. 18 августа 1914 года столица государства Санкт-Петербург была переименована в Петроград.

5 августа 1914 года депутаты Владикавказской думы заслушали царский манифест о войне, который безоговорочно одобрили. В телеграмме на имя императора они выразили верность царю и отечеству, а также готовность «сражаться за святое дело России». Уже 12 августа 1914 года Терская область была переведена на военное «положение», а 16 августа начальник области ввел в действие «временное положение о военной цензуре».

Одним из организаторов и вдохновителей поддержки войны стал видный общественный деятель дореволюционной России, публицист и просветитель, владикавказский голова Гаппо Баев. Он обращался к согражданам: «Наступила година испытаний для дорогого Отечества. На призывный зов Святой Руси спешат сыны Осетии с нагорных ущелий и дивных долин своей дорогой родины исполнить священный долг каждого гражданина — стать в ряды Великой Народной Армии, геройски борющейся с врагами за честь, достоинство и за великое будущее Святой Руси...» [3,9]. Поднимая, патриотический дух осетинского народа и напоминая ему о прошлых героических подвигах, Г.В. Баев писал: «Могучие груди многих (осетин) украшены за храбрость

орденом Св. Георгия Победоносца — издревле покровителя осетинского народа. Древнее сердце могучего Кавказа — каменная Осетия и в эту великую войну выполнит доблестно свой долг перед родиной, великою Россией, под защитой и покровом которой осетины значительно выдвинулись среди других горских народов Кавказа. В этот великий час, когда все граждане России, способные носить оружие, призываются в ряды армии, осетины не должны отстать в честном исполнении своего долга» [3,10].

С самого начала войны патриотически-настроенные круги Северной Осетии выступали в поддержку правительства России и призывали молодое поколение осетин выполнить свой патриотический и воинский долг. И действительно, многие осетины доблестно сражались «за Царя и Отечество» на фронтах Первой мировой войны, показав чудеса храбрости, стойкости, мужества и смекалки.

Первая мировая война велась почти на десятке фронтов в разных уголках земного шара. Главными фронтами были Западный, где германские войска вели боевые действия против английских, французских и бельгийских войск, и Восточный, где войска России противостояли объединенным силам австро-венгерской и германской армий. Людские, сырьевые и продовольственные ресурсы стран Антанты значительно превосходили ресурсы Центральных держав, поэтому шансы Германии и Австро-Венгрии на победу в войне на два фронта были невелики. Германское командование это понимало и поэтому сделало ставку на молниеносную войну. План военных действий, разработанный начальником генерального штаба Германии фон Шлиффеном, исходил из того, что России потребуется не менее полутора месяцев для сосредоточения своих войск. За это время предполагалось разгромить Францию и принудить ее к капитуляции. Затем намечалось перебросить все немецкие войска против России. По «плану Шлиффена» война должна была закончиться через два месяца. Но эти расчеты не сбылись.

В первые дни войны Германия, следуя своему плану, начала военные действия против Франции через территорию Бельгии

и через три недели боев вышла к французской границе и развернула наступление в Северной Франции. Вопреки прогнозам германского штаба, под давлением союзников Россия, не успев завершить полного развертывания войск, 17 августа начала наступление в Восточной Пруссии. Русские армии успешно продвигались вглубь прусской территории. Германское командование вынуждено было перебросить войска с Западного фронта. Превосходящими силами немцы разгромили русские войска (было окружено 80 тыс. и только 20 тыс. с боями вышло из окружения) и вытеснили их из Пруссии [4,10].

Русское наступление дало возможность союзникам перегруппировать силы. Французская армия и английский экспедиционный корпус успешно атаковали германские войска. 5-12 сентября на реке Марна состоялось грандиозное сражение, в результате немцы отказались от наступления на Париж. Обе стороны перешли к позиционной войне почти на всем 600-километровом Западном фронте.

Ожесточенные сражения в августе 1914 года кипели и в Галиции между русскими и австро-венгерскими частями. 21 день на пространстве между Днестром и Вислой шла грандиозная Галицийская битва. С обеих сторон в ней участвовало более миллиона человек. В начале русские армии с трудом выдерживали мощный натиск противника, но затем перешли в наступление. Русские войска под командованием генерала А.А. Брусилова, овладели всей Галицией, включая Львов, и двинулись дальше на запад. Австрийцы потеряли 226 тысяч человек ранеными и убитыми и около 100 тысяч пленными. Потери русских составили 230 тысяч пленными, убитыми и ранеными. Таким образом, «великая Галицийская битва» как её называли, окончилась полным поражением австро-венгерской армии. Она лишилась более трети своего состава и до конца войны не смогла оправиться от этого удара. Наступающие русские войска осадили Перемышль. Появилась угроза русского вторжения в Венгрию и Силезию. В октябре-ноябре в междуречье Вислы и Варты развернулись ожесточенные сражения, которые не принесли решающего перевеса ни

одной из сторон. На русско-германском фронте война также приняла позиционный характер.

Активное участие в военной кампании 1914 года принимали и представители Осетии. Уже в августе 1914 года весь Владикавказ провожал на фронт 81-й пехотный Апшеронский полк. Едва прибыв на фронт, Апшеронский полк сразу же отличился в боях. 20 августа 1914 г. отряд генерала Мрозовского атаковал 10-й австро-венгерский корпус, и к вечеру у Суходола герои-апшеронцы первые прорвали фронт не знавшей до тех пор поражений армии генерала Данкля. Трофеями под Суходолом были 5000 пленных и 8 пулеметов. Полк потерял около 2300 человек. За этот бой командир апшеронцев генерал-майор А.А. Веселовский и офицеры — подполковник Н.И. Григорчук (посмертно), капитан А.С. Клоссовский, штабс-капитан Н.И. Малыхин, поручик М.К. Кастюрин и поручик В.С. Рыжков были награждены орденом Св.Георгия 4-й степени. Тем временем полк продолжал героически воевать. 27 августа 1914 г. в бою за Тарнавку апшеронцы отбили 9 гаубиц. За умелое руководство боем начальник 21-й дивизии генерал Мехмандаров был награжден орденом Св.Георгия 3-й степени [5,40].

Вообще весь 3-й Кавказский корпус во главе с героем русско-японской войны генералом Владимиром Ирманом отличался во всех боях, в которых принимал участие. Суходол и Ивангород, Козеницы и Кельцы, выручка Осовца, Холм и Брест — все эти сражения принесли 21-й и 52-й пехотным дивизиям славу «стальных» [5,6].

Одним из первых с врагом встретился 1-й Волгский казачий полк Терского войска. Сразу отличившись, он всю войну считался лучшим на Юго-Западном фронте и многие его офицеры стали Георгиевскими кавалерами [5,5].

В первые дни войны на фронт отбыл и Осетинский конный дивизион, который входил в 3-ю Кавказскую казачью дивизию, а та в свою очередь в 3-ю армию. Его рядовой состав (всадники) целиком состоял из осетин, а среди офицеров были представители разных национальностей. Уже в начале августа 3-я армия перешла австрийскую границу, нанесла ряд поражений про-

тивнику, который стал быстро отступать. Осетинский дивизион вместе с другими конными частями бросился преследовать врага. В результате было захвачено 10000 пленных и 60 орудий [5,22]. Затем осетинский дивизион сражался в предгорьях Карпат и Галиции, прикрывая отступление русской армии. Всадники осетины воевали мужественно и не раз получали благодарности от начальства. Но в дивизионе по-прежнему было две сотни, а желающих послужить Отечеству было много. Несколько раз представители осетинского народа во главе с отставными генералами А. Борукаевым и И. Гайтовым и другими официальными лицами просили императора развернуть дивизион в полк. Николай II довлетворил их просьбу и осенью 1915 года был издан приказ о переформировании дивизиона в полк [5,23].

Не осталось в стороне и Терское казачье войско, больше 15 тысяч терцев отправились на защиту Отечества. Из вторых полков войска впервые была сформирована 1-я Терская льготная казачья дивизия. Командиром дивизии был назначен генерал-майор Т.Д. Арютинов. Дивизия состояла из 2-го Кизляро-Гребенского (полковник Д. Сехин), 2-го Горско-Моздокского (полковник И. Колесников), 2-го Волгского (полковник Н. Скляр), 2-го Сунженско-Владикавказского (полковник Э. Мистулов). Терская дивизия уже в августе прибыла на станцию Ларга, южнее г. Каменец-Подольска и вошла в состав Днестровского отряда 8-й армии под командованием генерала Брусилова, замыкающего левый фланг всего Юго-Западного фронта. И сразу же начала наступление вглубь Галиции. 30 августа казаки вступили в город Станиславов, затем повернув на юг, стали наступать через Карпаты. Под умелым командованием генерала Арютинова терцы наносили противнику поражение за поражением. 14 сентября у села Бочко они взяли в плен 2 офицеров и более 100 нижних чинов. 20 сентября, перейдя Карпаты, Терская дивизия вошла в город Мармарош-Сигет. За сентябрьские бои генерал Т.Д. Арютинов был награжден Георгиевским оружием [5,53]. Путь на венгерскую равнину был открыт, но не по вине терцев фронт стал отступать, и казаки перешли Карпаты обратно.

В августе 1914 г. был объявлен Высочайший приказ Николая II о создании Кавказской туземной конной дивизии, больше известной под названием «Дикая дивизия». Она состояла из шести полков: Кабардинского, 2-го Дагестанского, Чеченского, Ингушского, Черкесского и Татарского. Командиром новой дивизии кавказских горцев (в основном из мусульман-добровольцев), был назначен младший брат Императора Великий князь Михаил Александрович, начальником — полковник Я. Д. Юзефович. Соединение насчитывало более 3000 всадников и офицеров. Рядовой состав, в общем был однороден, а офицерский был очень пестрым. Осетины служили в основном в Кабардинском и Татарском полках. За четыре месяца дивизию обучили и бросили на австрийский фронт, её временно разместили в городах Виннице и Проскурове (ныне г.Хмельницкий), где горцы закончили военную подготовку. Затем они приняли участие в боевых действиях и проявили воинскую доблесть в боях за Россию [6,145].

Таким образом, в результате военной кампании 1914 года немецкий план молниеносной войны был сорван. Германии не удалось избежать боевых действий на два фронта и завершить войну в короткие сроки. Одновременно, используя морское господство британского флота, Антанта установила морскую блокаду стран Тройственного союза, были захвачены германские колонии в Африке и Океании. Единственным успехом Германии стало присоединение Турции к Тройственному союзу.

Зимой 1914-1915 гг. русские войска вели тяжелые, кровопролитные бои в предгорьях Карпат. Там же сражались и казаки Терской дивизии. Несмотря на большие потери, им удалось отбросить противника и овладеть значительной частью Карпатского хребта. Но в апреле 1915 г. на помощь австрийцам пришла германская армия генерала Августа Макензена. К этому времени у русских был почти исчерпан запас артиллерийских снарядов, рассчитанный на короткую войну. Перед хорошо вооруженными солдатами Макензена русские солдаты оказались почти безоружными. 19 апреля 1915 г. началось «великое отступление» русских армий.

Перспектива длительной войны не устраивала германское верховное командование, которое понимало, что Германия и её союзники не выдержат затяжной борьбы с державами Антанты обладающими превосходством в людских резервах и материальных ресурсах. Поэтому германский план кампании носил наступательный характер в расчете на быстрое достижение победы. Не имея сил вести одновременно наступление на Западе и Востоке, германское командование решило сосредоточить главные усилия на Восточном фронте, чтобы вывести Россию из войны. На Западном фронте планировалась оборона.

Развивая наступление в направлении на Вильно (Вильнюс), в августе 1915 г. немцы пытались окружить Десятую русскую армию. Противнику удалось 27 августа (10 сентября) прорвать оборону русских и выйти в их тыл. К осени 1915 г. позади русских армий остались огромные территории — Польша, Литва, Галиция, часть Белоруссии. Но русское командование ликвидировало этот прорыв, В октябре 1915 г. фронт стабилизировался по линии Рига — река Западная Двина — Двинск — Барановичи — Дубно. Россия вынудила противника перейти к позиционной войне [7,557].

Противоборствующим сторонам особенно важно было привлечь на свою сторону Турцию (Османскую империю). Географическое положение Турции имело большое значение для путей сообщения Англии со своими колониями (Суэцкий канал), морских путей снабжения России (Черноморские проливы) и безопасности русских границ в Закавказье. В ходе дипломатической борьбы за Турцию победу одержала Германия. 20 июля (2 августа) был заключен тайный Германо-турецкий договор, по которому турецкая армия фактически отдавалась под руководство военной миссии и объявлялась мобилизация. В результате Турция, заявившая еще в начале войны о своем нейтралитете, начала осуществлять свои захватнические планы. Турецкий флот обстрелял Севастополь, Одессу, Феодосию и Новороссийск. В ответ на это Россия объявила Турции войну, за ней последовали Англия и Франция. Возник новый фронт — Кавказский.

Боевые действия на Кавказском фронте в 1915 г. проходили главным образом, на левом фланге, т.е. в Алашкертской долине, в Иранском Азербайджане и на территории самого Ирана. Наиболее активный характер носило сражение в полосе 4-го Кавказского армейского корпуса, который занимал фронт около 400 км. Командовал корпусом генерал Огановский. Корпус состоял из отрядов генерала Абациева, Николова, Трухина и Чернозубова [8,174] Зимой турецкие войска начали здесь наступление, но потерпели полное поражение. Их основные силы попали в плен или погибли. С августа 1915 г. командующим Кавказским фронтом был назначен великий князь Николай Николаевич. В январе 1916 г. русские войска перешли в успешное наступление. Армия Николая Юденича совершила труднейший переход через занесенные снегом горы. Преодолев крутые горные склоны, русские войска подошли к турецкой крепости Эрзерум. Обладание ею давало ключ к господству над всеми восточными областями Турции. Крепость считалась неприступной. Но после пятидневного штурма 3 февраля Н. Юденичу удалось взять крепость. Русские войска потеряли при этом 2 тысячи 300 человек убитыми и 13 тысяч ранеными; противник — 40 тысяч ранеными и убитыми, 13 тысяч пленными, а также 325 орудий. Взятие Эрзерума делало русских хозяева над всей Турецкой Арменией. Спустя два дня после взятия Эрзерума пал Трапезунд, а в июле Эрзинджан, русская армия глубоко проникла на территорию Турции. Однако Брестский мирный договор, заключенный 3 марта 1918 г., свел на нет эти завоевания. Более того Турция по этому договору получила Карс, Ардаган и Батум. До войны эти города принадлежали России и турецкие войска в ходе сражений ни разу не вступали в них.

Кавказский фронт также, как и европейский театр военных действий, стал свидетелем отваги и доблести уроженцев Терской области. Генерал П. Калитин с 1-м Кавказским корпусом участвовал в штурме неприступного Эрзерума, Начальник 1-й Кавказской казачьей дивизии генерал Н. Баратов нанес фланговый удар в тыл турецких войск и спас от поражения 4-й Кавказский корпус [5,7].

Командиром 6-го Кавказского армейского корпуса был назначен генерал-лейтенант Д.К. Абациев. Вместе с корпусом он принимает участие под Сарыкамышем, при штурме Эрзерума, в Алашкертской, Огнотской и других операциях. В результате успешного наступления беспримерной храбрости солдат под командованием Д. Абациева была разгромлена ударная группа Абдул-Керим-паши в Алашкертской долине. 17 апреля 1916 г. войска под командованием Абациева захватили Битлису. За отличие в боях генерал получил награду [9,22]

1916 год Германия и Австро-Венгрия начали активными действиями на Западе: немецкая армия вела ожесточенные атаки на крепость Верден во Франции; австрийские войска поставили на грань полного разгрома Италию, перешедшую на сторону Антанты. Стремясь оказать поддержку союзникам и исправить положение на фронтах, русское командование готовило общее наступление. На Восточном фронте, протянувшимся на 1200 км, были развернуты 128 русских дивизий против 87 австро-германских. В начале января 1916 г. полностью укомплектованный Осетинский конный полк прибыл на Юго-Западный фронт. Командовал полком полковник Табарасаранский. Там он вновь вошел в состав 3-ей Кавказской казачьей дивизии, составив с 1-м Дагестанским конным полком 2-ю бригаду. Из Буковины дивизия была переведена в Полесье и включена в состав 4-го конного корпуса генерала Гилленшмидта. Летом 1916 г. началось наступление Юго-Западного фронта, а семь превосходных конных дивизий застряли в бездонных трясиных Полесья. Но они дождались своего часа и, посланные в наступление, наголову разбили германцев в боях у Галузии, Волчеца и Маневичей [5,23]. Однако масштабное наступление удалось организовать только в Галиции. Там русская армия под командованием генерала А.А. Брусилова в мае 1916 г. совершила грандиозную военную операцию. Четыре армии Юго-Западного фронта начали наступление, хотя это распыляло силы русских, но противник лишился возможности своевременно перебросить резервы на направление главного удара. Атака удалась почти по всему фронту. Оборона австро-германских войск была прорвана на

глубину 80-120 км, были вновь отвоеваны часть Восточной Галиции и вся Буковина. Противник понес большие потери — свыше 1 млн. человек убитыми и ранеными, более 400 тыс. пленными. Потери русских были втрое меньше, из них убитыми 62 тысячи человек. Брусиловский прорыв доказал возможность прорыва позиционного фронта и сыграл большую роль в исходе кампании. Командование держав Четверного союза вынуждено было перебросить на Восточный фронт 11 германских дивизий из Франции и 6 австро-венгерских дивизий из Италии. Наступление русских войск спасло итальянскую армию от разгрома, облегчило положение французов под Верденом. Осенью 1916 г. германские войска перешли к обороне, а французские — в наступление.

По приказу начальника штаба Верховного Главнокомандующего от 18 июля 1916 г. началось формирование Осетинской пешей бригады. Её формирование шло на базе Терского казачьего войска. Командиром бригады был назначен генерал-майор В. Чиковани. Офицерский и унтер-офицерский состав отбирался из кадров Терского и Кубанского казачьих войска. Рядовые осетины поступали из всех районов Осетии, но главным образом из селений Алагирского и Дигорского ущелий. Это был уже третий год войны. В стране усилилась антивоенная кампания. Все это, а также конфликт между командным составом и рядовыми привел к восстанию в бригаде, для подавления которого пришлось присылать дополнительные части. Несмотря на все трудности, к концу января 1917 г. осетинская пешая бригада была сформирована. Но прибыла она в начале апреля на Юго-Западный фронт в состоянии полного разложения. Причиной этого была Февральская революция, известие о которой вызвало в бригаде волнения, которые закончились смещением начальника бригады, всех чинов штаба и уходом 150 человек команды связи и сотен кубанцев и терцев, всего 2400 человек. Для восстановления боеспособности бригады в неё стали переводить офицеров-осетин из других частей. До 1 июня бригада стояла в г.Котюженске, в резерве фронта. Затем её перевели в Галицию в резерв 8-й армии, а в середине июня она заняла позиции в Карпатских

горах. Бригаду срочно приводили в порядок, готовясь к большому наступлению. Новым начальником бригады был назначен осетин полковник Алексей Баев. Осетинская бригада вела бои у деревни Хута. Несмотря на первые победы, армия была уже не та, что прежде. Геройская гибель ударных частей, состоящих в основном из офицеров, оказалась напрасной. Войска, бросая позиции на фронте, в беспорядке стали отступать. Прикрывая отступление, Осетинская бригада с боями выходила из Карпат. К концу июля бригаду перевели в резерв 8-й армии, а в сентябре присоединив к Кавказскому туземному корпусу, отправили в Терскую область [5,43].

Кампания 1916 г. не привела к достижению поставленных целей обеими коалициями, но превосходство Антанты над странами германо-австрийского блока стало очевидным. Стратегическая инициатива полностью перешла в руки Антанты. Германия вынуждена была обороняться на всех фронтах.

Боевые действия 1917 г. русское командование проводило в соответствии с общим планом военной кампании. 23-29 декабря 1916 г. (5-11 января 1917 г.) была проведена Митавская операция с целью отвлечь часть сил противника с Западноевропейского театра военных действий.

19 января-7 февраля (1-20 февраля) 1917 г. в Петрограде проходила конференция стран Антанты, на которой обсуждались дальнейшие планы, а также (неофициально) внутривнутриполитическая ситуация в России. Иностранные участники делегации были готовы принять меры, чтобы удержать Россию в войне, потому что к этому времени русский фронт удерживал почти половину всех военных сил противника.

Революционное движение в России тем временем нарастало. 27 февраля (12 марта) 1917 г. в России произошла Февральская революция. Монархия была свергнута. К власти пришли буржуазное Временное правительство и Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов. Временное правительство, продолжая внешнюю политику царского правительства, заявило, что будет свято хранить свои обязательства перед союзниками и «приложит все силы к обеспечению нашей армии всем не-

обходимым, чтобы довести войну до победного конца». В июне 1917 г. началась наступательная операция войск Юго-Западного фронта. В начале они одержали ряд побед, успех сопутствовал лишь 8-й армии под командованием генерала Л.Г. Корнилова. Однако немцы перебросили к месту сражения 16 дивизий и прорвали фронт в районе Тарнополя. Русские войска отступили на 50-100 км, оставив неприятелю обширные территории. Всего на полях сражений было убито и ранено свыше 150 тысяч русских солдат и офицеров. После провала июньского наступления ещё громче стали звучать требования немедленного мира. Принятые правительством меры позволили временно восстановить боеспособность армии.

Вскоре после Февральской революции в командном составе Осетинского конного полка произошли некоторые изменения. В него стали переводить офицеров-осетин из различных частей. В полк прибыли: полковник Василий Тускаев, ротмистр Павел Кибилов, корнеты Георгий Дзотцоев и Александр Казбек, прапорщики Николай Гульдиев и Хакудзо Босиев. А 26 мая 1917 г. новым командиром полка был назначен полковник Василий Хетагуров. Впервые во главе полка стал командир-осетин. Когда началось летнее наступление русской армии, 3-я Кавказская казачья дивизия приняла в нем активное участие. Несмотря на то, что под влиянием большевистской пропаганды армия начала разваливаться, Осетинский полк еще сохранял боеспособность. Благодаря этому ему поручали самые ответственные задачи.

В июле 1917 г. пехотные части, бросив окопы, стали беспорядочно отступать. Прикрывать это бегство у города Монастыржиско пришлось Осетинскому полку. Во время подрыва боеприпасов в городе произошла трагедия: погиб командир полковник Хетагуров и несколько десятков всадников.

В сентябре 1917 г. при новом командире подполковнике Х. Дзугаеве Осетинский полк был выведен из состава 3-й Кавказской казачьей дивизии и включен в состав формируемого Кавказского туземного конного корпуса. В конце сентября 1917 г. части Туземного корпуса прибыли в Терскую область, где раз-

вертывание корпуса продолжилось. Начал формироваться 2-й Осетинский конный полк, командиром которого стал полковник Г. Келлер. Оба осетинских полка составили 2-ю бригаду полковника Я. Хабаева и вошли во 2-ю Кавказскую туземную конную дивизию, начальником которой был назначен генерал-лейтенант Хоранов. Но больше воевать вместе всадникам-осетинам не пришлось. К январю 1918 г. осетинские полки фактически распались, а официально их расформировали в мае 1918 г.

В июле-августе 1917 г. русско-румынские войска в Мэрэшештском сражении отбросили германские войска, пытавшиеся прорваться на Украину.

В августе 1917 г. германские войска добились нового крупного успеха на русском фронте. 19-24 августа (1-6 сентября) 1917 г. в ходе Рижской оборонительной операции русскими войсками сдана была Рига. Одно из последних сражений противнику дали корабли Балтийского флота, отстаивая Моонзундские острова у побережья Эстонии. Самым значительным событием в ходе этого сражения стал бой 1 октября 1917 г. Вскоре немцы захватили острова. Вооруженные силы России постепенно теряли способность сопротивлению врагу. Обстановка в стране ухудшалась. 25 октября 1917 г. власть в Петрограде перешла в руки большевиков, которые предложили всем воюющим странам заключить « мир без аннексий и контрибуций». Союзники не поддержали это предложение. Но с середины ноября по предложению советского правительства на русско-германском фронте установилось перемирие. Русские окопы стремительно пустели. На некоторых участках фронта к январю 1918 г. в окопах не осталось ни одного солдата, только кое-где попадались отдельные военные посты. 9 декабря 1917 г. в Брест-Литовске, где размещалась ставка германского командования, начались сепаратные переговоры о заключении мира. Советская делегация пыталась отстоять идею «мира без аннексий и контрибуций».

К началу 1918 г. военно-политическая обстановка в мире коренным образом изменилась. Старая российская армия распалась. Новая армия только начала создаваться, а Германия

имея на Востоке 75 дивизий, продолжала наступать, захватывая новые российские территории. В этих условиях Советская Россия вынуждена была подписать 3 марта 1918 г. с Германией невыгодный для нее сепаратный Брестский мирный договор. По этому договору от неё отторгались обширные территории (Украина, Польша, Прибалтика, Финляндия, часть Белоруссии и Закавказья). Кроме того, советское правительство должно было выплатить контрибуцию, оплатить убытки, понесенные Германией в ходе революции, провести полную демобилизацию армии и флота. Но это дало возможность Советской России выйти из войны и получить передышку для создания Красной Армии и восстановления экономического положения страны.

Страны Антанты продолжили войну до победного конца. В начале 1918 г. они располагали примерно равными силами с германским блоком. Военно-экономическое положение Антанты было более прочным по сравнению с германским блоком. Оно ещё более усилилось в апреле 1917 г., когда на стороне Антанты в войну вступили США. Страны Антанты в целях более тщательной подготовки к наступлению на 1918 г. планировали переход к стратегической обороне на всех театрах военных действий. Четверной союз напротив, стремился по возможности скорее закончить войну. Поэтому Германия решила перейти в наступление. В августе 1918 г. между немецкими и англо-французскими войсками произошло крупное сражение вблизи реки Марны около Парижа. Это было последнее генеральное наступление немецких войск за всю войну. Оно было проиграно немцами после контратаки французов. В сентябре 1918 г. войска Антанты начали решительное наступление на всем 420-километровом фронте. Оборона немецких войск была прорвана. Кампания 1918 г. для Германии и её союзников закончилась поражением. 11 ноября 1918 г. страны Антанты подписали с Германией Компьенское соглашение. Германия признала себя побежденной, обязалась немедленно вывести свои войска со всех оккупированных территорий и передать странам Антанты больше количество вооружения и военного имущества.

Советское правительство 13 ноября 1918 г. заявило об аннулировании Брестского мирного договора и обязательств по нему.

Первая мировая война закончилась. Она принесла народам мира неисчислимы страдания, бедствия и огромные потери. Около 73,5 млн (из них в России — 16 млн человек) были мобилизованы; из них убиты и умерли от ран 10 млн., более 20 млн. ранены, 3,5 млн. остались калеками [7,563-564].

Примечания

1. История Северной Осетии: XX век. М.: Наука, 2003.
2. *Головин Н. Н.* Военные усилия России в мировой войне. М.: Кучково поле, 2001.
3. *Баев Ганпо.* Боевая служба осетин. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1991.
4. *Игнатъев А. В.* Россия в империалистических войнах начала XX века. М., 1989.
5. *Киреев Ф. С.* Герои и подвиги: уроженцы Осетии в Первой мировой войне. Владикавказ: Ир, 2010.
6. *Дзидзоев В. Д.* Экономическое и общественно-политическое состояние Северной Осетии в начале XX в. (1900-1917 гг.). Владикавказ, Изд-во СОГУ, 2003.
7. Всемирная история/под ред. Г. Б. Поляка, А. Н. Марковой. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009.
8. *Арутюнян А. О.* Кавказский фронт 1914-1917 гг. Ереван.: Изд-во «Айастан», 1971.
9. *Дзагурова Г. Т.* Сыны Отечества. Владикавказ: «Проект-Пресс», 2003.

Г. В. Чочиев
(Владикавказ)

ТУРЦИЯ, КАВКАЗ И СЕВЕРОКАВКАЗСКАЯ ДИАСПОРА ВО ВРЕМЯ И ПОСЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Сразу после окончательного оформления альянса Османской империи с Центральными державами в начале августа 1914 г. Кавказ превратился в одну из приоритетных целей стамбульского военно-политического руководства. С точки зрения стоявшей в стране у власти младотурецкой администрации, регион имел чрезвычайно большое значение для решения двух геостратегических задач Стамбула в предстоящей войне — сдерживания российской угрозы Анатолии и продвижения туранистских проектов в Азии. Крайняя заинтересованность правящих кругов империи в достижении быстрого прорыва на кавказском направлении диктовала им, как это имело место при прошлых османо-российских конфликтах (в частности, во время войны 1877-1878 гг.), необходимость использования фактора проживающей в стране северокавказской (черкесской) диаспоры. Для таких расчетов имелись основания. Лояльность Порте подавляющего большинства ее подданных из числа этнических северокавказцев не вызывала сомнений. Более того, для умонастроений немалой части османских черкесов не было чуждо стремление к этнонациональному реваншу, обусловленное отражением в их коллективной памяти трагических событий Кавказской войны и вынужденного переселения горцев в османские пределы в XIX в. (так называемого мухаджирства).

Некоторые факты свидетельствуют о наличии у османского командования уже в начале войны установок на целенаправленную отправку черкесов на кавказский фронт. Неслучайно, например, то обстоятельство, что высшие кадры дислоцированной в Восточной Анатолии 3-й «Кавказской» армии состояли преимущественно из северокавказцев. Имеются данные и о попытках рекрутирования черкесов осенью 1914 г. в иррегулярные подразделения главной османской спецслужбы — Особой организации — для проведения разведывательных и дивер-

сионных операций за линией фронта [1; 2, 34-35]. Несомненно, что, принимая подобные решения, власти уповали в первую очередь на патриотическое (этнореваншистское) усердие северокавказцев, а также знание ими местных языков, культурных, географических реалий и т.п.

Гораздо более серьезные надежды, впрочем, Порты возлагала на вовлечение северокавказцев в политико-пропагандистскую работу, направленную на обеспечение развития событий на Кавказе в устраивавшем стамбульские власти русле, а также на создание благоприятного для осуществления их целей в регионе международно-политического фона. Примечательно, что многие представители черкесской политической элиты сами выдвигали аналогичные инициативы. Один из них, губернатор Бейрутского вилайета Бекир Сами-бей (Кундух) еще 30 июля 1914 г. направил военному министру Энвер-паше письмо, в котором указывал на необходимость организации на Кавказе восстаний местного населения против российской администрации и рекомендовал привлечь к выполнению этой задачи таких знаковых с точки зрения идеологии и традиций горского движения сопротивления XIX в. личностей, как генералы Мухаммед Камиль-паша и Мухаммед Фазыл-паша [3, 607] — соответственно сын и шурина сына имама Шамиля.

В первых числах августа 1914 г. состоялись прямые контакты между младотурками и группой влиятельных диаспорных политиков, на которых была достигнута договоренность о сотрудничестве в претворении в жизнь кавказской политики Порты. Тогда же в качестве формы политического устройства Кавказа после его «освобождения» была одобрена модель формально независимого конфедеративного государства в пределах «Большого Кавказа», которое должно было управляться одним из османских принцев и служить барьером, защищающим османские владения от «угрозы с севера» [4, 90].

Вскоре после этого была учреждена так называемая Турецкая санитарная миссия, на деле представлявшая собой политический комитет и состоявшая из ряда известных в стране лиц кавказского происхождения во главе с маршалом и сенатором

Фуад-пашой (Тхуго). Поскольку в начальный период войны османские власти делали ставку на инспирирование на Кавказе широкомасштабного восстания для поддержки своих наступательных операций, черкесские деятели также были сориентированы Энвер-пашой на решение в первую очередь этой задачи. Так, упомянутая организация должна была под прикрытием гуманитарной и благотворительной деятельности проводить на Кавказе работу по стимулированию антироссийских настроений среди местного населения [3, 607].

Однако с провалом зимой 1914-1915 гг. «кавказской» (карско-сарыкамьшской) кампании османской армии шаги по провоцированию нестабильности непосредственно на Северном Кавказе на время утратили актуальность. Ввиду этого на передний план в стратегии диаспорных активистов и их младотурецких покровителей вышла деятельность по продвижению на международном уровне и прежде всего в странах — старших партнерах Порты по альянсу — ранее согласованных проектов создания «кавказской конфедерации» в случае поражения России в войне. В сентябре 1915 г. в Стамбуле был создан Комитет независимости Кавказа (КНК) во главе с Фуад-пашой, провозгласивший своей целью достижение «идеала свободного и единого Кавказа» [5, 14-15]. В декабре того же года КНК направил делегацию в Германию и Австро-Венгрию для лоббирования требования кавказской независимости. Помимо этнических северокавказцев, в ее состав вошли представители грузинских и азербайджанских антироссийских эмигрантских групп. Благодаря посредничеству младотурецких лидеров делегация была принята в Берлине и Вене на уровне министров иностранных дел и вручила меморандумы, в которых высказывалась просьба оказать КНК «как выразителю интересов коренных народов Кавказа и их политических эмиграций и диаспор» содействие в достижении поставленных целей. В ответах обоих правительств сдержанно выражались симпатии к чаяниям кавказцев. Кроме того, КНК было позволено осуществлять агитационную и вербовочную работу среди находившихся в лагерях для российских военнопленных в Германии и Австро-Венгрии выходцев с Кавказа с целью подготовки « кадро-

вого ядра» военных, политических и прочих структур будущего независимого государства [6, 17-18; 7, 175].

Не позднее июня 1916 г. КНК в связи с выходом из него закавказских активистов был преобразован в Комитет северокавказских политических эмигрантов в Турции (КСКПЭТ). Обновленному формированию принадлежала ведущая роль в подготовке самой заметной политико-пропагандистской акции диаспорных кругов на международной арене — участия выступавшей от имени Северного Кавказа делегации в III Конгрессе угнетенных наций, прошедшем 27-29 июня 1916 г. в Лозанне под эгидой так называемого Союза национальностей и при закулисной поддержке германского МИД. Репрезентативность этого форума, собравшего представителей более двадцати зависимых и колониальных народов Европы, Азии и Африки, и его проведение в нейтральной Швейцарии обеспечили ему определенный резонанс в прессе и политических кругах стран обеих воюющих группировок. Посланцы КСКПЭТ, подобно делегатам из других регионов Российской империи, подвергли резкой критике политику царских властей в национальном вопросе и в очередной раз констатировали свою приверженность принципу независимого кавказского конфедеративного государства [6, 18]. Интересно, что в период пребывания в Швейцарии руководитель делегации профессор стамбульского Высшего аграрного училища Азиз-бей (Мекер) несколько раз встречался с лидером большевиков В. И. Лениным [8, 329], что свидетельствовало о стремлении к установлению контактов не только с российскими «инородческими» движениями, но и группами общероссийской радикальной оппозиции.

С целью активизации информационно-пропагандистской работы в Западной Европе в Женеве вслед за конгрессом было открыто представительство КСКПЭТ, которое возглавил корреспондент Османского национального телеграфного агентства в Швейцарии Мехмед Шамиль-бей (Шхапли), правнук имама Шамиля по материнской линии [5, 16].

Следует отметить, что, несмотря на преобладание в деятельности КНК и КСКПЭТ чисто политических моментов, черкесские лидеры в данный период, похоже, не отказались полностью и от

надежд на силовое решение «кавказской проблемы» или хотя бы подкрепление своих национально-государственных устремлений успешными и по возможности громкими шагами в военной сфере. Особенно важной задачей им представлялось создание национальных вооруженных формирований для их использования еще в ходе войны в боевых действиях на кавказском фронте, что должно было иметь не только военный, но и политический и пропагандистский эффект. Так, в октябре 1915 г. на заседании политического актива диаспоры под председательством Фуад-паши было принято обращение к Порте с просьбой оказать содействие в организации «национальной армии». Для этого предлагалось отозвать из османской армии офицеров и солдат северокавказского происхождения и сформировать из них этнические подразделения, в которые в дальнейшем должны были направляться и все вновь мобилизуемые лица из числа черкесов. Предполагалось, что укомплектованное таким образом войско численностью до 60 тыс. человек будет обеспечиваться финансами и довольствием из резервов военного министерства, но находиться в формальном подчинении КНК. К февралю 1916 г. эти силы, местом дислокации которых намечалось сделать Трабзонский вилайет, должны были быть полностью подготовлены к выполнению боевых задач с тем, чтобы в случае удачного развития военной ситуации принять активное участие в очередном османском наступлении. Данный план получил поддержку части османского руководства, прежде всего Особой организации, хотя отнюдь не все влиятельные силы в Стамбуле считали его реализацию целесообразной. Впрочем, возобновившееся в начале 1916 г. продвижение российских войск в глубь Восточной Анатолии положило конец дискуссиям вокруг этого вопроса [9, 141-142]. Позднее, разочаровавшись в возможности получения от Порты поддержки в деле «национального военного строительства», некоторые черкесские активисты попытались решить эту проблему при помощи немцев в обход османских инстанций. Летом 1916 г. Бекиром Сами-беем было передано немецким официальным представителям в Стамбуле предложение о создании из «недовольных турками» и потому не желавших служить в ос-

манской армии, но при этом полностью обеспеченных вооружением и лошадьми нескольких тысяч этнических северокавказцев особого кавалерийского формирования — «черкесского легиона» — под командованием германских офицеров для его немедленной отправки на российский фронт. Хотя эта инициатива была воспринята в Берлине не без интереса, в конечном счете немецкое правительство, опасаясь осложнений в своих отношениях с османскими властями, отклонило ее [10, 71, 96].

В целом, несомненно, первые три года войны были для вовлеченных в описываемую деятельность диаспорных политиков, дипломатов и военных периодом не слишком результативного ожидания благоприятных для них сдвигов в глобальной и региональной конъюнктуре. Положение значительно изменилось после революций 1917 г. в России. Крах царизма и начавшиеся в стране дезинтеграционные процессы, в том числе учреждение группой горской либерально-демократической интеллигенции Союза объединенных горцев Кавказа (СОГК) и постановка им в повестку дня вопроса о самоопределении Северного Кавказа, породили среди активистов диаспорных организаций надежды на скорую реализацию вынашивавшихся ими проектов решения «кавказского вопроса». Сложившаяся обстановка побуждала и младотурок к активизации своей кавказской политики и подключению к ней представителей черкесской элиты, через которых предполагалось обеспечить османский контроль над молодым горским национальным движением.

В конце 1917 — начале 1918 г. властями был инспирирован ряд воззваний от имени диаспоры к народам Северного Кавказа с призывом усилить борьбу за независимость, а также к различным европейским державам и организациям с требованием поддержать эти усилия. Характерно, например, «Обращение Общества единения Кавказа к правительствам Османской империи, Германии, Австро-Венгрии, Болгарии, Польши, центральному правительству России, Украинскому комитету, Стокгольмской и Бернской мирным конференциям» от 20 ноября 1917 г., в котором выражалась уверенность в «необходимости срочного подтверждения... коренными народами Кавказа перед всеми

правительствами и цивилизованным общественным мнением своей независимости и намерения образовать... Кавказскую Конфедерацию в составе Российской Союзной Республики»(!). Большое место в этом документе занимали суждения относительно будущего устройства Черкесии как «исконной исторической родины одного из важнейших народов Конфедерации — адыгов». Констатировалось, в частности, что, несмотря на «вынужденное... и временное» переселение в Османскую империю большинства коренных жителей и последующую военно-казачью колонизацию края, Кубано-Черноморский регион является «неотъемлемой частью страны», куда должны получить возможность вернуться все желающие сделать это черкесы-мухаджеры и их потомки; что касается привилегированных при царизме «пришлых групп», они также могли проживать здесь, но лишь при условии «объединения своей судьбы с кавказцами» и безоговорочного согласия на пропорциональное и справедливое перераспределение земли в пользу горцев, в том числе и предполагаемых репатриантов [11, 109-110].

В этот же период главный редактор издававшейся перед войной в Стамбуле черкесской газеты «Гуазе» Юсуф Суад-бей (Негуч) и еще несколько молодых черкесских активистов (в основном офицеров) были переправлены Особой организацией на историческую родину для установления взаимодействия с местными национальными силами, однако большинство вскоре было вынуждено вернуться обратно [9, 142].

В середине марта 1918 г. начальник штаба османского военно-морского флота и видный деятель диаспорных политических структур подполковник Хюсейин Рауф-бей (Ашхарува) встретился с «представителями Дагестана», прибывшими в составе делегации Закавказского правительства на Трабзонскую мирную конференцию [12, 310, 428-429]. Эти контакты и не в последнюю очередь заинтересованная позиция Хюсейина Рауф-бея подготовили почву для визита в Турцию в начале апреля официальной делегации Центрального исполнительного комитета СОГК (так называемого Горского правительства) в составе Г. Бамматова, А.-М. Чермоева и М.-К. Дибирова. После детальных консультаций

с Хюсейном Рауфом делегация была принята высшими лицами империи — премьер-министром Талат-пашой, военным министром Энвер-пашой и султаном Мехмедом V. В ходе этих переговоров горские делегаты, в полном соответствии с геополитическими планами младотурок, заявили о своей готовности добиваться отделения Северного Кавказа от России и его вступления в конфедеративный союз с закавказскими странами под османским протекторатом, прося предоставить их движению военную, экономическую и политическую помощь [12, 386-391, 523-525].

С целью координации действий властей, диаспорных деятелей и горских лидеров по проведению в жизнь в сущности согласованной кавказской стратегии в апреле 1918 г. была создана новая организация — Общество Северного Кавказа (ОСК), председателем которого стал директор Османского национального телеграфного агентства полковник Хюсейин Тосун-бей (Шапли). Важную роль в деятельности общества играли также упомянутые выше Фуад-паша, Хюсейин Рауф-бей (с октября 1918 г. министр флота), Бекир Сами-бей, Азиз-бей, а также министр внутренних дел (с июля 1918 г.) Исмаил Джанбулат-бей (Хатко), экс-губернатор Диярбекирского вилайета Мехмед Решид-бей (Ханакхе), член правления младотурецкого комитета «Единение и прогресс» Хюсейин Кадри-бей (Шапли), генерал Юсуф Иззет-паша (Чунатуко), подполковник Исмаил Хаккы-бей (Беркук) и другие представители черкесской военно-бюрократической элиты [13, 51]. ОСК выполняло посреднические функции между властями и прибывшими с Северного Кавказа делегатами, явно стараясь способствовать радикализации позиции тех и других. Отчасти результатом этих усилий стали провозглашение в Стамбуле 11 мая 1918 г. независимости Северо-Кавказской Республики (СКР) Г. Бамматовым и А.-М. Чермоевым (в качестве соответственно премьер-министра и министра иностранных дел Горского правительства) и ее немедленное признание Портой, которая 8 июня заключила с этим формированием также договор о дружбе и взаимопомощи [12, 622-640].

Активность младотурецкого руководства и связанной с ним политизированной группировки диаспоры на Северном Кавказе

достигла кульминации летом-осенью 1918 г., когда Порты предприняла в регионе вооруженную интервенцию, позволившую лидерам Горского правительства вернуться на родину и установить юрисдикцию СКР на части территории Дагестана. Обращает на себя внимание чрезвычайно высокая доля офицеров-черкесов в составе осуществившего эту операцию османского экспедиционного корпуса, командиром и начальником штаба которого являлись члены ОСК — Юсуф Иззет-паша и Исмаил Хаккы-бей соответственно. Одновременно Юсуф Иззет-паша стал официальным представителем османского государства в СКР, а Исмаил Хаккы-бей — главным военным советником Горского правительства, ведавшим формированием его вооруженных сил [14, 5-7]. Эти назначения, несомненно, были обусловлены известными расчетами стамбульских властей по использованию фактора черкесской диаспоры в своей кавказской политике, на что указывал в своих воспоминаниях и сам Юсуф Иззет-паша [15, 596].

За оккупацией Дагестана, согласно замыслу младотурок и их горских и диаспорных сателлитов, должно было последовать «освобождение» от «красных» и «белых» сил остальной части Северного Кавказа вплоть до исторической Черкесии и Абхазии [16, 86], что означало бы фактическую реализацию проекта СКР в ее максимальных границах «от моря до моря» и завершение сооружения «кавказского барьера» против России. Отметим в этой связи, что в июле 1918 г. Энвер-паша по просьбе диаспорных активистов и горских эмиссаров негласно санкционировал высадку близ Сухума небольшого османского десанта, состоявшего в основном из этнических абхазцев, под предлогом ограждения Абхазии от притязаний меньшевистской Грузии, но эта акция оказалась неудачной [11, 233-244, 283-287, 305].

Вышеуказанным планам, однако, не суждено было осуществиться. Резкое ухудшение положения османских войск на других фронтах в октябре 1918 г. и падение младотурецкого режима не оставили даже теоретических шансов на разрешение «кавказского вопроса» по стамбульскому сценарию. Подписанное Портой 30 октября Мудросское перемирие с державами Антанты предусматривало немедленный вывод османских формирова-

ний с Кавказа. Несмотря на попытки находившихся в Дагестане военных-черкесов и прежде всего Юсуфа Иззет-паши максимально затянуть выполнение этого пункта, в конце ноября, после нескольких нот англичан, турецкие подразделения покинули занятые ими кавказские территории [4, 95–96; 16, 88–90].

Оказавшись перед необходимостью скорейшего нахождения новых покровителей для воплощения в жизнь своих целей, представители черкесской элиты в складывавшихся условиях попытались найти понимание держав-победительниц и прежде всего Великобритании. Поскольку наши сведения об этом эпизоде основываются на данных впервые вводимого в оборот английского архивного документа, мы считаем необходимым остановиться на нем несколько подробнее. В конце ноября 1918 г. делегация ОСК во главе с Фуад-пашой передала в британский Верховный комиссариат (фактически оккупационную администрацию) в Стамбуле меморандум на имя британского правительства с пространственным изложением «пожеланий» северокавказцев диаспоры и исторической родины [17]. В обращении выражалась надежда на рассмотрение на предстоящей мирной конференции — «при решении судеб народов и будущего устройства государств в соответствии с принципом национальностей» — также и северокавказского вопроса. Авторы документа просили Лондон обеспечить признание независимости СКР в границах от Абхазии до Дагестана под английским протекторатом, чтобы дать горцам возможность сосредоточиться на строительстве национальных государственных институтов и развитии экономики; полная же независимость региона («страны») могла быть провозглашена лишь после обретения им «прочной и надежной жизнеспособности». В связи с этим высказывалась просьба безотлагательно предпринять военную операцию для «освобождения» занятых большевиками областей Северного Кавказа. Для обоснования претензий северокавказцев на «свободную и независимую социальную жизнь» в обращении указывалось на большое значение, придаваемое ими национальному просвещению, в частности на факт наличия среди них сотен выпускников российских и западных университетов. Интересно, что, подробно перечисляя пред-

принятые горскими политиками после падения царизма шаги по институционализации национальной государственности, документ обходил молчанием их недавние контакты с османцами и немцами, включая факт провозглашения независимости СКР в Стамбуле, а из акций османских черкесов в период войны упоминал лишь об их участии в лозаннском конгрессе 1916 г. Для решения проблемы черкесской диаспоры к британскому правительству была обращена просьба оказать «...полутора миллионам черкесов, находящимся в Турции», но «...сохраняющим по сей день нерушимые узы родства и привязанность к Северному Кавказу», содействие в «возвращении в страну исхода...» и «...реституции узурпированных земель». В случае удовлетворения этих требований Северный Кавказ мог бы «составить авангард, преданный сферам английского цивилизующего влияния на Юге».

Данный меморандум получил определенную поддержку Верховного комиссариата и в течение нескольких следующих месяцев находился на рассмотрении в Лондоне. Однако подготовленное в начале апреля 1919 г. будущим известным историком, а в тот период сотрудником Секретного департамента военной пропаганды Форин-оффиса Арнольдом Тойнби экспертное заключение, выражая сочувствие к трагической судьбе и борьбе черкесов, вместе с тем исходило из недопустимости их поощрения к репатриации на Кавказ, поскольку это «...вызывало бы противодействие не только местных русских, но и Российского государства» и привело бы к нежелательным для союзников осложнениям в регионе. По мнению Тойнби, черкесам диаспоры должно было быть найдено применение в русле союзных интересов на самом Ближнем Востоке. Что касается признания СКР, этот вопрос обходился в заключении молчанием [17].

Несомненно, что, апеллируя к Великобритании, диаспорные политики рассчитывали прежде всего воспользоваться бескомпромиссной антисоветской позицией Лондона для укрепления военно-политического положения Горского правительства, которое после эвакуации турецких войск стремительно теряло контроль над своей номинальной территорией под ударами большевистских сил. Кроме того, черкесским лидерам не могла не импо-

нирывать декларируемая ведущими государствами Антанты приверженность праву наций на самоопределение, порождавшая надежды на распространение этого принципа и на народы российского Кавказа. Подобные планы северокавказских активистов, однако, коренным образом противоречили интересам держав-победительниц, сделавших ставку на совсем другие силы в гражданском противостоянии на юге бывшей Российской империи. Следует также иметь в виду, что ОСК и многие его активисты прочно ассоциировались у англичан с младотурецким режимом и не без оснований подозревались в связях с запрещенным, но ушедшим в подполье комитетом «Единение и прогресс». Попытки ОСК начать позиционировать себя в качестве лояльной новым властям организации не смогли изменить этого положения, и в июне 1919 г. оно было явочным порядком распущено британскими военными [18, 2-3]. Этим фактически был положен конец четырехлетним усилиям группировки черкесских политиков, военных, государственных и общественных деятелей по оказанию влияния на ситуацию в кавказском регионе.

Подводя итог описанной выше в общих чертах кавказскоориентированной деятельности представителей военной, бюрократической и интеллектуальной элиты черкесской диаспоры в годы Первой мировой войны, отметим, что эта активность была в целом довольно жестко привязана к курсу младотурок, которые успешно эксплуатировали этнонациональные устремления своих подданных-северокавказцев в направлении своих геостратегических целей. Со своей стороны, диаспорные политики также пытались использовать экспансионистские амбиции режима и специфику международной конъюнктуры для ускоренного продвижения в повестку дня Порты, ее союзников и в целом западного общественного мнения «(северо) кавказского вопроса». Созданные в эти годы османскими черкесами комитеты и общества, безусловно, играли определенную роль в конкретизации и, как правило, радикализации кавказской политики Стамбула и смогли привлечь на некоторое время внимание заинтересованных европейских кругов к положению Северного Кавказа и его диаспоры. Вместе с тем очевидно, что разрабатывавшиеся чер-

керчекскими деятелями проекты изменения статуса и политической судьбы исторической родины плохо соотносились с современной им ситуацией в регионе. Так, диаспорные лидеры и курировавшие их младотурки значительно переоценивали степень непримиримости и антагонизма отношений между северокавказскими народами и российским государством и одновременно игнорировали социальные, идеологические, этнические и иные различия и противоречия внутри самого горского сообщества. Преувеличенными были и их предположения о бытовании среди северокавказских мусульман проосманских настроений. Наиболее зримым подтверждением неадекватности представлений этих кругов о реалиях Кавказа могут служить разделявшиеся ими в начале войны ожидания масштабного выступления горцев против российской власти. По существу, только с 1918 г. черкесским активистам удалось начать интенсивно взаимодействовать со своими единомышленниками на Кавказе, однако и на этом этапе они, как и официальный Стамбул, недооценивали то обстоятельство, что выступавшее в качестве их партнера Горское правительство представляло лишь одно из течений раздробленного и изменчивого идейно-политического спектра послереволюционного Северного Кавказа. Данные слабости программы черкесских политиков могли серьезно затруднить реализацию их плана «освобождения родины» даже в случае благоприятного для Центральных держав исхода войны. В силу ее хорошо известного финала, однако, дальнейшие проекты и действия диаспорной элиты по решению кавказских проблем потеряли практический смысл. Предпринятая черкесскими лидерами сразу вслед за капитуляцией Османской империи попытка заинтересовать в своем плане кавказского урегулирования победителей явно выглядела в глазах последних неубедительной и также не увенчалась успехом.

Примечания

1. Başbakanlık Osmanlı Arşivi. Meclis-i Vükela. № 195/28, 195/116.
2. Ünal M. Kurtuluş Savaşında Çerkeslerin Rolü. İstanbul: Cem Yayınevi, 1996.

3. *Budak M.* Kafkasya ve Osmanlı Devleti (XVI-XX. Yüzyıllar) // Osmanlı. I. Ankara: Yeni Türkiye Yayınları, 1999.
4. *Saydam A.* Kafkasya'da Bağımsızlık Mücadeleleri ve Türkiye. Trabzon: Karadeniz Teknik Üniversitesi Yayınları, 1993.
5. *Turan M.A.* Kafkasya Komitesi ve Türkiye'deki Kuzey Kafkasya Siyasi Göçmenleri Komitesi // Tarih ve Toplum. 1997. № 165.
6. *Jaeschke G.* 1916 Lozan Kongresi'nde Rusya Mahkumu Milletler // Tarih ve Toplum. 1997. № 165.
7. *Aydemir İ.* Muhaceretteki Çerkes Aydınları. Ankara, 1991.
8. *Kurat A.N.* Türkiye ve Rusya (1798-1919). Ankara: Ankara Üniversitesi Basımevi, 1970.
9. *Balcıoğlu M.* Teşkilat-ı Mahsusa'dan Cumhuriyet'e. Ankara: Asil Yayın, 2004.
10. *Zürrer W.* Almanya ve 1918 Yılında Kuzey Kafkasya'daki Gelişmeler // Özbek B. (ed.) Avrupa Gözüyle Çerkesler (Anı-İnceleme). Ankara: Kafdağı Yayınları, 1997.
11. *Berzeg S.E.* Kuzey Kafkasya Cumhuriyeti. I. İstanbul: Birleşik Kafkasya, 2003.
12. *Şahin E.* Trabzon ve Batum Konferansları ve Antlaşmaları (1917-1918). Ankara: Türk Tarih Kurumu Yayınları, 2001.
13. *Turan M.A.* Şimali Kafkas Cemiyeti // Tarih ve Toplum. 1998. № 172.
14. *Güsar V.* Kuzey Kafkas Son Milli Mücadelesine Katılan Türkiye Çerkesleri // Kafkasya. 1970. № 28.
15. Birinci Dünya Harbinde Türk Harbi. Kafkas Cephesi. Üçüncü Ordu Harekatı. II/2. Ankara: Genelkurmay Başkanlığı Yayınları, 1993.
16. *Bal H.* Kuzey Kafkasya'nın İstiklali ve Türkiye'nin Askeri Yardımı (1917-1918) // Kafkas Araştırmaları. 1997. № 3.
17. UK National Archives. FO. № 608/84/25: Proposed Resettlement of Circassians in the Caucasus, Apr. 1919.
18. *Butbay M.* Kafkasya Hatıraları. Ankara: Türk Tarih Kurumu Yayınları, 1990.

*С. В. Дарчиева
(Владикавказ)*

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ ДЕПУТАТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПЕРЕД И В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Под жестким давлением властей IV Государственная дума (15 ноября 1912-25 февраля 1917 гг.) стала еще более политически и национально однородной. Численность членов национальных фракций (Польское коло, польско-литовско-белорусская, мусульманская, а так же казачья группы) еще более сокращаются, как в абсолютных цифрах, так и в относительных пропорциях. В работе четвертой Думы от Северного Кавказа приняли участие: М. А. Караулов — от Терского казачьего войска, К. Л. Бардиж — от Кубанского казачьего войска, Н. П. Николаев — от Терской области, Кубанской области и Черноморской губернии, М. М. Далгат — от Дагестанской области и Закатальского округа [1,5]. Малочисленность народных представителей с региона не позволяла им занимать самостоятельную позицию, и они были вынуждены идти на союзничество с другими партийными объединениями. М. А. Караулов и К. Л. Бардиж вошли в казачью группу, Н. П. Николаев примкнул к кадетам, М. М. Далгат вошел в Прогрессивный блок.

Характеризуя работу северокавказских депутатов, изучив стенографические отчеты работы Думы, личные отчеты составленные депутатами, можно сделать вывод о широком поле деятельности народных избранников. Они выступали в качестве ораторов или докладчиков на общем собрании Думы, следили за общим ходом дел, принимали участие в обсуждении вопросов не только касающихся региона, но и поддерживали политические объединения, в которые входили [2]. В центре внимания депутатов от Северного Кавказа были вопросы — введение земского самоуправления, земельный, национально-религиозных взаимоотношений, политико-правового положения казачества и горских народов.

Главные вопросы России — земельный и национальный, вновь обрели остроту и стали основным направлением в дея-

тельности парламентариев. Основным направлением деятельности депутатов от Северного Кавказа в IV Думе было участие в работе аграрной комиссии по выработке законопроекта о земле, содействие проведению реформы по отмене зависимых отношений в Дагестане, о прекращении хизанских отношений, а также работа с запросами и наказами в адрес Думы. Депутаты от казачества, М. А. Караулов и К. Л. Бардиж, в своей программе ставили цель добиться пересмотра правительственной политики мобилизации казаков для борьбы с освободительным движением, доказывали, что «полицейская служба не совместима со званием казака-воина, защитника Родины» [3].

В работе думской аграрной комиссии по выработке законодательства о земле участвовали депутаты от Кубанской области Н. П. Николаев и от Терской области М. А. Караулов. В своих выступлениях по решению аграрного вопроса депутаты делились по платформам, и фракции и партии решали этот сложный вопрос по-разному. Так, депутаты от партии трудовиков и эсеров настаивали на том, что земельная собственность должна быть уничтожена, земля — стать общим достоянием и каждый человек, который хотел бы трудиться на земле, мог получить это право. «Мы, — говорил депутат от Ставропольской губернии Н. Мирошниченко, — не останавливаемся на пол-дороге, в своем законопроекте говорим: всякая собственность в пределах российского государства на землю отныне и навсегда отменяется. Вся земля с ее водами и недрами объявляется достоянием всего российского государства. На пользование этим достоянием все граждане имеют равное право» [4]. А депутат от Терской области М. А. Караулов в своем выступлении настаивал не о прибавке земли народу, а о поднятии ее производительности. М. А. Караулов не выступал против расширения крестьянского землепользования, но стоял на платформе кадетов, т.е. удовлетворить насущную потребность крестьян в земле, за справедливое вознаграждение [4].

Объективно усилившееся национальное самосознание народов империи не только не находило думского отражения, но, напротив, игнорировалось властью и правыми националистами в Думе и Госсовете.

Мусульманская фракция использовала думскую трибуну для разоблачения мифа о якобы нарастающих пантюркизме и мусульманском сепаратизме. Первая Балканская война 1912-1913 гг. и поражение в ней Турции вызвали в русском обществе подъем прославянских настроений. Правые депутаты с думской трибуны открыто говорили о победе «славянства над исламом». Правительство в сочувствии российских мусульман своим единоверцам — туркам стало усматривать один из признаков развития панисламизма и сепаратизма. В речи по случаю победы союзных славянских войск над турецкими в марте 1913 г. депутат Бакинской области М. Джафаров призывал не сводить войну между государствами к противостоянию, двух религий [5, 202]. В период работы IV Думы становится еще более заметным взаимовлияние имперской внешней и внутренней политики России, усиливаются панславистские настроения не только правых, но и кадетов. 30 марта 1913 г. на заседании Центрального комитета кадетов рассматривался вопрос об отношении к славянским манифестациям.

Один из лидеров кадетской партии М. М. Винавер резко критиковал славянофилов, подчеркивая, что под видом сочувствия славянам в обществе растет великодержавный русский шовинизм и грубый патриотизм. Присутствующий на заседании член Государственной думы от Терской области М. А. Караулов заявил: «что поднимает перчатку, брошенную Винавером, и поражается, как русская политическая партия народной свободы в лице петербургских вождей боится пробуждения национального чувства; довольно кадеты плелись в хвосте революции, довольно заигрывать с левыми, нужно определенно заявить, что славянское движение в России плюс общественное сознание, которым нужно дорожить, а не бороться с ним» [6, 27].

Первая мировая война, разразившаяся в 1914 г., стала для Российской империи пробой на прочность, которая оказалась выше ее сил. Поражения, которые нанесли Российской империи немецкие войска, привели впервые за последние три столетия к существенным территориальным потерям, а трудности военного времени обострили политическую, социальную и национальную напряженность внутри страны, что привело к взрыву в феврале 1917 г.

Однако начало Первой мировой войны создало иллюзию общеимперского внационального единства, вызвало всплеск патриотических чувств, проявившегося в думском голосовании по военным и бюджетным вопросам. Председатель правительства И.Л. Горемыкин, выступивший с декларацией правительства, заявил: «Внутренняя политика наша должна быть проникнута началом беспристрастного и благожелательного внимания к интересам всех верных России граждан без различия племени, языка и веры. Соединимся же в одной общей работе, к которой в эти дни военной грозы нас призывает наш державный Вождь. . . Да не будет в России на время военных действий никаких партий, кроме одной — «партии войны до конца», никаких программ, кроме одной — «победить» [5,205].

Все думские фракции, исключая социал-демократов, в едином порыве поддержали самодержавие в этой войне до победного конца. Свое официальное заявление об отношении к мировой войне мусульманская фракция огласила на январской сессии 1915 г. В этом заявлении председатель фракции К. Тевкелев заверил, что мусульманское население окажет правительству всяческую поддержку, чтобы «довести до скорого и успешного конца настоящую грозную войну» [8].

В октябре 1914 г. на стороне Тройственного союза в войну вступила Турция. На юге Российской империи образовался новый Кавказский фронт. Мусульманское население Карской и Батумской областей оказалось в зоне боевых действий и дислокации действующей русской армии. Те прославянские настроения и патриотический подъем, которые были характерны для русского общества перед Первой мировой войной, с началом ее переросли в шовинистический бум. Видимо, именно этими настроениями можно объяснить те жестокости и преследования, которым подверглись кавказские мусульмане со стороны своей же российской армии в тех областях, где проходил фронт. В связи с этим в Думе мусульманской фракцией было сделано заявление «По поводу положения мусульман на Кавказском фронте» [8]. Однако в связи с неудачами на фронте весной-летом 1915 г. и падением военно-патриотического энтузиазма, национальный вопрос становится все более актуальным.

В 1915 г. члены мусульманской фракции совместно с латышскими, литовскими, эстонскими, армянскими и еврейскими депутатами выступили с заявлением об «обеспечении входящим в состав России народностям гражданского и национального равноправия» и об отмене «в законодательном порядке всех ограничений, связанных с вероисповеданием или национальностью» [9,107-108].

Летом 1915 г. думские либеральные фракции выдвинули лозунг создания правительства, пользующегося доверием Думы. «Министерство доверия, которое предполагалось сформировать из чиновников-профессионалов и представителей либеральной общественности, должно было обеспечить победоносное завершение войны, а также осуществить ряд политических и социальных реформ, способных стабилизировать обстановку в стране и избежать новой революции. Для достижения этой цели в августе 1915 г. из представителей центристских фракций Госдумы и Госсовета был создан «Прогрессивный блок». В Блок вошли 236 из 442 депутатов Думы и три фракции Госсовета. Думская оппозиция включает в свою программу довольно умеренные требования: создание правительства «общественного доверия», частичная амнистия за политические и религиозные преступления, прекращение преследований за веру, отмена ограничений в правах крестьян и национальных меньшинств [12].

Создателем Прогрессивного блока, его лидером считался П.Н. Милюков. Сам он в своих воспоминаниях так определил цели создания блока. «Его политический смысл заключается в последней попытке найти мирный исход из положения, которое с каждым днем становилось все более грозным. Средство, для этого употребленное, состояло в образовании, в пределах законодательных учреждений, большинства народного представительства, которое взяло бы в свои руки руководство дальнейшими событиями» [11]. Таким образом, блок был создан для того, чтобы укрепить самостоятельность Думы, ее связь с общественными организациями, расширить социальную базу и влияние.

Однако и «Прогрессивный блок» не был в состоянии решающим образом повлиять на внутривнутриполитический курс само-

державного режима, исчерпавшего потенциал более или менее эффективного управления страной. Это относится ко всем проблемам национальной политики, взаимоотношениям центра и национальных регионов.

Мусульманская группа в IV Государственной Думе из-за малочисленности, приняла решение присоединиться к Прогрессивному блоку, высказав свои пожелания, что в его программу будут внесены требования об отмене ограничений в юридических правах мусульманского населения России.

Активную роль в деятельности Прогрессивного блока принял депутат от Дагестанской области и Закатальского округа М.М. Далгат, врач по образованию, переквалифицировавшийся в политика, для того чтобы «лечить» общество и власть от беззакония, коррупции и революций. Будучи депутатом, М.М. Далгат рассматривал Думу как инструмент достижения определенных целей в интересах горских народов. Им было выдвинуто два законопроекта: первый связан с решением земельного вопроса горцев — отказ от выкупа; второй законопроект связан с заменой горских судов общинами, а судопроизводство вести на местных языках. Несомненно, вносимые М.М. Далгатом поправки имели прогрессивный характер и при их реализации улучшили бы ситуацию в крае, но дестабилизация обстановки в России и на Северном Кавказе отодвинули на неопределенное время проведение всех реформ.

Конфликт Думы и правительства продолжал нарастать. Впрочем, и понимающие бесплодность думских речей оппозиционные депутаты не могли предложить ничего реального. Передавая слух, будто рабочие хотели идти к Думе и требовать, чтобы она объявила себя Учредительным собранием и назначила Временное правительство или диктатора, М.А. Караулов говорил: «Как горько ошибаются те, которые возлагают на нас такие надежды. Это из нашего-то состава выбрать диктатора? Это мы-то Учредительное собрание?». Но, предлагая перейти к делу, М.А. Караулов рекомендовал лишь создать разъездные думские комиссии для выяснения на местах причин экономической разрухи и ввести смертную казнь для спекулянтов [14]. Ответом власти были объявления о перерывах в работе Думы;

последний указ о перерыве думских заседаний был подписан императором 25 февраля 1917 г.

Весьма показательной была позиция, занятая П. Н. Милюковым в Думе 27 февраля в связи с ее роспуском. По его собственному признанию, она была самой умеренной. После зачитания царского указа о роспуске перед думцами встал вопрос: как на него реагировать в условиях уже полным ходом идущей революции? «Были предложения, — свидетельствует П. Н. Милюков, — вернуться и возобновить формальное заседание Думы, не признавая указа (М. А. Караулов), объявить Думу учредительным собранием, передать власть диктатору (ген. Маниковскому), взять власть собравшимся и создать свой орган, во всяком случае, не разъезжаться из Петербурга» [13, 27-37].

27 февраля был образован Временный комитет Государственной думы по решению частного совещания членов Думы, собравшихся в Таврическом дворце. В состав Временного комитета, избранного после получения согласия на это председателя Думы М. В. Родзянко, по поручению частного Совещания совета старейшин вошли: М. В. Родзянко (председатель), И. И. Дмитрюков, М. А. Караулов, А. Ф. Керенский, А. И. Коновалов, В. Н. Львов, П. Н. Милюков, П. В. Некрасов, В. А. Ржевский, Н. С. Чхеидзе, С. И. Шидловский, В. В. Шульгин. 28 февраля комитет решил «взять в свои руки восстановления государственного и общественного порядка» [14, 104].

В связи с этим М. А. Караулов внес предложение: «Совет рабочих депутатов надо арестовать. Если, господа, Государственная дума даст мне соответствующий мандат, то я со своими казачками это поручение исполню». Однако парламент не решился дать санкцию на это предприятие.

Роспуск императором Государственной думы фактически был знаком неизбежности краха империи, а важнейшими линиями разлома огромной страны и ее власти неминуемо становились этнорегиональные границы. «Центр» и «окраины» жестко противостояли друг другу; стремление власти к сохранению, а тем более усилению имперского в ущерб национальному, ослабляло парламентаризм и в конечном итоге разрушило империю.

Примечания

1. Депутаты от Северного Кавказа в Государственной Думе Российской империи (1906-1917 гг.): Энциклопедический справочник. Владикавказ: ИПО СОИГСИ. 2009.

2. Государственная дума. Четвертый созыв: Сессия II. Т.1. Стенографические отчеты. Стб. 321, 732.

3. Государственная дума. Созыв первый. Стенографические отчеты. Т. II. Стб. 961-962.

4. Государственная дума. Четвертый созыв: Сессия II. Т.1. Стенографические отчеты. Стб. 321.

5. См.: Мусульманские депутаты в Государственной Думе России. 1906-1917.

6. ГАРФ. ДПО ОО. Ф. 102. 1912. Д. 27.

7. Государственная дума. Четвертый созыв: Стенографические отчеты. Сессия 4. Пг., 1916. Стб. 10.

8. Государственная дума. Четвертый созыв: Стенографические отчеты. Сессия 4. Пг., 1915. Ч. 1. Стб. 153-154.

9. *Дякин В. С.* Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны 1914-1917 гг. Л., 1967. С. 107-108.

10. *Милюков П. Н.* Воспоминания. Т. 2 (1859-1917). М., 1990.

11. Государственная дума. Четвертый созыв: Стенографические отчеты. Сессия 5. Стб. 1385-1390.

12. *Милюков П. Н.* Воспоминания. Т. 2 (1859-1917).

13. *Старцев В. И.* Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л., 1980.

14. *Сергеев В. Н., Шансугов Д. Ю.* Парламентская деятельность депутатов российского казачества (1906-1917). Ростов-на/Д., 2003.

Б. М.-Г. Харсиев
(Магас)

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ПОЛИТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ
НЕКОТОРЫХ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
XIX — нач. XX вв.

Различные этнокультурные группы Северного Кавказа на стадии завершения Кавказской войны находились на разных стадиях интеграции в государственное пространство России, и в различной степени зависимости от неё. Если условно можно допустить, что в замкнутых горных обществах, мог бы сохраниться довольно долго привычный, устоявшийся веками уклад, то в отношении кочевых народов Северного Кавказа такая вероятность выглядит умозрительной.

Территориальные манипуляции, земельные привилегии для одних, за счет ущемления других, как методы управления прочно вошли в политику и практику Кавказской администрации.

«Связь этнической культуры с географией несомненна... Поскольку все явления этногенеза происходят на поверхности Земли в тех или иных географических условиях, то неизбежно возникает вопрос о роли ландшафта как фактора, представляющего экономические возможности естественно сложившимся человеческим коллективам — этносам» [1,35].

На территории Кавказского Наместничества функционировала система военно-народного управления, которая охватывала все горское население Северного Кавказа [2,842-843]. Политические интересы монополии не предполагали быстрого вовлечения всех туземных народов Кавказа в политико-правовое пространство Российской империй, поэтому военное управление завоеванными территориями считалось более рациональным.

Военное управление, в отличие от гражданского, не индивидуализировало вину за преступления против власти, здесь была применима коллективная ответственность.

Сущность системы кавказского управления достаточно четко была определена дореволюционными исследователями: ей была присуща простота административного строя в формах общей стратегии колонизации завоеванных территорий.

Для эффективного управления «туземным» населением, закреплялись модернизированные установки обычного права, но при главенстве и контроле российских идеологических институтов, возглавляемых военными чиновниками. Рецепция обычного права была призвана послужить ослаблению практикуемых среди горцев Кавказа установок шариата, сузив роль последнего до уровня брачного регулирования и похоронных обрядов.

Система военно-народного управления концептуально базировалась на взаимодействии архи-традиционных структур управления (при сохранении адаптированных в интересах военного управления местных традиций и обычаев) и различных государственных инстанций. Власть демонстрировала показательный принцип невмешательства в частные отношения горских обществ, если эти отношения не противоречили интересам самой власти.

Пропаганда российского образа жизни и быта носила образовательный характер в рамках, определенных православной культурой. Для управления северокавказскими территориями была выработана специфическая форма, которая служила поставленным задачам управления Кавказа, перераспределению земель и новым сословно-поземельным отношениям.

Первым официальным применением системы так называемого военно-народного управления стала изданная князем Барятинским «Особая инструкция для управления горцами», и первым актом, который законодательно закрепил эту систему, явилось «Положение Кавказской Армии» от 1 апреля 1858 г., включавшего в себя особую часть «По управлению народами, не вошедшими в состав гражданского управления» [3, 168-169].

На Северном Кавказе царскому правительству так и не удалось преодолеть военизированный характер власти, восходивший к опыту Кавказской войны. Различной была политика власти по отношению к казачьему, русскому и горскому христианскому и горскому мусульманскому населению. Вместе с тем цель судебных и административных преобразований в отношении горцев с самого начала осознавалась и формулировалась предельно ясно.

В отчёте по главному управлению наместника Кавказского за первые десять лет управления великого князя Михаила Николаевича (1873 г.) находим пояснение о том, что военно-народное управление у горцев в 1859 году предназначено для того, «чтобы путём временного сохранения в силе действия местных обычаев, адата и административного давления на оный подготовить горское население к замене этих обычаев правильным законодательством». Можно предположить, что под «правильным законодательством» подразумевается российское имперское законодательство, общепринятое для поданных.

На Северном Кавказе аграрно-крестьянская реформа проводилась в два этапа. Первый этап земельной реформы заключался в размежевании земель и определении их юридического статуса, второй — ликвидация рабства и освобождение крестьян от личной зависимости.

При проведении земельной реформы на Северном Кавказе российская администрация отдавала приоритет раздаче земель дворянству, местной знати и общинному землевладению и землепользованию казачьих станиц.

Неравномерное распределение земельного фонда поставило в неравные условия выживания не только различные группы населения, но и различные народы, населяющие Северный Кавказ.

В горной Ингушетии и в Чечне в конце XIX — начале XX вв. на душу населения приходилось: земли пахотной — 0,9 и 0,3 дес., покосной — 0,5 и 0,55 дес., пастбищной — 2,5 десятины.

Непосредственным результатом проведения земельной

реформы на Северном Кавказе стало введение с 1 января 1866 г. государственной поземельной подати, известной как «подымный сбор».

Таким образом, направленность правовых и административных преобразований, а также статус горцев среди прочих поданных Российской империи были означены достаточно ясно.

Горские словесные суды возглавляли царские чиновники, которые не только не знали основ шариата и адатов, не знали языка судопроизводства, но также подчас не знали основ российского имперского права.

Сведение и формальная кодификация в один институт регулирования норм различных правовых систем, то есть государственного права Российской империи, религиозного права (шариат) и адатов ингушей, размыли правовую основу жизни населения, окончательно дезориентировав нормы ценностного социального поведения.

Рассогласование социальных и культурных ценностей привело к изменениям в поведенческой сфере целых общественных групп и личности, характеризующимся дизъюнктивными проявлениями: привели к росту доминантности, подозрительности, тревожности, соперничества; снижению нормативности поведения и сотрудничества.

Реформаторская деятельность российской администрации на Северном Кавказе не была направлена на унификацию управленческих институтов в рамках единого государства. Администрация стремилась «умиротворить» мусульманские народы края установлением над ними военно-полицейского надзора, противопоставляя казачье население горскому. В административном отношении, например, народности Терской области целиком отдавались в ведение военных властей.

Говоря о характере утверждения в данном регионе российской государственности, можно констатировать, что власти не были заинтересованы в сохранении этнической и социокультурной уникальности автохтонного населения Северного Кавказа. Мирясь с самобытностью горцев как с меньшим, по сравнению с вооружённым сопротивлением, злом российское

правительство способствовало оттоку значительной части местного населения в Турцию в 1850-1860-е гг., а затем разрешило поселиться ингушам на равнине в специальных отведенных районах. Переселение, по замыслу власти, способствовало ослаблению этнических связей, раздроблению целостности территорий компактного проживания горцев. Наряду с этим были созданы льготные условия для переселения крестьян из центральных районов России.

Наиболее значимым в завоевании Кавказа стало то, что Российская империя распространила свои пределы на территорию Северного Кавказа, открыв дорогу российскому суперэтосу для освоения нового жизненного пространства. Мирный культурный обмен гораздо больше сблизил этнические группы региона, чем военная экспансия. «Восходящая фаза последнего малого социального цикла периода империи закладывала основы для построения новой русской нации, развить которые и довести этот процесс до конца у царского правительства не хватило ни времени, ни возможностей» [9,112-113].

В позитивной идеологии нет места насилию даже ради великой цели, иначе она ущербна и выходит за рамки ценностной культуры. В отсутствии взаимно-приемлемой идеологии, толерантного политического курса, народ и власть по-разному видят свое будущее, что и приводит, в конечном счете, к конфронтации между властью и подвластными.

Как политический метод управления Кавказом в XVIII-XIX вв., сформировался принцип тенденциозной этнической элитарности, суть которого заключалась в делении населения Кавказа на привилегированные и опальные народности. Опасаясь консолидации этнических групп по обе стороны Кавказского хребта метрополия создала классовую этническую градацию, искусственно возвысив одних над другими.

В пореформенный период ингушское население включилось в процессы модернизации и капиталистического производства. Появилась плеяда талантливых офицеров русской армии, мелких промышленников, новой интеллигенции.

В 1905 году был образован особый ингушский округ под названием «Назрановский». В распоряжении констатируется следующее: «Выделение ингушей из состава Сунженского отдела произведено вследствие нерационального устройства управления этим народом; семнадцатилетнее существование объединенного управления казаками и ингушами доказало с полной очевидностью, что администрация Сунженского отдела, имея на своем попечении многотысячное казачье население, не в состоянии управлять шестидесятитысячным ингушским племенем, и в результате все функции власти атамана отдела по отношению к ингушам сводились лишь к ограждению казаков от преступлений со стороны их соседей.., администрация отдела, состоящая исключительно почти из казаков, естественно больше заботилась и вникала в нужды станиц, чем ингушей. Такое положение вещей подрывало постепенно авторитет правительственной власти в глазах ингушей, само собой толкало их на преступления, что, в свою очередь, вызывала необходимость принятия против ингушей ряда репрессивных мер; в отношении же поднятия культурно-экономического состояния этого народа, за истекшие 17 лет ничего не было сделано, вследствие чего ингуши сравнительно сильно от стали от своих соседей: осетин, чеченцев, кабардинцев. Упразднение существовавшего до 1888 г. отдельного управления ингушами и включение их в состав Сунженского отдела, совершившееся без всякого соображения с мировоззрением и условиями жизни этого племени, было крупной ошибкой» [5].

Образование отдельного национального ингушского округа привело к сокращению преступности среди населения, к качественному повышению уровня во взаимоотношениях населения с властями. «Ингушский народ стал более дисциплинированным и выказывает явное стремление идти по пути прогресса и мировой культуры... Таким образом, учреждение нового Назрановского округа, за короткое время его существования, возымело на ингушей весьма благотворное влияние в смысле введения среди них гражданственности» [5].

Система образования, сама школа всегда являлась лучшей пропагандой культурных ценностей. В 1836 году во Владикавказе открылось духовное училище, для подготовки православных священнослужителей и миссионеров из семей знатных осетин. В 1848 году при Навагинском полку открывается первая на Кавказе военная школа, куда принимали детей знатных горцев. По окончании школы курсант получал офицерское звание, что определяло дальнейшую судьбу данного горца. Примечательно, что в 1871 году по Кавказскому округу, считая и Закавказье, на 5635 жителей приходилась одна русская школа и на 638 жителей одна мусульманская. «...в русской школе в 1893 году насчитывалось 893 ученика, в мусульманской 25360 учеников», правда очень скоро эти цифры поменялись.

В рассматриваемый период происходит постепенный переход от включения народов Северного Кавказа в государственное пространство России к их постепенному превращению в часть российского историко-культурного типа. Это явление представляет собой более сложный и длительный процесс, затрагивающий изменение основ этнокультурных характеристик народов изучаемого региона, которое обрело зримые черты в период следующего большого социального цикла. Русский язык стал языком межнационального общения для народов, населяющих Россию. И как государственный язык основным для получения стандартного образования.

Этнос может менять свои адаптивные стратегии, постоянно вырабатывая для решения насущных задач новые формы культуры.

С петровских времен тяготея к европейским ценностям, Россия пыталась приобщиться сама и приобщить подвластные народы к европейской культуре, что сыграло определенную положительную роль в развитии народов. Историческая роль России в цивилизационном процессе кавказского региона значительна и неоспорима.

По сравнению с другими компонентами культуры, ценности, как правило, рассматриваются как более фундаменталь-

ные ментальные образования, как «абстрактные идеалы... не связанные с конкретным объектом или ситуацией, как своего рода представления человека об идеальных моделях поведения и идеальных конечных целях» [6,63].

Культуре каждой общности присущи определенные системы ценностей и соответствующая иерархия. Мир человеческих ценностей, затронутый бурными переменами, становится очень изменчив и противоречив. Кризис системы ценностей означает не их тотальное уничтожение, а изменение их внутренних структур. «В ценности всегда выражены обобщенные цели и средства их достижения. Они играют роль фундаментальных норм, которые обеспечивают интеграцию общества, помогают индивидам осуществлять социально одобряемый выбор своего поведения в жизненно значимых ситуациях, в том числе и выбор между конкретными целями рациональных действий. Ценности служат социальными индикаторами качества жизни, а система ценностей образует внутренний стержень культуры, духовную квинтэссенцию потребностей и интересов индивидов и социальных общностей. Система ценностей, в свою очередь, оказывает обратное влияние на социальные интересы и потребности, выступая одним из важнейших стимулов социального действия, поведения индивидов. Ценность связана с психическим бытием, с актом оценки, однако она не есть акт оценки, не выводится из него и не зависит от него. Ценность относительно независима от психического акта оценки, что говорит об ее объективном характере. Ценность воплощена в предмете. Она не трансцендентна по отношению к нашему миру и не является абсолютно самостоятельной сущностью. Это отношение ценности к миру выражается в *«долженствовании»* [7,245].

Сохраняя верность присяге (договору) российской короле 1770 и в 1810 году, ингуши принимали участие в военных компаниях Российской империи в составе русских войск, таких как: Крымская война 1853-1856 гг.; Русско-турецкая война 1877-1878 гг.; Русско-японская война 1904-1905 гг.; Первая мировая война 1914-1918 гг. По имеющимся сведениям во время

Первой мировой войны, только полными кавалерами Георгиевских медалей стали 26 ингушей, золотым оружием были награждены 8 офицеров-ингушей и т.д.

Антропологический патриотизм как генетическая сущность основан на преданности биологической и географической близости к семье, роду, обществу, этносу, родному краю. Он формируется на подсознательном уровне, под воздействием культурных традиций и проецируется в ценностных, мировоззренческих конструкциях. Родная земля, веками устоявшиеся родные обычаи и традиции, воля и свобода для ингушей на протяжении веков были высшей ценностью. Преданное служение государству выражало искреннее стремление ингушей к дружбе и союзу с Российской империей.

Вот одна из характеристик ингушей: «На Кавказе живет некий народ, который совершенно отличается от других кавказских народов по языку, облику и чертам лица; их самоназвание — Ламур, означающее — жители гор; другие называют их галгаями, или ингушами...

Как нам говорили, это честнейшие и храбрейшие люди, борющиеся за свою независимость, подчиняющиеся только своим старейшинам или жрецам, совершающим религиозные жертвоприношения... Ингуши замечательные земледельцы. Они живут на истоках Кумбелея и Сунжи, до высоких гор на восточном берегу Терека, где они граничат с осетинами. Карабулаки происходят именно от них; они граничат с ингушами на западе, с чеченцами на востоке» [8,248].

Известный российский историк С. Броневский пишет в своем издании по Кавказу: «Ингуши, называемые также Кисты, Галгаи, сильное Кистинское колено, имеют главное жилище свои вдоль по реки Камбилею впадающих в неё ручьями, и до высоких гор, а также по вершинам Сунжи и по сунженской реке Шангирь, или Асса. Находясь, таким образом, между Малой Кабардой и Чеченцами. Селения Ингушские начинаются от Владикавказской крепости в предгорьях пересекаемых возвышенными равнинами, и оттуда расширяются дальше на Восток и на Полдень по берегам Камбулея, Сунже, Шангири неопределенно

чертою... Следующие или главные деревни с приписанными к ним селениями лежат на востоке от Владикавказской крепости между Терекон и Комбулеом, Ахкинчурт, у истоков Сунжи... В ингушских горах известны следующие руды: свинцовый блеск, медная синь, медная зелень с жилками по бледной медной руды серебросодержащей, (fahl-erzt) ..., пробы руды признаны в свинце и серебре не уступающим Нерчинским рудам. Ингуши разделены на малые независимые общества под управлением выборных старшин... Ингуши не столько наклоны или менее других имеют удобностей к грабительству. Ингуши почитаются за добрых и кротких людей. Они довольно прилежны к хлебопашеству и изрядно имеют скотоводство. Дома строят каменные или деревянные...» [9,160-166].

История представляет собой череду событий. Каждое из этих событий под воздействием обстоятельств места и времени имеет свою специфическую форму, отличающуюся от формы аналогичного события, произошедшего при других обстоятельствах. Эта конкретно-историческая форма всякого события и есть его культурная составляющая.

Драматические перипетии взаимоотношений России и Кавказа определялись не столько существом процесса, сколько насильственной технологией, применяемой всеми его участниками.

Культурное многообразие России, являющееся фактором ее устойчивого социально-экономического развития, делает невозможным решение этнокультурных проблем изолировано, в отдельных регионах, без широкого взаимодействия органов государственной власти, местного самоуправления, общественных объединений и других субъектов этнокультурной деятельности. Обуславливает необходимость в социально-культурном проектировании развития регионов, с учетом формирования эффективных форм и инновационных механизмов адаптации и развития локальных этнокультурных традиций в современных социальных и экономических условиях, мировых тенденциях глобализации и информационного развития общества.

Примечания

1. Гумилев Л. Этногенез и биосфера земли. М. 2008.
2. Акты, собранные кавказской археографической комиссией (АКАК). XII тт. Тифлис. 1866-1904. Т. X.
3. Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. В 2-х т. Тифлис, 1907. Т.1.
4. Шнайдер В.Г. Россия и Северный Кавказ в дореволюционный период: особенности интеграционных процессов. М. 2008.
5. Управление казачьих войск. «Об образовании в Терской области Назрановского округа». 18 октября 1908. №1724.
6. Stone W.F., Schtufiner P.E. The Psychology of Politics. N. Y.; Berlin, 1988.
7. Таблиашвили З.А., Горозия В.Е. Человек: соотношение национального и общечеловеческого// Материалы международного симпозиума. Выпуск 2/Под ред. В.В. Парцвания. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2004.
8. Аталиков В.М. Наша старина. Нальчик. 1996.
9. Броневский С. Кавказ. М. 1823.

С. А. Айларова
(Владикавказ)

ТЕРСКАЯ КООПЕРАЦИЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Актуальность изучения истории кооперативного движения в России предопределена ростом научного интереса к местной истории, развитием региональных исследований, посвященных изучению прошлого отдельных областей и регионов страны.

В современной исторической науке налицо устойчивый интерес к исследованию развития кооперации во второй половине XIX — начале XX вв. на Юго-Востоке России и на Северном Кавказе (на Дону, Ставрополье и Кубани) [1-4]. В то же время, развитие кооперации в Терской области остается своеобразной лакуной современного кавказоведения, этой проблеме не посвящено ни одного специального исследования, те или иные ее аспекты затрагивались лишь в обзорных статьях по истории кооперации Северного Кавказа [5-6]. Являясь частью северокавказской кооперации, терская кооперация имела свою специфику, которая определялась этнополитическими, экономическими и территориальными особенностями этой части региона. Без учета данных факторов сложно представить во всей полноте картину исторического развития Северного Кавказа от реформ 60-70-х годов XIX в. — до начала XX в.

Кооперативы как организационно оформленные самодеятельные товарищества объединяли городских и сельских производителей для совместной деятельности в сфере производства или в сфере обращения. Кооперативные объединения на Северном Кавказе создавались прежде всего для совместной аренды и покупки земли, удобрений, машин, для сбыта сельскохозяйственной продукции и т.д. Так, в Терской области для совместной покупки земли с 1897 г. по 1912 г. было создано 150 крестьянских товариществ. Товарищества эти обычно были небольшие, объединявшие в среднем на одно товарищество не

более 22 хозяйев [7, 27]. Кооперировались они на краткий срок, т.е. на период покупки земли.

Еще одной формой были сельскохозяйственные товарищества, образцовый устав которых был утвержден в 1908 г. Создавались они для выполнения широких хозяйственных функций, в том числе для совместной переработки и сбыта сельскохозяйственной продукции. Но в Терской области широкого распространения они не получили и экономическое воздействие их на жизнь крестьянства было небольшим. В 1913 г. во всех областях и губерниях Северного Кавказа было 89 сельскохозяйственных товариществ, из которых 84 приходилось на Кубанскую область [8, 240-241]. Среди действовавших в Терской области сельскохозяйственных обществ можно назвать Терское, Червленское, Ардонское, Прохладненское. Среди них Терское общество сельского хозяйства и сельскохозяйственной промышленности числилось «ветераном» терской кооперации (образовано в 1878 г.). Однако его сложно назвать в чистом виде кооперативом: оно осуществляло «скорее принцип помощи в его филантропической форме» [9, 111].

Более активными и жизнеспособными проявили себя в Терской области потребительская и кредитная кооперации.

Потребительская кооперация давала возможность на средства пайщиков приобретать необходимые товары для крестьянских хозяйств через систему кооперативных лавок. Иногда потребительские товарищества брали на себя и функции реализации сельскохозяйственных продуктов своих членов. При помощи таких кооперативов члены потребительских обществ пытались оградить себя от всякого рода посредников и скупщиков. Первые потребительские общества были открыты Владикавказской железной дорогой в 1891 г. — в Минеральных водах, Беслане и Грозном. К 1913 г. было открыто 21 общество. Из них наиболее крупные — Незлобинское, Кисловодское и Ардонское на 1 января 1913 г. включали 685 членов с оборотным капиталом 88809 руб. [9, 104]. Среди потребительских обществ Терской области было: 3 железнодорожных, 3 городских, 1 рабочее, 13 сельских и 1 станичное.

Среди потребительских обществ Терской области, открытых до начала Первой мировой войны, значатся: Минераловодское железнодорожное (1891), Бесланское (1891), Грозненское (1891), Моздокское городское (1899), Наурское сельское (1901), Тамбовское (1905), Государственное сельское (1907), Минераловодское (1909), Илларионовское (1909), Горячеводское станичное (1910), Кисловодское рабочее — «Солидарность» (1910), Михайловское сельское (1912), Нальчикское (1912), Ардонское (1912), Караногайское (1912), Пятигорское городское (1914), Кизлярское (1914), Эльхотовское сельское (1914), Христиановское (1914), Алагирское (1914) [9, 108].

Начавшаяся мировая война, вздорожание цен на продукты, рост спекуляции и ростовщичества послужили новым толчком к стремительному росту потребительской кооперации. На 1 января 1916 г. в Терской области насчитывалось уже 58 потребительских обществ [10, 36]. К началу 1918 г. терская потребительская кооперация делает серьезный рывок — в ее рядах насчитывалось уже 276 обществ [11, 786].

Потребительские кооперативы, работая над расширением ассортимента своих товаров, их качества, были серьезными конкурентами местным спекулянтам и торговцам. Спекулянты пускались во всевозможные интриги и подкупы, шантажировали оптовиков, требуя опускать товары только им, вербовали «агентов из несознательного населения, обещали и давали им подарки: шаль, платок, отрез на бешмет или черкеску, в случае, если они приведут к ним покупателя — члена общества потребителей» [12, 1958].

В годы Первой мировой войны, когда число потребительских кооперативов на Северном Кавказе и на местах увеличилось, усилились их экономические возможности, стала явственной тенденция выхода за рамки замкнутых кооперативных единиц, создание союзов. В 1917 г. в Терской области возникает союзное потребительское объединение — Владикавказское Общество оптовых закупок.

Часть потребительских обществ Терской области связало свою деятельность с Московским союзом потребительских об-

ществ, образовавшемся еще в 1907 г. На 1 января 1917 г. от Терской области в этом союзе числилось 23 потребительских общества [13, 11-12]. Некоторые терские потребительские общества вошли в созданный осенью 1915 г. Доно-Кубано-Терское товарищество кооперативов. Этот кооперативный союз занимался централизованной закупкой и продажей сельскохозяйственных орудий, предметов промышленного производства, сбытом семян и вкладными операциями.

В 1917 г. Московский союз потребительских обществ преобразуется в Центральный союз потребительских обществ и большая часть кооперативных союзов северокавказского региона вошли в его состав [6, 50].

Союзное строительство, создание союзов все более высокого уровня концентрировали людские и материальные ресурсы потребительской кооперации, расширяли товароборот, развивали сельскохозяйственное производство.

Наиболее значительную роль в экономике Терской области с начала XX века играла кредитная кооперация.

Успех ведения земледельческого хозяйства мелкими производителями при переходе к рыночным отношениям обуславливался двумя важными факторами: наличием оборотного капитала и совершенной техники. Следовательно, главным в деле улучшения сельского хозяйства являлась проблема организации дешевого и доступного кредита.

Крупный банковский кредит был недоступен мелким земледельцам, а ростовщики-кредиторы на рубеже XIX — начале XX вв. брали по 30-80% годовых от выдаваемой заемщику суммы (в горских селениях ростовщики брали нередко 100, 200 и более процентов), что подрывало сельское хозяйство.

Историю кредитной кооперации в Терской области можно начинать с таких кредитных учреждений как общественные ссудные кассы. Первые такие учреждения возникли в Кабарде (1856 г.) и Карачае (1869 г.). Создавались они по решению кавказской администрации на основе не кооперативного, а общественного капитала [14, 38].

Позднее появляются такие кредитные учреждения как со-

словные (крестьянские) сельские банки, ссудо-сберегательные общественные кассы, общества взаимного кредита и ссудо-сберегательные товарищества. В 70-е гг. XIX в. возникает Ардонская ссудо-сберегательная общественная касса в Осетии, а в 80-е гг. начинает работать первое в Терской области Прохладненское станичное ссудо-сберегательное товарищество. Основным капитал ссудо-сберегательных товариществ формировался не из общественного капитала (например, из доходов арендных и других статей), а за счет паевых взносов членов кооператива.

В 1895 г. издается «Положение об учреждении мелкого кредита», согласно которому в России устанавливались три основных типа учреждений мелкого кредита: ссудо-сберегательные учреждения и кассы (кооперативные учреждения с паевыми взносами их членов), сельские и станичные банки и кассы (словные учреждения с капиталом сельских и станичных обществ) и кредитные товарищества (основной капитал которых образовывался на основе ссуд Государственного банка) [15].

В начале XX в. (1904 г.) издается новое положение об учреждениях мелкого кредита, упорядочивавшее их прерогативы, санкционировавшее объединение в союзы, создававшее центральные и местные (губернские и областные комитеты) управления по делам мелкого кредита. При конторах и отделениях Госбанка появились должности инспекторов мелкого кредита, чьи действия распространялись не только на кредитные, но и на ссудо-сберегательные товарищества, и занимавшиеся не только попечительством, но и организацией этих учреждений. Активно содействуя организации кредитных кооперативов, помогая им финансово, государство стремилось хотя бы отчасти преодолеть социальную несправедливость по отношению к крестьянству, испытывавшему все тяготы перехода к рыночно-капиталистическим отношениям. Ведь основную массу членов в кредитных товариществах составляли крестьяне, в большинстве своем наиболее малодостаточная часть российского общества.

После революции 1905 г. кредитная кооперация и в России в целом, и на Северном Кавказе получила огромный импульс.

О росте общественной активности масс говорят такие цифры: если в 1906 г. в Терской области было 6 кредитных обществ, то к 1916 г. их было уже 134 (128 — кредитных товариществ и 6 — ссудо-сберегательных товариществ, с числом членов соответственно — 79904 и 4825 человек) [16, 294-295].

Уже в 1917 г. в Терской области действовало 155 учреждений мелкого кредита; 144 товарищества, т.е. почти 93% являлись сельскими учреждениями, из которых 142 товарищества были исключительно с земледельческим составом участников, а в двух товариществах — Чернорынковском и Тушиловском, расположенных на берегу Каспийского моря, участниками были рыбаки. Число городских товариществ в Терской области было 6, из них 4 кредитных товарищества во Владикавказе, 1 в Грозном и 1 ссудо-сберегательное товарищество в Георгиевске [17, 16].

По отделам и округам учреждения мелкого кредита распределялись следующим образом: во Владикавказском — 29, Пятигорском — 20, Моздокском — 17, Кизлярском — 17, Сунженском — 16, Нальчикском — 20, Назрановском — 10, Хасавюртовском — 10, Грозненском — 11 и Веденском — 5.

Что особенно примечательно — к началу Первой мировой войны в кооперативные процессы втягиваются все горские этносы Терской области. Значительно усилившиеся к тому времени социально-экономические перемены, обусловленные быстро развивающимися товарно-денежными отношениями, создавали внутренние условия для кооперирования горского населения. Кредитная кооперация как форма хозяйственной деятельности в период рыночной трансформации региона являлась действенной формой защиты интересов горских крестьянских масс от эксплуатации ростовщиков, спекулянтов, всякого рода посредников — торговцев, перекупщиков. Наряду со смешанными по национальному составу кооперативными обществами, в Терской области были и моноэтнические кредитные кооперативы: 24 осетинских, 12 чеченских, 10 ингушских, 10 кабардинских, 5 кумыкских, по 1-му грузинскому, армянскому, абазино-карачаевскому кредитному товариществу [17, 17].

Среди кредитных кооперативов Владикавказского округа Терской области, выступавшего пионером в деле развития областной кооперации, значились следующие товарищества: Алагирское, Ардонское, Владикавказское (Армянское), Владикавказское (Еврейское), Владимирское, Гизельское, Горско-Куртатинское, Грузинское, Даргавское, Дархь-Кохское, Заманкульское, Зилгинское, Кадгаронское, Куртатинское, Магометанское, Моздокеловское, Ново-Урухское, Ново-Христианское, Ольгинское, Прохановское, Синдикауское, Тулатовское, Унальское, Хумалагское, Цейско-Садонское, Эльхотовское [18, 16-17].

Несмотря на то, что кредитные кооперативы в Терской области являлись сравнительно молодыми учреждениями, тем не менее ими обслуживалось до 70% хозяйственно самостоятельного населения области [17, 16].

Оборотные средства кредитных товариществ быстро росли, что связано было с ростом вкладной и ссудной операций.

Скромный, но гарантированный процент по вкладам (5-8%), привлекали денежные излишки и самих членов кооперативов, и извне. Сумма вкладов в кредитные кооперативах возросла за 10 лет с 1905 по 1914 гг. с 9700 руб. до 2040242 руб., то есть в 210 раз [9, 86]. Увеличились и ссудные операции: с 1905 по 1913 гг. их рост составил с 196800 руб. по 5405908 руб., то есть более чем в 27 раз [9, 89-90].

Процент, взимаемый по ссудам был довольно чувствительным для небогатого сельского населения Терской области — до 12%, но он не шел ни в какое сравнения с грабительскими требованиями ростовщиков, особенно в горских селах, где ссудный процент доходил до 300-400%.

Безусловно, кредитные учреждения не были благотворительными организациями, не хозяйствовали себе в убыток, и от своих членов требовали «хозяйственной благонадежности», т.е. определенного материального достатка в обеспечение ссуд, и поэтому часто довольно жестко требовали возврата долгов. В 1913 г. с должников (304 чел.) Ольгинского сельского банка в Осетии с участием полиции были взысканы долги. Поскольку ссуды были небольшие — от 5 до 50 руб. то нежелание распла-

титься с банком говорило скорее о финансовой недисциплинированности и отсутствии «кооперативного сознания», нежели о материальной несостоятельности должников [19, 26, 69].

Большая часть ссуд шла на нужды производственного назначения (аренда земли, покупка скота, земли, сельскохозяйственных орудий, наем рабочих силы и т.д.), небольшая часть — на уплату долгов, личные расходы.

Кроме вкладных и ссудных операций, кредитные кооперативы с начала XX в. все шире практиковали посреднические операции, т.е. покупку для своих членов различных товаров (промышленные изделия, земледельческие орудия и машины) и продажу сельскохозяйственной продукции. Впервые посреднические операции в Терской области были начаты одним товариществом в 1901 г. на сумму 682 руб. В 1911 г. посреднические операции вели уже 11 кредитных обществ на сумму более 90 тыс. руб. в год, и с каждым годом число их возрастало [20, 184-185].

В 1913 г. посреднические операции вели уже 39 товариществ. В течение года ими куплено товаров и принято для продажи на 371182 руб., а продано на 289410 руб. [9, 91].

Особенно широкий размах подобная деятельность кредитных товариществ приобрела в годы Первой мировой войны. Кредитные общества строили зернохранилища, склады сельскохозяйственных машин, мельницы, хлебопекарни и т.д., арендовали землю у сельских обществ с целью отдачи ее в аренду своим членам. Были и кооперативы, которые открывали лавки для продажи предметов первой необходимости кооператорам, т.е. объединяли функции кредитной и потребительской коопераций [21, 1-2].

Накануне Первой мировой войны окрепшая кредитная кооперация вступает в важный этап своей деятельности — этап союзного строительства. В 1913 г. во Владикавказе был создан Терский союз учреждений мелкого кредита. В 1916 г. в Терский союз входило 118 товариществ, то есть большинство всех существовавших в области кредитных обществ. О мощи Союза говорит то обстоятельство, что товариществами Союза ссуд в одном

1916 г. было выдано на сумму свыше 8 млн. руб. [17, 19]. Деятельностью Терского союза кредитные товарищества сплачивались в единую экономическую систему, получали возможность получать кредиты в Госбанке и союзах, пользовались организационной и финансовой помощью. Как центр кредитной системы, Союз помогал в организации посреднических операций, культурно-просветительской деятельности кооперативов, оказывал агрономическую помощь.

Первая мировая война внесла большие изменения в социально-экономическую жизнь страны и оказала весьма существенное влияние на развитие российской кооперации. Расстройство хозяйственной жизни страны — разрушение денежного и товарного рынка, разруха на транспорте, мобилизация служащих и кооператоров, сказались на развитии кредитной кооперации. В первые месяцы войны темпы роста новых товариществ замедлились, деятельность кооперативов осложнилась и несколько видоизменилась.

Это особенно проявилось в первые дни войны, когда среди вкладчиков возникли опасения за целостность их сбережений и они спешили забирать свои вклады из товариществ. Но благодаря страховым кредитам, открытым Госбанком, доверие к прочности кредитных кооперативов было восстановлено [22, 45].

Безусловно, Терская область находилась далеко от театра военных действий, но жизнь области с началом войны была подчинена ее влиянию. С отрывом многих крестьян и казаков от хозяйства, последнее безусловно ослаблялось, расстраивалось, что уменьшало потребность в ссудах на сельскохозяйственное производство. Кроме того, в ходе войны подрывался фундамент всех финансовых учреждений — денежная система страны. Раскручивалась инфляция, которая увеличивала количество свободных денежных средств на руках населения и также ослабляла потребность в кредитах. В то же время вклады в товариществах начинают быстро расти. С апреля 1914 г. по апрель 1916 г., то есть за два года войны произошел значительный рост оборотных средств кредитных и ссудо-сберегательных товари-

ществ Терской области. За указанный период средства кредитной кооперации района Владикавказского отделения Госбанка увеличились с 2144 тыс. до 8808 тыс. руб., при чем увеличение произошло главным образом за счет вкладов, сумма которых возросла за этот период с 1558 тыс. до 3953 тыс. руб., что составляло 57,5% общей суммы прироста [23, 1940].

Усиленный приток вкладов в товарищества объяснялся и другими причинами: ростом цен на главные экспортные зерновые культуры, которые производились в области (главным образом, кукурузу), ростом цен на сельскохозяйственные продукты, запрещением продажи спиртных напитков, воздержанием от потребления которых могло отразиться на сбережениях населения; выдачей пайков и пособий мобилизованным и их семьям: сокращением непроизводительных расходов, сокращением хозяйственных работ (на ремонт и постройку жилых помещений и т.д.) вследствие недостатка рабочих рук и дороговизны материалов, необходимых в крестьянском хозяйстве [23, 1944]. Все это давало населению небольшой капитал, который и поступал в кассы товариществ в виде отдельных сбережений. Быстрый рост вкладных операций давал возможность многим товариществам не прибегать к пользованию краткосрочными кредитами из Госбанка, а размещать избытки средств в различных кредитных учреждениях. Свободные средства терских кооперативов к 1 января 1917 г. представляли внушительную сумму в 333600 руб., из которых 48000 руб. были помещены в государственные кредитные учреждения, 39000 руб. — в частные, 221400 руб. — в Терский Союз, на 653000 руб. приобретены облигации военного займа и на 10543 руб. — акции Московского Народного Банка [17, 22].

Не развивались вкладные операции лишь в кредитных кооперативах с мусульманским составом участников (чеченских, ингушских, кабардинских), ввиду религиозного предубеждения против получения процента по вкладам.

Особенно интенсивно росли вклады в Терском Союзе учреждений мелкого кредита. За 1916 г. вклады в Союз возросли с 1412949 руб. до 3441960 руб., то есть на 202900 руб., что составляет 144% [17, 18].

Усиленный приток вкладов при более слабом требовании на ссуды (на фоне усиливавшейся инфляции в стране) угрожали финансовой устойчивости и дальнейшему развитию кредитной кооперации. Но выход был найден и он заключался в переориентации значительной части средств в более прочные товарные операции. И хотя в стране сокращалось машиностроение и был прекращен ввоз сельхозмашин из-за границы, посредническая деятельность Союза и кооперативов по снабжению товарами, необходимыми в сельском хозяйстве, значительно выросла. Так, журнал «Кооперативная мысль» сообщал, что посреднические операции в 1916 г. велись 78-ю терскими кооперативами (в форме закупки и комиссионной продажи). Товаров было приобретено в 1916 г. на 1919 тыс. руб., по сравнению с 1915 г. почти в 7 раз больше, продано за то же время на 1497 тыс. руб., что больше чем в 1915 г. в 6 раз [17, 21].

Сокращение посевных площадей в годы войны, недостаток рабочих рук, оборачивавшиеся сокращением производства, повышали потребность в сельскохозяйственных машинах и орудиях. В числе приобретаемых кооперативами товаров числились плуги, культиваторы, уборочные машины: соломорезки, жатки, сенокосилки, зернодробилки и т.д.

Недостаток рабочих рук восполнялся также рядом мероприятий, к числу которых можно отнести: организацию товариществ для совместного пользования сельскохозяйственными машинами, развитие и расширение деятельности прокатных пунктов при кредитных кооперативах, пользование трудом военнопленных, организация как трудовых дружин, так и особых сельских союзов из жителей сел и деревень для совместной обработки и уборки полей, отпуск известной части солдат из действующей армии домой на полевые работы, участие агрономов в помощи населению в полевых работах и т.д. [23, 1988].

Таким образом, война двояко повлияла на кредитную кооперацию. Наряду с отрицательным воздействием, в ее деятельности появились и новые элементы, формы деятельности, которые говорили о том, что кооперация развивается, идет вперед. Наряду с быстро увеличивавшимися товаро-снабженческими и

сбытовыми операциями, началась работа кооперации по снабжению армии продовольствием. В этой области получили развитие посреднические операции и по снабжению, и по сбыту сельскохозяйственной продукции, в основном через посредничество Терского союза учреждений мелкого кредита.

Хлебозалоговыми операциями, соединенными с совместным сбытом хлеба занимались в Терской области 12 кредитных товариществ. Однако осуществление подобных операций затруднялось отсутствием собственных зернохранилищ и амбаров. (Собственные амбары были только у 13 кооперативов). 37 кредитных товариществ, практиковавших залоговую операцию, оставляли заложенный хлеб у владельцев с соблюдением более или менее гарантирующих интересы товарищества условий [17, 21].

С началом военных действий российские власти всячески поощряли желание сельских кредитных и ссудо-сберегательных товариществ по доставке в армию сельскохозяйственной продукции. Советом Министров было принято постановление, чтобы «закупки и заготовки производились по преимуществу непосредственно от производителей или через посредничество земских учреждений, а также сельскохозяйственных и кредитных общественных организаций» [24, 22].

В Терской области кооперативные поставки хлеба для нужд армии осуществлялись союзными кредитными товариществами через Терский союз учреждений мелкого кредита. Договоры на поставки заключались Союзом, как и денежные расчеты по исполнению поставок. Так, в период с августа 1916 г. и по 31 июля 1917 г. 24 союзных кредитных товарищества, принявших участие в поставках хлеба, заготовили для «Хлебармии» 711 вагонов кукурузы, ячменя, овса, пшеницы. Из всего количества заготовленного хлеба на долю кукурузы приходилось 580 вагонов. В общей массе заготовленной «Хлебармией» за этот операционный год кукурузы в количестве 2850 вагонов, кооперативная кукуруза составляла 20%, или пятую часть [25, 6]. Интересно отметить, что кукурузу поставляли преимущественно осетинские товарищества Владикавказского района, которые из 580 вагонов поставили 456, т.е. более 80% все кооператив-

ной кукурузы. Здесь лидировали Эльхотовское кредитное товарищество, поставившее 208 вагонов кукурузы и Даргъ-Кохское, давшее 166 вагонов кукурузы [25, 6].

Таким образом, с начала 900-х годов в Терской области переживали свое становление такие формы кооперации как потребительские общества, кредитные и ссудо-сберегательные товарищества, сельскохозяйственные товарищества и общества, но уровень их развития был разным.

Наиболее впечатляющие результаты демонстрировала кредитная кооперация, и причина была в острой нужде сельских производителей в кредите, а также поддержке государства кредитным кооперативам.

В годы Первой мировой войны терские кооперативы укрепились, их деятельность стала разнообразной и значительной. Они активно противостояли разрухе, спекуляции, потере трудоспособных работников, доказывая эффективность коллективных форм хозяйствования.

Первые десятилетия XX века стали временем, когда кооперация Северного Кавказа стала органической частью складывавшейся рыночной экономики региона, и одной из самых действенных форм защиты интересов сельских тружеников и мелких предпринимателей от эксплуатации всякого рода социальных паразитов — перекупщиков, спекулянтов, ростовщиков и т.п.

Примечания

1. *Ратушняк В. Н.* Сельскохозяйственное производство Северного Кавказа в конце XIX — начале XX вв. (К проблеме развития аграрного капитализма). Ростов-на-Дону, 1989.

2. *Ратушняк В. Н., Сидоренко Т. Н.* Возникновение и развитие кооперации на Кубани (2 пол. XIX — 1917 г.) // Вопросы историографии и истории Северного Кавказа XVIII-XX вв. Краснодар, 1997.

3. *Шебзухова Т. А.* Кооперативное движение на Ставрополье во второй половине XIX — начале XX вв. Автореф... дисс. канд. ист. наук. Ставрополь, 1998.

4. *Моисеева О.В.* Развитие кооперативных отношений на селе во вт. пол. XIX — нач. XX вв. (на материалах Дона, Кубани и Ставрополья). Автореф. дисс... канд. ист. наук. Новочеркасск, 2007.

5. *Присянова И.А.* Возникновение и развитие кредитной кооперации в Предкавказье в период империализма // Проблемы аграрной истории народов Северного Кавказа в дореволюционный период. Ставрополь, 1985.

6. *Ратушняк В.Н.* Сельская кооперация Северного Кавказа в период капитализма: историография и очерк развития // Источники и историография аграрной истории Северного Кавказа. Ставрополь, 1983.

7. ЦГА РСО-Алания. Ф.199. Оп.1. Д.114.

8. Статистический сборник за 1913-1917 гг. // Труды Центрального Статистического управления. М., 1922. Т.7. Вып.2.

9. *Корнев Д.З.* Кооперация в Терской области // Сборник по вопросам экономики и кооперации. М., 1915.

10. *Мошков В.А.* Открытое письмо обществам потребителей Северного Кавказа // Союз потребителей. Пг., 1917. №1.

11. *Оборин И.* Потребительская кооперация на Юго-Востоке России // Юго-Восток. Справочник по Юго-Востоку. Ростов-н/Д, 1924.

12. *Мошков В.А.* Кооперация среди осетин // Вестник мелкого кредита. Пг., 1916. №47.

13. Союз потребителей. Пг., 1917. №2.

14. ЦГА РСО-Алания. Ф.224. Оп.1. Д.111.

15. ЗПСЗ. Т. 15. (1895). Спб., 1899. №11756.

16. Статистический справочник Юго-Востока России. Ростов н/Д, 1923. Вып.2.

17. *Тусиков М.* Кредитная кооперация в Терской области // Кооперативная мысль. Владикавказ, 1917. №1.

18. Кредитные кооперативы Юго-Востока. Список кредитных и ссудо-сберегающих товариществ (со вступ. ст. П.И. Лященко). Ростов н/Д, 1920.

19. ЦГА РСО-Алания. Ф.224. Оп.1. Д.247.

20. *Степанов П.Ф.* Мелкий кредит в Терской области (общий

обзор операций и положение учреждений) // Терский календарь на 1912 год. Владикавказ, 1911. Вып.21.

21. ЦГА РСО-Алания. Ф.199. Оп.1. Д.396.

22. Орлов А. Г. Кооперация в России накануне и во время войны. М., 1915.

23. Тусиков М. Увеличилось ли благосостояние деревни (сообщение из Терской области) // Вестник мелкого кредита, 1916. №48.

24. Цит. по: Львов Г. Война и кооперативы // Сборник статей, посвященных 50-летию русской кооперации (1865-1915 гг.). Иркутск, 1916.

25. Малышев А. Участие терских кредитных кооперативов в поставках хлеба для армии // Кооперативная мысль. Владикавказ. 1917. №2.

*Е. И. Кобахидзе
(Владикавказ)*

ПРАКТИКА НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ НА ЦЕНТРАЛЬНОМ КАВКАЗЕ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

В общей системе правительственных мер по утверждению на Северном Кавказе «гражданственности» особое место занимала практика налогообложения. Наиболее емко значимость этого аспекта кавказской политики Петербурга была сформулирована наместником великим князем Михаилом Николаевичем, уверенно заявлявшим, что «уплата подати служит самым наглядным фактическим выражением окончательного подчинения побежденного победителю, подданного — правительству; в ней выражается уже не номинальное и пассивное, но действительное и притом всеобщее поголовное признание покорности» [1, 49]. Таким образом, помимо собственно фискальной функции, налоги, распространяемые на горское население новоприобретенной окраины, имели еще и определенный символический смысл, будучи одним из инструментов инкорпорации местных народов в общегосударственное хозяйственно-экономическое поле. Налоговая политика в регионе изначально строилась на тех же основаниях, что и в Центральной России: прямому налогообложению подлежали только «податные» сословия (прежде всего крестьяне), в то время как дворянство и духовенство были полностью освобождены от налоговой повинности. Однако либерализация внутренней политической и экономической жизни страны, связанная с реформами 60-х гг. XIX в., привела к решительным изменениям и в налоговой сфере: прежде всего была упразднена сословность в налогообложении и введен принцип равномерности обложения, в структуре налогов повысилась доля косвенных налогов, а в 1880-е гг. отменили и архаичную подушную подать. В целом система прямых налогов в Российской империи эволюционировала, хотя и со значительным отставанием от стран Запада, к введению подоходного налога, который, впрочем, был законодательно утвержден лишь в 1916 г.,

но так и не вступил в силу вплоть до Февральской революции.

На окраинах империи система налогообложения, как и другие аспекты внутренней политики правительства, имела свою специфику, которая заключалась во введении, помимо общеимперских налоговых установлений, особых норм, отвечающих в первую очередь интересам фиска. Именно в пореформенный период проблема пополнения бюджета за счет налоговых поступлений приобрела особую остроту в связи с необходимостью форсированного развития экономики страны, что в немалой степени обусловило усиление налогового прессы.

Первые шаги в экономическом подчинении Центрального Кавказа были предприняты местной администрацией еще в начале 30-х гг. XIX в. одновременно с учреждением на территории Осетии системы приставства, когда население было обложено подворной податью [2, 373]. Кроме того, общинники отбывали дорожную и подводную повинности, установленные А. П. Ермоловым в 1818 г. По свидетельству окружного начальства, подводная повинность, распространявшаяся в Осетии только на равнинных жителей, была достаточно тяжелой для местного крестьянства, которому в год приходилось выставлять до 1500 подвод [3, 28-29об.].

Действия правительства в этом направлении активизировались после проведения земельной реформы и обосновывались необходимостью «покрытия расходов по содержанию военно-народных управлений» в округах, что, по заявлению императора, «уравнивало в правах» кавказских жителей с остальными подданными русского государя [4, 156]. Вводя в январе 1866 г. подъемную подать, власти руководствовались как «местными условиями», так и «степенью зажиточности» населения [5, 52]: в Осетии, например, для плоскостных тагаурцев и куртатинцев размер подати с дыма устанавливался в 3 руб. в год, жители Тагауро-Куртатинского участка, обитающие в горах, платили по 1,5 руб., дигорцы и алагирцы на плоскости — по 2 руб., а дигорцы, алагирцы, нарцы и мамисонцы, живущие в горах — по 75 коп. Помимо подъемной подати устанавливалась и поземельная подать в размере 2 коп. с десятины для всех частных поземельных

собственников на равнине [3, 30об.]. Уже в первой половине того же 1866 года М. Т. Лорис-Меликов рапортовал наместнику великому князю Михаилу Николаевичу об успешном обложении горцев Терской области государственной податью и «безнедоимочном поступлении» всех сборов, за что получил особую благодарность наместника и заслужил «милостивое внимание» императора [6, 1-2об.].

Начав с введения подымной и поземельной подати, правительство последовательно распространяло в горской среде и другие виды повинностей: в 1871 г. были введены мирские повинности, в 1882 г. — земские. Земские сборы в структуре местных платежей являлись самыми крупными и шли на удовлетворение потребностей народного образования, медицины, ветеринарной части, общественного призрения. Мирские сборы предназначались для содержания местных управлений, общественных зданий, поддержание местной инфраструктуры. Содержание сельского правления являлось основным элементом мирских сборов, составляя довольно заметную часть в общей системе денежных повинностей. Не имея практически никаких доходных ресурсов, жители селений даже обращались во все инстанции области, «начиная с начальника участка и кончая князем Голицыным», с просьбой об упразднении сельских правлений, мотивируя ее именно обременительностью финансового обеспечения должностных лиц, и подчинении в административно-полицейском отношении «к жителям какого-либо селения», как это делали, например, жители селения Новоурухского в 1899 г. [7, 1об.-2] Администрация подобные просьбы не только не удовлетворяла, но и привлекала к уплате налога на содержание сельского правления (до 12 руб. в год) и свободных от уплаты мирских сборов временнопроживающих [8, 1-1об., 2-3], причисляя их поселения в административно-полицейском отношении к определенному населенному пункту.

Как и в прежние времена, мирские повинности отбывались в денежной и в натуральной форме. Ежегодные денежные сборы даже перекрывали расходы казны на содержание местных управлений Терской области [4, 151], разоряя и без

того нищее крестьянство. Однако чиновники, стоявшие во главе областного управления, искренне полагали, что введение новых платежей «не может быть для местного населения обременительным», тем более что «общая сумма платежей крестьян средней России, достигая 27 руб. со двора и свыше 3 руб. с 1 десятины земли, значительно (их. — *Е. К.*) превышает» [9, 67, 68]. В 1891 г., например, размер платежей, в том числе стоимость натуральных повинностей, составлял следующие суммы [9, 68]:

	С 1 десятины земли	С 1 двора
У горных ингушей	1 руб. 50 коп.	3 р. 50 к.
– “ – “ – осетин	140	430
У плоскостных кабардинцев	132	820
ингушей	180	912
осетин	166	1225
терских казаков	114	830

Кроме того, в системе денежных повинностей существовали и выкупные платежи, в которые трансформировалась оброчная подать бывших государственных крестьян. Представляя по форме уплату процентов казне за выданную на покупку земли ссуду, по способу взимания и раскладки выкупные платежи ничем не отличались от прямых налогов.

В добавление к экономическим видам повинностей правительство ввело среди кавказцев и всеобщую воинскую повинность, причем осетинам (как «туземному христианскому населению») единственным среди кавказских народов в соответствии с высочайше утвержденным 28 мая 1886 г. мнением Государственного совета [10, 139] вменялось отбывать ее натурой. В следующем году именной указ от 28 июля даровал это право и осетинам-мусульманам [11, 23], поскольку «многие представители осетинского племени заявили о крайнем неудобстве разделения племени на две части — освобожденных от натуральной повинности как мусульман и отбывающих ее лично как христиан, так как во многих семьях есть представители обеих религий, и потому просили о предоставлении всем осетинам права отбывать повинность натурой» [12, 44].

Таким образом реализовывалось указание императора, данное им А.М. Дондукову-Корсакову при вступлении того в должность главноуправляющего на Кавказе и командующего войсками Кавказского военного округа, о необходимости привлечения «населения округа к отбыванию общеобязательной воинской повинности на основании устава о ней 1874 г.» [12, 1]. Это направление в деятельности кавказского руководства рассматривалось в Петербурге как один из аспектов государственной задачи слияния края с остальной частью России, важность которого обуславливалась «не столько потребностью усиления вооруженных сил Империи, сколько соображениями нравственными и политическими», поскольку «понятие о всеобщей обязанности каждого подданного становится в ряды защитников общего отечества есть связующее начало политического единства государства» [12, 36]. Однако великий князь Михаил Николаевич, бывший наместником во время принятия устава о всеобщей воинской повинности, высказывался против распространения его на население Кавказа, потому что привлечение к государственной военной службе только что покорившихся горцев могло спровоцировать новые волнения и возобновление лишь недавно прекратившихся военных действий. В итоге в уставе о «всеобщей» воинской повинности появились изъятия, касающиеся народов как Закавказья, так и Северного Кавказа. В течение десяти следующих лет различные комиссии, включая комиссию Главного штаба, работали над самыми разнообразными проектами привлечения населения Кавказа к воинской службе, причем именно Дондуков-Корсаков, вслед за своим предшественником, наместником Михаилом Николаевичем, настойчиво доказывал необходимость учета при этом социокультурных особенностей местных народов. Наконец, после обсуждения в 1885-1886 гг. в Государственном совете было принято решение об изъятии от отбывания воинской повинности натурой, «впредь до особого повеления», все мусульманское население Кавказа, обложив его дополнительным к подымному денежным сбором в размере 530 руб. ежегодно по раскладке, составленной самим главноуправляющим; христианское же население привлекалось к отбыванию воинской повинности натурой (см. подробнее: [12, 35-44]).

В мае 1894 г. вышло положение «Об устройстве земельных повинностей в областях Терской и Кубанской», определяющее механизм взимания с местного населения казенных и земских повинностей, в числе которых были подымная подать (взимаемая с горцев), денежные сборы взамен воинской службы, содержание трактовых дорог, мостов, переправ, земельной почты и т.д. Как уже указывалось, жители отбывали и общественные мирские повинности.

Таким образом, законодательное оформление податной системы и унификация налоговых сборов для местного населения Кавказа знаменовали окончательное экономическое и политико-административное освоение кавказской окраины, включение ее в орбиту финансово-экономической жизни страны. Дальнейшая работа по совершенствованию налоговой системы на Кавказе составляла одно из важных направлений деятельности высших государственных структур. На рубеже XIX-XX вв. в центральных правительственных инстанциях была разработана реформа о преобразовании существующей податной системы на Кавказе. Суть реформы сводилась к регламентации государственных налогов и замене подымных сборов поземельными, взимавшимися с казенных земель, которые находились в наделе сельских обществ Северного Кавказа и Закавказья. Проект был высочайше утвержден в июне 1900 г. [13, 5] и введен в действие с 1 января 1901 г. «в интересах более уравнительного и справедливого распределения налоговых тягостей между населением края» [13, 1-1об.]. Этим же законом для взимания государственной оброчной подати и поземельного налога устанавливался режим «трехлетки» [3, 5об.], в соответствии с чем суммы государственного поземельного налога стали определяться на трехлетний срок с распределением по годам. Так, ежегодная в течение 1901-1903 гг. сумма поземельного налога для Терской области составила 18.415 руб., исчисленная из расчета уже 4,3 коп. за десятину [13, 4], и 259 тыс. руб. оброчной подати [13, 9об.]. Тогда же, с 1901 г., устанавливалась налоговая плата на пятилетие с лиц невоинского сословия, владеющих недвижимостью на землях Терского казачьего войска (см.: [14]).

А в 1909 г. через Государственный совет и Государственную думу прошел закон, высочайше утвержденный 21 июня, которым регламентировался размер государственной оброчной подати, определенной на 1909-1911 гг. Закон определял сумму налогообложения в размере 13% (в том числе 10% — собственно оброк и 3% — поземельный налог) со средней доходности земельных угодий. Назначенный при этом размер оброчной подати превышал суммы налога за прошлые годы, и в наибольшей степени это увеличение затронуло Терскую и Кубанскую области [15, 6-7]. Как писал один из экономистов начала XX в., «налагая на крестьян значительную тяготу, распределяясь весьма неравномерно и обременяя собою исключительно бывшие податные сословия, натуральные повинности по общему своему складу и по своей бытовой обстановке донине носят на себе следы крепостного порядка, являясь как бы пережитком дореформенной эпохи» (цит. по: [16, 221]).

К концу XIX в. система налогообложения, сложившаяся на азиатских окраинах Российской империи, носила на себе явный отпечаток крепостничества. Так, вводившиеся на окраинах особые налоги являлись главным образом пережитком подушной подати и призваны были компенсировать потери казны, связанные с ее отменой (1880-е гг.). Так, в Закавказье, в Терской и Кубанской областях в 1900 г. были отменены подымная и поземельная подать с оседлых и кочевых сельских обывателей, а вместо них введен общероссийский поземельный налог, обязательный для всех оседлых земледельцев на надельной и частновладельческой земле за исключением высших офицеров Кубанского и Терского казачьего войска. С местных жителей также взималась оброчная подать, уплачиваемая всеми поселянами на казенной земле, кроме казаков. С горцев Кавказа взимался и подымный сбор [16, 244-245].

Действительно, уровень налогообложения в западных областях был существенной выше среднероссийского, в то время как на Кавказе, Средней Азии и в Сибири — намного ниже, что объяснялось разницей в уровне доходов жителей западных и восточных областей, учитывающейся законодателем. Так, на-

пример, почти треть населения страны проживало в ее азиатской части, но в бюджет отсюда шло лишь 10% налоговых поступлений. Однако, учитывая крайне низкий уровень жизни местного населения, неразвитость или слабую развитость промышленной инфраструктуры, природно-климатические особенности, препятствующие в большинстве случаев интенсификации сельского хозяйства, что в совокупности создавало трудно преодолимые препятствия для финансовых накоплений средне-статистическим селянином, можно с уверенностью говорить о тяжести налогового бремени, которое приходилось на местное население, и истощении платежных сил местного крестьянства.

Однако фискальные интересы казны мало учитывали реальные платежные возможности горского населения Кавказа. Более того, преследуя именно эти цели, правительство не отменяло архаическую, искусственно создаваемую «оседлость», которая, с точки зрения администрации, некоторым образом регулировала земельный вопрос, поскольку «беспорядочный и произвольный переход» населения из одного села в другое стеснял в правах землепользования его коренных жителей, между тем как правительственные распоряжения касались обеспечения крестьян земельными участками лишь в месте постоянной оседлости; нарушение же этих правил вело к неконтролируемому землепользованию. Этот «непорядок» в свою очередь предоставлял «кочующему населению» очевидную возможность «уклоняться от правильного счисления и обложения соответствующими государственными и общественными повинностями» [4, 27]. Другим аргументом в пользу закрепления в пореформенной сельской общине круговой поруки стала необходимость утверждения в сельских обществах принципа коллективной ответственности («ответственности массы») в противовес действующему в уголовном законодательстве принципу личной ответственности, который, при широко распространенном в местной среде «прочно организованном укрывательстве», по мнению администрации, лишь создавал «полное бессилие власти» [17, 12об.-13].

Что же касается финансового обеспечения сельской администрации, то с 1 декабря 1903 г. оно стало осуществляться уже

не за счет мирских сборов, а из государственной казны, и размеры его были утверждены законодательно. Теперь все представители сельского управления состояли на государственных должностях, довольно неплохо для крестьянской среды оплачиваемых. Содержание старшины определялось количеством дымов, входивших в сельское общество. К примеру, в обществах, где находилось до 150 дымов, ему полагалось по 1 руб. с дыма, 300 дымов обеспечивали 200 руб. содержания, 400 дымов – 300 руб., 700 дымов — 400 руб., 1000 – 500 руб., свыше 1000 дымов — 600 рублей ежегодно. Размер выплат помощникам старшин определялся в 50 коп. с дыма — со 150 дымов, в других случаях – по 120 рублей в год. Размер жалованья сельским писарям определялся начальником области за счет подлежащих обществ [18, 11].

В целом, сложившаяся на рубеже XIX-XX вв. налоговая система Российской империи просуществовала без особых изменений до Первой мировой войны. Адаптированная к социально-экономическим особенностям страны, она обеспечивала приток в государственную казну средств, необходимых для поддержания финансовой устойчивости империи. Однако на северокавказской периферии усиление налогового пресса, ощутимое даже несмотря на проведение финансовым ведомством ряда мероприятий (перераспределение налогов и включение в число налогоплательщиков прежде свободных от налоговых повинностей сословий, увеличение по сравнению с прямыми доли косвенных налогов, ликвидация подушной подати, перемещение налогового бремени из села в город и т.п.), тяжело отразилось на социальном положении местного крестьянства. Получая по сравнению с другими социальными группами наименьший доход, горцы несли наибольшее количество повинностей, причем не только в форме государственных налогов, но и в виде многочисленных местных сборов, взимаемых как деньгами, так и натурой. И по сути своей налоговая политика, проводившаяся на Центральном Кавказе, явилась одним из факторов повышенной конфликтогенности региона накануне Первой мировой войны.

Примечания

1. Всеподданнейший отчет главнокомандующего Кавказскою Армиею по военно-народному управлению за 1863-1869 гг. СПб., 1870.

2. АКАК. Т. VII.

3. ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 5. Д. 319.

4. Материалы по истории Осетии: Сборник документов, относящихся к периоду от 1868 до 1904 г. Дзауджикау, 1950. Т. III.

5. Всеподданнейший отчет главнокомандующего Кавказскою Армиею по военно-народному управлению за 1863-1869 гг. СПб., 1870.

6. РГИА. Ф. 866. Оп. 1. Д. 37.

7. ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 7. Д. 7.

8. ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 6. Д. 171.

9. Всеподданнейший отчет Начальника Терской области и Наказного Атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1891 год. Владикавказ, 1892.

10. Деятельность Государственного совета за время царствования государя императора Александра Александровича. 1 марта 1881 г. — 20 октября 1894 г. СПб., 1900.

11. Обзор Терской области за 1887 г. (Приложение к всеподданнейшему отчету). Б.м., б.г.

12. Всеподданнейшая записка Командующего войсками Кавказского военного округа и Войскового Наказного Атамана Кавказских казачьих войск по управлению округом с 1882 по 1890 г. СПб., 1890.

13. ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 7. Д. 50.

14. ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 6. Д. 203.

15. Кавказ в 1909 году: Краткий обзор деятельности правительственных учреждений Кавказского наместничества. Тифлис, 1910.

16. *Захаров В. Н., Петров Ю. А., Шацлло М. К.* История налогов в России. IX — начало XX в. М., 2006.

17. РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 696.

18. ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 52. Д. 680.

М. Чшиева
(Владикавказ)

ПРЕДПРИЯТИЯ ОСЕТИИ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

К началу Первой мировой войны бурный экономический подъем Северной Осетии был связан в первую очередь с развитием крупных предприятий цветной металлургии — Садонского рудника, Владикавказского химико-металлургического завода и Мизурской обогатительной фабрики.

Накануне Первой мировой войны на Садонском руднике произошла катастрофа. В ночь с 9 на 10 июня ночью р.Ходка выступила из берегов и затопила две улицы, вдоль которых располагались казармы рабочих и дома служащих. К утру р.Садонка снесла все мосты, несколько мельниц и домов. В самом руднике затопило штольни, был унесен лесной материал, заготовленный для нужд рудника, смыты дороги. Шесть казарм были уничтожены целиком, некоторые казармы были заполнены камнями и илом. По самым скромным подсчетам убытки от наводнения составили 210.000 руб. Администрация рудника обратилась к Правительству с просьбой о помощи, но началась война и помощь предприятие так и не получило. Около 6 месяцев предприятию потребовалось, чтобы наладить работу на руднике. С сентября 1915 г. предприятия о-ва «Алагир» были милитаризованы и начали работать для нужд фронта.

Завод поставлял Таганрогскому металлургическому заводу, производившему оцинкованные железные коробки для упаковки патронов, управлению ж-д. для нужд подвижного состава, станций, депо предприятиям Владикавказа, Нижне-Днепропетровска, Ростова-на-Дону и Баку, работающим на оборону. Свинец сдавался в артиллерийское ведомство, отправлялся в соответствующие предприятия оборонного значения в Ростове-на-Дону, Нахичевани, Грозном и Екатеринодаре; серная кислота 50% — нефтеперегонным заводам в Грозном, Новороссийске, Баку, Екатеринодаре, гвоздильному заводу в Армавире,

лимонадным и кожевенным заводам Владикавказа. На заводе была построена вторая система кислотных камер, цех для производства тротила, механическая мастерская была приспособлена к производству боеприпасов. Здесь оттачивались гранаты для пушек, мортир и гаубиц.

В Садонском руднике за 1915 г. было добыто сырой руды 1.164.296 пудов, цинковой обманки 256.985 пудов, на Владикавказском заводе выплавлено: серебра-95 пудов, свинца-49.625 пуд., цинка — 124.760 пудов, число рабочих на руднике — 316 человек, на фабрике — 121, на заводе — 285 человек. По сравнению с 1913 г. руды было добыто на 394.470 пуд меньше, переработано на фабрике свинца на 31.047 пуд меньше, свинца на 31.047 пуд меньше, цинка на 54.180 пуд меньше [1,72-77].

Причинами сложившегося положения явились: экономическая разруха, мобилизация части рабочих, реквизиции транспортных средств на нужды фронта, перебои и срывы в подаче железнодорожных вагонов для вывоза продукции и обеспечения топливом и сырьем. Трудности с отгрузкой продукции привели к тому, что к концу 1917 г. на складе завода скопилось 230 т. свинца, 115 т. тротила, в то время как его максимальный запас по контракту не должен был превышать 24,6 т. Для разрешения ситуации с транспортными операциями нужны были около 120 вагонов, которых не было.

Заказчики несвоевременно расплачивались с предприятиями или же расплачивались по цене ниже действительной стоимости продукции. Так артиллерийскому ведомству завод поставлял тротил по цене 39 руб. за пуд, а серную кислоту по 1руб.50 коп. за пуд, в то время как официальная комиссия определила цену на тротил в 70 руб., а на серную кислоту в 4 руб. [2,208.]. Немаловажное значение имел рост цен на продукты первой необходимости, а администрация отказывалась повышать заработную плату, из-за чего рабочие уходили с рудника, с фабрики. Все эти причины привели к закрытию предприятия. К началу декабря 1917 г. рудник, фабрика и все цехи завода были полностью остановлены и не работали до весны 1918 г.

Большую роль в промышленном развитии Осетии играли предприятия, ориентированные на развитие строительства: кирпично-черепичные, лесопильные, мебельные, чугунно-литейные и механические, известковые и другие заводы и мастерские, а также предприятия, связанные с переработкой сельскохозяйственной продукции: пивоваренные, мукомольные, крахмальные, табачные, винокуренные, водочные, сыроваренные, кожевенные, кондитерские, свечные, мыловаренные, колбасные, макаронные заводы, маслобойни и др. Укажем только на некоторые из них, которые могут дать представление о промышленном развитии региона.

Среди кирпичных заводов лидирующее место занимал завод барона Л. В. Штейнгеля и наследников В. И. Грозмани. На его долю приходилось около трети суммы производительности и состава рабочих всех кирпичных предприятий. Предприятие выпускало высококачественный кирпич и так называемую марсельскую черепицу. Продукция завода была востребована по всей линии Владикавказской железной дороги, вплоть до Баку. Из этого кирпича была выстроена центральная часть города, самые престижные дома, многие из которых стали визитной карточкой Владикавказа.

Технически завод был оснащен лучше, чем все остальные. Предприятие было оборудовано 2-мя нефтемоторами, 3-мя станками для формовки черепицы, глиномялкой а обжиг кирпича производился в 2-х гофманских печах в 3 смены по 8 часов каждая, без перерывов, праздничных и выходных дней. Для остальных цехов рабочий день был 10-часовой и продолжался с 6 часов утра до 6-ти часов вечера с перерывами. Если в 1902 г. численность рабочих составляла 80 человек [3,4], то к 1913 г. эта цифра выросла почти в 2 раза. С началом Первой мировой войны численность рабочих сократилась до 125 человек, так как часть рабочих была отправлена на фронт. На заводе четвертая часть рабочих были подростки 12-17 лет. Для них рабочий день был сокращен с 7-ми утра до 5-ти вечера (до 8 часов). При выемке и заготовке глины на выделку кирпича и черепицы, малолетние и не достигшие 17-летнего возраста, к работам не допу-

скались. [4,61] Заготовка сырца и обжиг производились обычно с апреля по октябрь месяц, а с октября по апрель — только обжиг. Производительность завода в 1913 г. была 72.000 руб., в 1914 г. — 78.000 руб. Из общей выручки предприятия доля расходов на заработную плату составляла 68% (1914 г.). На заводе самая высокая заработная плата была у кирпичедельцев (2руб. 75 коп. за 1000 штук). Формовщики черепицы, за каждую сформованную 1000 штук и сданную заводу получали по 1руб.20 коп. Для сравнения, глиномесы, за заготовку и подачу в бочку глины для черепицы, получали за каждую 1000 штук по 25 коп. Малолетние на формовке черепицы получали в день по 30 коп.

Каждый кирпичеделец перед началом формовки кирпича должен был утрамбовать и тщательно вымесить лопатой (чалмой) глину. Стенки кирпича должны были быть ровные и хорошо выдержанные без ссадин и выемок. Кладка кирпича в елках не должна была превышать 9-ти рядов вверх. Кирпичедельцы должны были весь просохший сырец убрать в елки, не допуская, чтобы его побил дождем. Кирпичедельцы в помощь своих работ могли нанимать временно по мере надобности чернорабочих за свой счет. Формовщики кирпича были исключительно персияне, прибывшие из Персии, не знавшие русского языка [4,56]. Им предоставлялись барачные общие помещения на летний сезон. Только для кирпичедельцев завод выделял дрова для варки пищи. Отдельные квартиры от завода предоставлялись приказчикам и слесарю. Все необходимые предметы для формовки кирпича, заготовки глины кирпичеделец получал от завода, вплоть до песка, воды для замочки глины; нужную же глину для формовки кирпича рабочие должны были брать из кручи своими средствами.

Во время войны завод испытывал постоянную нехватку топлива. Обращаясь к старшему фабричному инспектору Терской и Дагестанской областей, доверенный барона П.Л. Штейнгеля Д. Васильев писал: «На летний сезон с.г. заводом наняты рабочие, выданы им задатки, но из-за нехватки топлива завод может остановиться и тогда выданные задатки пропадут. Ввиду вышеизложенного обращаюсь к Вам с просьбой выдать заводу

удостоверение на получение вагонов под нагрузку их углем со ст.Власовка Ю-В. Ж.д. до ст.Владикавказ на имя завода от рудников Азовско-угольной компании, по 10 вагонов ежемесячно (10.000 пудов мелкого угля (штыба)), считая на 2 гофманские печи». В 1916 г. Управляющий писал, что «с 23 ноября завод закрыт за неимением топлива и рабочих». Весной в марте 1917 г. завод возобновил работу, но производство кирпича и черепицы было сокращено на половину. Рабочим была увеличена заработная плата на 30%, так как подорожали все продукты первой необходимости, а к концу 1917 г. производство сократилось уже на 75%, большая часть рабочих была уволена из-за отсутствия спроса на черепицу. Стало реальной угрозой полная остановка завода [4,88-93].

Еще два кирпично-черепичных завода принадлежали барону П.Л. Штейнгелю в Грозном: один на грозненской городской, а другой на грозненской станичной земле. В феврале 1913 г. П.Л. Штейнгель продал их грозненскому купцу Степану Матвеевичу Хангельдиеву [4,55]. Исходя из исключительной прибыльности нефтяного дела П.Л. Штейнгель взял в аренду в июне 1917 г. нефтеносный участок в 14,5 дес. в ст. Грозненской, предложив за него баснословное доленое отчисление (51,6%) и внес залог в 60 тыс. рублей [5,3-4]. Также он арендовал нефтеносные участки в станицах Наурской, Мекенской, Савельевской [5]. В 1910 г. П.Л. Штейнгель построил паровую зерносушилку «Вакуум» в Беслане, с оборотом в 17.000 руб., оснащенную паровым котлом, численность рабочих которой в 1912 г. составляла 32 человека. Во время Первой мировой войны в 1916 г. число рабочих сократилось до 14 человек.

Среди кирпичных заводов еще одним крупным предприятием был завод Г.Д. Симонова и Г.П. Петросова, на котором в 1913 г. работало 120 человек. Во время гражданской войны на Тереке завод в 1919 г. был разрушен, от него осталась только гофманская печь с 18 камерами без навеса и стен [6,6-15 об.]. В Моздоке кирпичный завод с годовым оборотом больше 20.000 руб. в 1913 г. принадлежал Т-ву «С. А. Ганжумов и Ко» [7,136-181.]

По статистическим данным на 1898 г. во Владикавказском округе во многих селениях были небольшие кирпично-черепичные заводы: в Кадгароне — 11 (вместе с 3-мя известковыми, 2-мя лесопильными и 22-мя мельницами их оборот составлял 23.500 руб.), в Христиановском — 15 кирпично-черепичных, один из которых принадлежал братьям Г. и Ц. Тогузаевым, (вместе с 8-мью известковыми заводами и 57-ю мельницами их годовой оборот составлял 42.300 руб.); в Батако-Юрте — 14 кирпично-черепичных и мельница производительностью в 3000 руб.; в Хумалаге — 25 с оборотом в 1.100 руб. [8,135-136], в Алагире в 1902 г. действовал завод Д. Басиева, на котором работало 6 человек [3, 4].

Большое значение для развития экономики Осетии имел чугунолитейный и механический завод инженера-механика Н.Л. Береславцева. Это предприятие было одним из трех предприятий Владикавказского округа, занимавшихся ремонтом оборудования других заводов, различных машин, паровых котлов, водяных турбин. Завод был оборудован токарным, токарно-нарезным, 3-мя токарно-винторезными станками, болторезным приводным станком, трехскоростным сверлильным станком, керосиновым мотором в 3,5 л.с., переносным аппаратом для фрезеровки шпонок, 4-мя тиглями для плавки меди, двумя — для плавки чугуна, тремя деревянными верстаками и двумя горнами.

В годы Первой мировой войны завод работал на оборону страны. На заводе изготавливались гранаты и шрапнели, корпуса взрывателей к первым и дистанционные трубки ко вторым, зарядные ящики, ручные гранаты, а также подковы. В 1915 г. на предприятии работало 17 человек, но при мобилизационной работе на нем могло трудиться до 40-50 человек. Завод мог изготавливать за один рабочий день с 8 работниками около 50 пудов мелкого чугунного литья. В августе 1918 г. завод сгорел [6,22].

Во Владикавказе на углу Новосунженской и Безымянного переулка работала чугунолитейная и механическая мастерская В.П. Бородавченко, производительность которой была

около 1500 руб. После пожара на фабрике Н. Л. Береславцева ее производительность выросла до 1.182.000 р. Число рабочих в 1919 г. — 13 человек. Предприятие выпускало 3600 пудов чугунового литья, обрабатывало 4.800 пудов чугунных и железных изделий, 600 пудов медного литья. На предприятии осуществлялся ремонт сельскохозяйственных машин и орудий. В 1919 г. на мастерской был введен 8-часовой рабочий день [9, 5].

Еще одна жестяно-механическая мастерская принадлежала Абраму Гершовичу Дворскому на улице Грозненской. Мастерская была небольшой, с числом рабочих всего 5 человек, оснащенная 2-мя электрическими и одним бензиновым двигателем, токарными и сверлильными станками. Годовой оборот предприятий А. Г. Дворского, который также занимался торговлей металлическими изделиями, составлял около 10.000 руб. [10,135-210].

С 1882 г. во Владикавказе открылась паровая мебельная фабрика Антона Филиповича Крейчи на углу Московской и Марьинской, а на Вокзальном проспекте мебельный магазин [11,1]. На предприятии изготавливалась преимущественно резная мебель. Годовой оборот фирмы составлял около 20 тыс. рублей, число рабочих 27 человек (1914 г.). Мастерская Крейчи принимала заказы на меблировку гостиниц, особняков, присутственных мест и т.д. Крейчи изготавливал прекрасный паркет. В старых зданиях Владикавказа до сих пор можно видеть оконные рамы, двери, паркет фабрики Крейчи.

В годы Первой мировой войны производительность сократилась до 17.880 руб., а число рабочих до 18 человек. Фабрика была оборудована паровым котлом, 2-мя строгальными и токарными станками. А. Ф. Крейчи выписывал из Европы самые современные станки [6,22]. В 1916 г. столярная фабрика А. Крейчи была отдана под лазарет [12,2].

Наиболее прибыльными предприятиями Владикавказского округа были табачные, крахмально-паточные, винокуренные заводы и мукомольные мельницы.

Крупным предприятием в городе была табачная фабрика Багратиона Сергеевича Вахтангова, расположенная на Евдоки-

мовской улице. Фабрика была оснащена 2-мя электрическими и бензиновым двигателями, 7-ю папиросонабивными, 5-ю гильзо-мундштучными, 3-мя табакотрошительными, бумагорезальным и токарным станками.

В 1913 г. на фабрике работало 75 рабочих. Годовая производительность составила 240.000 руб.

Б.С. Вахтангов был довольно прижимистым хозяином. Неоднократно на фабрике случались конфликты: так, в мае 1913 г. управляющему предприятием даже пришлось вызывать полицию, когда рабочие отказались выходить на работу. В 1917 г. даже фабричный инспектор указывал хозяевам предприятия на недопустимость введения 12-ти часового рабочего дня, особенно, в условиях, когда в цехах стояла такая «отравленная атмосфера». «Хотя законом и допускался 11,5 часовой рабочий день, — писал фабричный инспектор, — но ни одно предприятие в Терской и Дагестанской области этим правом не воспользовалось. Кроме этого у Вас имеется еще 4 человека, которых по заявлению рабочих Вы принуждаете работать до 10 часов вечера». Хотя рабочий день на фабрике должен был заканчиваться в 7 часов вечера.

В годы Первой мировой войны предприятие обеспечивало нужды действующей армии. К 1915 г. производительность фабрики выросла до 347.000 руб., а в 1916 г. — 733.490 руб. Число рабочих выросло до 123 человек, из которых 51 человек — это подростки, а 59 человек — женщины.

Во Владикавказе действовала еще одна табачная фабрика — Первая Кавказская электро-механическая гильзовая фабрика «Дарьял», принадлежащая братьям И. и Г. Лисициан. Б. С. Вахтангов помог открыть родственникам Ивану и Герасиму Павловичам Лисицевым (Лисициан) свое дело [сын Герасима — Павел — стал знаменитым советским певцом. Фабрика располагалась на ул. Тарской в доме Кусикиянца. Завод был оборудован электрическим двигателем, производства фирмы Сименс и Гальске, 8-ю гильзо-мундштучными машинами системы Раковицких, бумагорезальной машиной, чертежной машиной, 2-мя коробко-сшивальными машинами системы Лайн. До начала войны в 1913 г.

на фабрике работало 19 человек. Но с увеличением заказов для нужд действующей армии численность рабочих увеличилась до 45 человек, 30 из которых женщины, а 15 — подростки. Если в 1913 г. производительность фабрики составляла 15500 руб.60 коп., то к 1916 г. годовой оборот предприятия вырос более, чем в 10 раз и составил 164.928 руб. (было выпущено 13.744 ящиков папиросных гильз). С 15-го апреля на фабрике был введен 12-часовой рабочий день, с перерывом на обед. 30 сентября 1916 г. во время ревизии выяснилось, что хозяева предприятия применяли 10-часовой рабочий день для малолетних девочек, которых оказалось на фабрике 13 человек. Это было грубым нарушением Устава о промышленности. По предложению старшего фабричного инспектора для малолетних рабочий день должен был быть сокращен до 8-часов, с тем, чтобы они не работали более 4-х часов подряд [14, 9-11].

Несмотря на быстрый рост производства с началом войны фабрика испытывала постоянные перебои с подачей электрического тока и обеспечением материалами, прежде всего, папиросной бумагой (из-за низкой пропускной способности железных дорог). Так, в ноябре 1914 г. Лисициан писали старшему фабричному инспектору Маневскому, что предприятие работает себе в убыток и будет закрыто из-за «отсутствия тока и папиросной бумаги» [13,2].

В сентябре 1915 г. Лисициан открыли в ст. Грозненской механический завод, на котором «изготавливали и ремонтировали буровые инструменты» для бурения нефтяных скважин. В конце года Т-вом «Братья Лисициан» были взяты заказы от Грозненского областного Военного комитета по изготовлению 5 бомбометов, 2-х токарных станков и 1630 мин. Общая сумма производства завода составила 17.372 р.65 к. [14,22-23]. 25 февраля 1917 г. завод был продан Л. А. Манташеву — крупному бакинскому нефтепромышленнику.

Одним из крупных предприятий Осетии была макаронная фабрика Агрофены Савельевны Прохановой, которой принадлежала вальцовая крупчатая мельница и паровая механическая хлебопекарня-булочная на Слободском переулке. Фабрика вы-

работывала ежесуточно 400 пудов макаронных изделий всех видов на 39.120 руб. в год и 1779 мешков муки в месяц на 48.000 руб.

Предприятие было оборудовано 2-мя паровыми котлами, нефтемотором и водяной турбиной, мукосейкой, тестомешалкой, бегуном, 2-мя вальцовками, 3 прессами, 2 насосами. Оборудование на мельнице состояло из 9 вальцовых станков, жернова, фильтра, щеточной машины, 4 крупоеек, 5 рассевов [15,56].

Численность рабочих составляла 44 человека, из которых 30 — были малолетними (12-15 лет), четверо — подростками (до 17 лет). С началом Первой мировой войны фабрика стала работать на оборону и поставляла свою продукцию Кавказскому Окружному Интендантству для нужд действующей армии. К 1915 г. ее производительность возросла до 60.000 пуд., на сумму до 240.000 р., т.е. более чем в 6 раз. Число рабочих увеличилось до 100 человек, из которых 20 были подростками и 35 малолетними. Именно эти государственные заказы для нужд армии позволили выкупить предприятия А. С. Прохановой ее сыну, так как 30 марта 1915 г. макаронная фабрика и другие предприятия А. И. Прохановой были приобретены с публичных торгов Владикавказским отделением Гос.Банка в числе прочего недвижимого имущества А. И. Прохановой, которое было закреплено за Государственным Банком определением Владикавказского Окружного Суда от 21 апреля 1915 г.

1 января 1917 г. сын А. И. Прохановой Василий Степанович Проханов выкупил предприятия у Государственного банка и стал правопреемником по контрактам, заключенных с марта по июль 1916 г. с Красным Крестом и Хлебармией. По этим контрактам макаронная фабрика осуществляла поставки 3000 пуд. макарон и 1.500 пуд. вермишели Красному Кресту, состоявшему под Высочайшим покровительством Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны. Поставки должны были быть закончены не позже конца 1 июня месяца 1916 г. [16,61-62], а 14 апреля 1916 г. другой контракт был заключен А. С. Прохановой с Хлебармией, находящейся в Екатеринодаре, на поставку для нужд армии 50.000 пуд. макарон. Третий

контракт был заключен А.С. Прохановой с Уполномоченным по закупкам хлеба для армии на Северном Кавказе по Терской области о поставках до 1 августа 1917 г. для нужд армии 85.000 пуд. макарон, других макаронных изделий и муки [15,66].

Для осуществления этих заказов В.С. Проханову требовалось ежемесячно 150 пуд. нефти, с поставками которой предприятия испытывали постоянные проблемы. Задача предпринимателя осложнялась тем, что 6 декабря 1916 г., все рабочие макаронной фабрики, сговорившись между собой решили, оставить работы по случаю праздника, который не входил в перечень праздников фабричных правил, утвержденных старшим фабричным инспектором Терской и Дагестанской областей. Несмотря на просьбу — работать и не оставлять затертого для макарон теста, все рабочие категорически отказались и не работали как день, так и ночь. [15,66,92].

Общая сумма производства за 1916 г. составила 828.712 руб. Макарон, лапши и вермишели было изготовлено 100.450 пудов. Численность рабочих составляла 190 человек. Фабрика была оснащена двумя паровыми котлами, из них 1 работал, имея поверхность нагрева 534 кв.ф., и один резервный, с поверхностью нагрева 320 кв.ф., с нефтяным мотором в 45 сил, токарным станком, вальцо-резным станком, двумя динамо-машинами для освещения; тремя гидроскопическими прессами для макарон; двумя вальцовыми станками для прокатки теста; тестомешалкой; чашкой-бегуном для прокатки теста; двумя гидравлическими насосами, двумя вентиляторами, двумя тестомешалками [16, 94-95]

На втором предприятии владельцев — на мукомольной мельнице А.С. Прохановой — за 1916 г. было изготовлено 197.400 пуд. муки, годовая производительность — 789.600 руб. Мельница была оснащена водяной турбиной — 150 сил., 9 вальцово-размольными станками, жерновом, 3 наждачными обойками, щеточной машиной, 5 рассевами, 10 буратами, вентилятором, 4 фильтрами, насосом, 4 круповеяками, сепаратором. На мельнице работало 15 человек [15, 96-97]

С 9 августа 1917 г. из-за отсутствия зерна и муки, которые

должны поставляться Терским Областным Продовольственным комитетом для переработки, В.С. Проханов вынужден был остановить предприятия и уволить 225 работников [15, 108]

К началу XX века увеличилось число осетин-предпринимателей. Так, Н.Н. Акоев в Христиановском открыл лесопильный завод, на котором работало в 1916 г. 10 рабочих. Производительность завода — 45.000 руб., предприятие было оснащено паровым котлом с поверхностью нагрева 322 кв.м., и лесопильным станком. На заводе распиливали кряжи на пластины, бруски и доски. Такой же завод был и у бр. Такоевых в Христиановском. В Алагире лесопильный завод принадлежал Т.О. Бесолову, в Ольгинском водяная мельница — Г.В. Баеву, мельницы в Ардоне — генералу С. Хоранову, Х. Цагараеву, бр. Зембатовым, в Дарг-кохе паровая молотилка — Габисову. Савелий Гугкаев и Александр Гутиев владели зернохранилищами. Александр Авсаратов, Захарий Гагулаев, Тимофей Гатиев, Тембулат Гутиев, Андрей Дзотцоев, Максим Золоев, Алексей Кагермазов, Моисей Кубалов, Харитон Медоев, Василий Цаголов из Карждина, Мурзакул Габисов, Симон Гатиев из Эльхотово также занимались предпринимательством. Оборот каждого из этих предприятий превышал 20.000 руб. [10, 135-210].

Так, большинство предприятий Осетии продолжало свое развитие не только накануне, но и в годы Первой мировой войны. Некоторые из них, такие как Табачная фабрика Б.С. Вахангова, Первая Кавказская электро-механическая гильзовая фабрика «Дарьял», принадлежавшие братьям И. и Г. Лисициан, макаронная фабрика и мельница А.С. Прохановой, завязанные на поставки для действующей армии своей продукции, даже в несколько раз увеличили свою производительность. Но к 1916-1917 гг. это динамичное развитие было сорвано, и большинство предприятий закрылись из-за нехватки топлива и сырья. Виной тому была деятельность нефтяных и угольных трестов, недовольных установленными фиксированными ценами на топливо, назначенными Особым совещанием по топливу при правительстве Российской империи. Они начали саботировать решения правительства. Такая антинациональная политика то-

пливных монополий, в большинстве из которых ведущую роль играли иностранные владельцы, привела к искусственному «топливному» голоду в стране, которая занимала лидирующие позиции по добыче нефти и угля в мире. Накануне и во время Первой мировой войны 72% добычи всего угля контролировали 33 фирмы, а по добыче нефти к концу XIX в. Россия занимала 1-е место в мире, опередив США. Но с 1902-1917 г. в стране, отличавшейся изобилием нефтяных богатств и дешевизной их извлечения, начался упадок нефтяной индустрии, контролировавшейся тремя нефтяными трестами — «Ойлом», «Бранобелем», и «Ройял Датч Шелл». По сути, именно политика топливных монополий в немалой степени способствовала началу потрясений, связанных в России с революциями и гражданской войной.

Примечания

1. *Ортабаев Б. Х.* Развитие промышленности и торговли в Северной Осетии в конце XIX- начале XX вв. Орджоникидзе, 1978.

2. *Тэсич-Вольный.* История серебро-свинцово-цинкового завода «Севкавцинк» // Известия СОНИИ. Т. VII. Орджоникидзе, 1934.

3. ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 62. Д. 832.

4. ЦГА РСО-А. Ф.46. Оп.1. Д.35.

5. ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп.61. Д. 4526.

6. ЦГА РСО-А. Ф.46. Оп.1. Д.37.

7. Терский календарь. Владикавказ, 1913.

8. Материалы по истории Осетии. Т. III. Орджоникидзе, 1984.

9. ЦГА РСО-А. Ф.46. Оп.1. Д.91.

10. Терский календарь. Владикавказ, 1915.

11. ЦГА РСО-А. Ф, 11. Оп. 62. Д. 804.

12. ЦГА РСО-А. Ф.46. Оп.1. Д.119.

13. ЦГА РСО-А. Ф. 46. Оп. 1. Д. 59.

14. ЦГА РСО-А. Ф, 46. Оп. 1. Д. 90

15. ЦГА РСО-А. Ф, 46. Оп. 1. Д. 36.

С. Р. Чеджемов
(Владикавказ)

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РОССИИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Тема Первой мировой войны долгие годы в условиях идеологического диктата признавалась неактуальной, а сама война несправедливой. Естественно, что почти сто лет она не признавалась перспективной темой исторических исследований. Только в преддверии столетнего юбилея стали появляться объективные исследования о разных аспектах этой войны, ставшей полем великих сражений, в которых проявлялись героизм и мужество солдат, альтруизм и милосердие широких кругов общественности да и многие иные аспекты общественного развития человечества, в том числе политическая активность общества.

Пятого августа 1914 года Владикавказская городская дума единогласно и стоя заслушали манифест императора о начале войны и послали телеграмму царю с выражением верно-подданнейших чувств. Именно в условиях Первой мировой войны во всех крупных помещениях Владикавказа начиная с 1914 года стали открываться госпитали. В этих целях оказались задействованными здания Терской войсковой семинарии и Осетинского учительского института. К сожалению, открытые в 1913 году первые вузы Осетии — Осетинский и Казачий педагогические институты не смогли произвести в 1914 году набор на 1 курс, так как их здания, расположенные на современных улицах К. Маркса и Я. Бутырина были переоборудованы под госпитали.

Общеизвестно, что в этой войне принимало участие 38 стран, население которых составляло более 1.5 миллиарда человек. В армиях этих стран с новейшими видами вооружения сражалось более 70 миллионов человек. Многие из них получали ранения и увечья на полях сражений. Однако военная история местного уровня, или, как сейчас модно говорить «ло-

кальной истории», применительно к истории Осетии, практически не подвергалась монографическому исследованию.

В той войне России пришлось вести войну на два фронта — восточном — в Европе, и южном — в Закавказье, поскольку Турция являлась союзницей Тройственного союза. Для поднятия боевого духа войск Николай II решил посетить действующую армию накануне готовящегося сражения между Баязетом и Саракамышем.

Удивительно, но соображения конспирации в это время совершенно не учитывались. О предстоящем маршруте визита знали и в войсках и в обществе. Городской голова г. Владикавказа Георгий Васильевич Баев опубликовал на страницах официальной ежедневной газеты «Терские ведомости» специальную приветственную статью. Не раз до этого встречавшийся с императором, Г. В. Баев, в частности, руководил почетной делегацией осетинского народа и населения г. Владикавказа на торжественном собрании в честь 300-летия Дома Романовых, на котором состоялся обмен памятными подарками от имени всего населения столицы Терской области. В статье городской голова отмечал, что «посещение Государем Императором Кавказа в эту великую годину новой Отечественной войны, в разгар боя на Кавказском фронте, его бодрящее слово — ко всему населению Кавказа, налагает на граждан Владикавказа сугубый долг преданности и благодарности за оказываемую городу высокую честь своим посещением в ближайшие дни»[1].

Буквально на следующий день, 4 декабря 1914 г. императора встречали на железнодорожном вокзале делегации дворянства, горожан, Терского казачьего войска и горских народов. Среди встречавших были первые лица области — Начальник Терской области и Наказной атаман Терского казачьего войска, генерал-лейтенант Флейшер Сергей Николаевич (1856-1918), впоследствии один из лидеров белого движения на Кавказе, архиепископ Владикавказский и Моздокский Антонин, в миру Грановский Александр Андреевич (1865-1927), в годы Советской власти один из адептов обновленчества и «Союза церковного возрождения», автор ряда церковных исследований, уже

упоминавшийся Г. В. Баев и начальник Владикавказского военного госпиталя Н. Г. Гаусмянц и некоторые другие. Их имена, к сожалению, установить довольно сложно ввиду отсутствия в республиканском архиве номеров «Терских известий» начиная со дня посещения царем Владикавказа. Этому может быть объяснением пожар в архиве, который произошел во время обороны Владикавказа от немецко-фашистских захватчиков в ноябре 1943 года.

Возможно, причиной было и стремление кого-то из упоминавшихся в тех номерах газеты лиц, состоящих в депутатиях народов Терской области, уничтожить нежелательную информацию. Как бы то ни было, но газета, на которую мы ссылаемся, сохранилась лишь в архивной россыпи документов из личного фонда Г. В. Баева [2].

Высокому гостю поднесли по русской традиции хлеб-соль и по осетинской традиции три начинённых сыром пирога и чашу с пивом. Царь не в первый раз ступал ногой на владикавказскую землю. Будучи цесаревичем, Николай Александрович сопровождал своего отца императора Александра III в ходе пребывания во Владикавказе в ноябре 1888 года. Да и почетная чаша с пивом императору была не в новинку. Такую же серебряную чашу подарила ему осетинская депутация во главе с Г. В. Баевым во время празднеств 300-летия правящего дома Романовых.

Однодневное пребывание царя во Владикавказе было весьма насыщенным: он побывал на торжественной литургии в кафедральном соборе, где ему был преподнесен памятный подарок — икона Георгия Победоносца, особо чтимого в Осетии святого; выступил на заседании Терского Войскового Казачьего Круга; посетил кадетский корпус, преобразованный в госпиталь.

Вечером того же дня царь поездом выехал в Ростов-на-Дону. Забегая вперед скажем, что буквально две недели спустя сражение под Саракамышем закончилось победой русского оружия.

Во время войны значительно усилилась деятельность общественных организаций и, в частности, Российского обще-

ства Красного Креста. С момента своего основания общество играло важную роль в деле консолидации усилий государства и широких кругов общественности Российской империи в утверждении начал гуманизма и сострадания, оказания медицинской помощи и социального волонтерства. Это в полном объёме проявилось в период Первой мировой войны, которая по своим масштабам разительно отличалась от предыдущих войн.

Деятельность сестер милосердия, как и иных категорий волонтеров Российского Красного Креста нельзя рассматривать только как медицинскую или социальную деятельность. В Центральном государственном архиве РСО-Алания имеются дела, материалы которых неоспоримо свидетельствуют о большой профилактической и лечебной работе центральных и местных властей в деле организации системы здравоохранения.

Следует признать, что и царское правительство и его органы на местах, будь то наместничество на Кавказе или губернское начальство прилагали весьма большие усилия для организации здравоохранения населения. В этом вопросе существовала тесная взаимосвязь, которая, кстати, до сих пор не отмечается в исторических исследованиях.

Эта взаимосвязь выстраивалась следующим образом. Центральное российское правительство в лице министерства либо наместничества издавало соответствующий нормативно-правовой акт, на основе которого издавались ведомственные инструкции, которые претворялись в жизнь при активной помощи местных властей, в том числе и различных просветительно-благотворительных обществ и народных сходок и собраний.

Городские власти совместно с полицейскими и медиками строго наблюдали за чистотой на базарах и площадях, на которых складывались и реализовывались продукты питания. Домовладельцы обязывались осуществлять чистку придомовой территории, тротуаров, уличных канав, дворов, отхожих мест и помойных ям.

В отчете о деятельности центрального правления Кавказского войска помощи инвалидам (так в те годы именовали ветеранов боевых действий и и вышедших в отставку военнослужащих) за подписью генерал лейтенанта Потто и генерал-майора Баратова отмечается большая подвижническая роль Елизаветы Александровны Воронцовой-Дашковой. Именно ей принадлежит идея организации первых благотворительных вечеров, которые с успехом проходили в городах Терской области и Тифлисе. Именно ее в уставных документах общества именовали специальным термином «почетный член-соревнователь» [3,3].

Помимо уже означенных лиц в правление общества входили полковники Крижевич, фон Гилленшмидт, Занкович, Шишко, Шмидт, Занков, Веселовзоров, Чаплин, Митрофанов, Павлов, Бейдеман, Дедов, Арджеванидзе, князь Микеладзе, действительный статский советник Цугинов, капитан Макаев, ротмистр Чавчавадзе, штабс-капитан Бориславский, священник Лихачев, лица без указания должностей и званий Маслянников, Бежанбек, Немирович-Данченко. В ревизионную комиссию входили пять человек — Шмерлинг, Карпов, Габаев, Булыгин, Радионов.

Объективности ради следует признать, что не все из вышеперечисленных деятелей местной интеллигенции были безупречными, как в выше описываемом, так и в иных общественно значимых делах. Так, например, упоминаемый князь Макаев впоследствии вошел в историю общественной жизни дореволюционной Осетии весьма прискорбным фактом убийства одного из крупных общественных деятелей края, известного капиталиста А. В. Замкового.

Этот факт поведал читательской общественности Российской империи видный представитель интеллигенции М. С. Туганов в специальной статье «Наши охранители», опубликованной на страницах газеты «Петроградские ведомости» в № 2 за 1917 год [4]. В этой статье подробно анализировалось убийство известного в Терской области предпринимателя и мецената А. В. Замкового инспектором полицейской стражи князем

Макаевым. Этот князь в недавнем прошлом был осужден Петербургским военно-полевым судом за мошенничество и был лишен всех чинов и званий. Но вскоре ему, благодаря высоким покровителям, удалось выйти на свободу и даже получить административную должность начальника Назрановского округа. Затем он занял вышеназванную правоохранительную должность, которую и использовал во вред закону и справедливости.

Спустя годы историк Г. И. Кусов небезосновательно назовет Макаева законченным преступником в княжеской среде, сделав оговорку, что убийство произошло в 1914 году [5,114]. Что же касается ранней деятельности князя Макаева, то, думается, что закон не имеет обратной силы. Да и в молодости князь, как явствует архивный документ, отличался благонравными поступками. Наверное, революционная ситуация и призыв «грабь награбленное» смущал не только пролетарские головы.

Первая мировая война явилась катализатором обострения многих проблем государственно-правовой сферы российского государства и, тем более, национальных окраин, в частности, Осетии. После начала войны депутаты социал-демократы решением своих коллег по Думе были лишены депутатской неприкосновенности и преданы суду за антивоенные выступления. Но не надо забывать, что за деяния, гораздо более опасные, II Государственная дума отказалась проделать аналогичную процедуру со своей социал-демократической фракцией.

29 августа 1915 года Председатель правительства Иван Горецкий, находясь в Ставке, обращался к императору с предложением распустить Думу. «Только поскорее прикрой Думу», — советовала и императрица в своем письме от 30 августа того же года. Однако государь объявил лишь перерыв в ее деятельности до ноября 1915 года. В. И. Ленин, а за ним и вся последующая советская историография, называли это разгоном Думы.

Однако с юридической точки зрения, это всего лишь временная приостановка ее деятельности, во многом оправдан-

ная условиями военного времени. На это справедливо обращал внимание профессор Р.М. Дзидзоев, оправдывая это аналогией с фактическим отсутствием сессионных заседаний Верховного Совета СССР в период Великой Отечественной войны [6,87].

Действительно, ряд государственных и политических деятелей России — А.И. Гучков, И.Н. Ефремов, А.И. Коновалов — стали готовиться к ноябрьской сессии Думы, но император отложил начало ее работы до февраля 1916 года. 9 февраля на открытие Думы приехал Николай II. На этой сессии Михаил Владимирович Родзянко (1859-1924), один из лидеров партии октябристов, впоследствии председатель III Государственной думы с 1911 года, и председатель IV Государственной думы, спросил императора о том, когда же Правительство будет ответственно перед Думой. На это царь ответил: «Ну, об этом еще надо подумать».

Небезынтересен и факт наличия масонства в Государственной Думе. Так, весной 1916 года заметную политическую активность стал проявлять депутат III и IV Государственной Думы, член ЦК кадетской партии и масон Николай Виссарионович Некрасов (1879-1940), впоследствии видный советский работник. Представителями политического масонства были Дмитрий Иванович Шаховский (1861-1939), депутат I Государственной Думы, князь, в годы Советской власти занимавшийся кооперацией; Е.Д. Кускова; С.Н. Прокопович, совместно с известным большевиком И.И. Скворцовым-Степановым составивший список членов альтернативного правительства [7, 385].

В 1916 годы депутаты Государственной Думы А.Д. Протопопов и П.И. Милюков отправились по дружеским странам Европы с официальным визитом. 1 ноября 1916 года открылась осенняя сессия Думы. На ней П.Н. Милюков, ссылаясь на данные, полученные во время своей заграничной поездки, уличал премьера Штюрмера в измене и попытке заключить сепаратный мир с Германией. Царь отправил Штюрмера в отставку, а новым председателем Совета Министров был назначен А.Ф. Трепов, работавший до этого министром путей сообщения.

Есть мнение, опубликованное в 1990 году в виде раздела учебника по истории СССР для вузов, о том, что за буржуазной оппозицией царю стояла нерегулярная масонская ложа, основанная в 1907 году академиком М. М. Ковалевским, депутатом I Государственной Думы, членом Государственного Совета, выдающимся исследователем-социологом.

Целью масонов России было установление в России буржуазно-демократического республиканского строя и предоставление всем нациям автономии. Общее руководство масонами России осуществлял специальный орган — Верховный Совет народов России, во главе которого находился избираемый генеральный секретарь [7,386]. Примечательно, что эти термины войдут в общественно-политическую лексику Советского государства.

23 февраля 1917 года царь планировал выступить на заседании Государственной Думы и объявить о правительственной ответственности перед парламентом. 26 февраля члены Думы стоя выслушали указ о перерыве занятий Думы. Председатель Думы Родзянко и ее сеньорен-конвент — Совет старейшин приняли решение о том, чтобы депутаты Думы не разъезжались и начали «частное заседание». Фактически руководство Думой перешло к А. Ф. Керенскому.

Генерал С. С. Хабалов попытался взять Таврический дворец и распустить Думу, но армия не смогла подойти к дворцу. Власть из Думы «перетекала» к Временному Правительству и Советам. Герои думской законодательной власти становились фигурантами власти исполнительной. Император Николай II вместе с отречением от престола назначил князя Львова председателем Совета Министров, который, однако, принёс присягу не Государственной Думе, а Сенату.

Над Россией всходила заря двоевластия, имевшая ярко выраженную нелегитимную специфику. Первая мировая война продолжалась, но все победы России на фронтах оборачивались на пользу иным силам. Последовавшая за февральской Октябрьская революция провозгласит декрет о мире. Россия из страны-победительницы станет страной побежденной. Ре-

волюция и гражданская война надолго заставят забыть славные страницы победы русского оружия в Первой мировой войне. И только спустя годы, став уже Советским Союзом, наше государство вернет себе авторитет великой державы, спасая мир от фашистского порабощения.

Примечания

1. Терские ведомости. Часть официальная. 1914. 3 декабря.
2. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (Далее ЦГА РСО-Алания). Ф.224. Оп.1. Д.277.
3. ЦГА РСО-Алания. Ф.11. Оп.52. Д.1116.
4. *Туганов М. С.* Наши охранители // Петроградские ведомости. 1917. № 2.
5. *Кусов Г. И.* Встречи со старым Владикавказом. Владикавказ, 1997.
6. *Дзидзоев Р. М.* Образование и развитие конституционного строя в России. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1996.
7. История СССР. 1861-1917/Под ред. В. Г. Тюкавкина. М., 1989.

А. А. Магометов
(Владикавказ)

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ В ОСЕТИИ

Первая мировая война в нашей стране долгие годы рассматривалась как позорное пятно в отечественной истории. Нам представляется, что это было следствием того, что собственно военные события в общественном сознании ассоциировались с наступившими позднее революционными событиями и гражданской войной. В преддверии столетнего юбилея начала войны историки нашей страны стали пристально рассматривать различные стороны тех событий, которые имели место в канун и в ходе Первой мировой войны. Тема нашего исследования напрямую затрагивает одну из этих проблем, а именно взаимосвязь войны и революционных выступлений в Осетии.

Россия вступила в войну в условиях патриотического подъёма. В 1913 году страна торжественно отмечала трёхсотлетие правления императорской династии Романовых. Многие представители интеллигенции страны с симпатией относились к национально-освободительной борьбе европейских братьев-славян против притеснений, которые им чинили Австро-Венгерская и Османская империи. Экономические и политические интересы России так же бы ориентированы на упрочение своего положения на юге Европы и, в частности, наличия свободной зоны пролива Босфор и Дарданеллы.

В годы войны антибольшевистская пропаганда утверждала о тесной взаимосвязи В. И. Ленина и партии социал-демократов России с германским командованием. Следовательно, возникает вопрос о том, насколько связаны революционные выступления во время войны и сама Октябрьская революция. Объективное исследование этого вопроса и составляет проблему нашего исследования.

Так, например, в академическом советском издании Истории Северо-Осетинской АССР об участии осетин в Первой ми-

ровой войне почти не упоминается, а восстание осетинской пешей бригады в 1916 году раскрывается с явной симпатией к восставшим, хотя по сути это было проявлением нарушения присяги [1, 463].

Что-же послужило причиной этого восстания и насколько оно могло быть связано с происками антироссийских сил? Советские историки утверждали, что Первая мировая война являлась войной империалистической, которую «горячо поддерживали помещики и буржуазия. Официозные средства массовой информации преподнесли читателям шовинистические измышления о характере войны, утверждая, что со стороны России и ее союзников она была якобы справедливой и вынужденной» [1, 461].

В той войне России пришлось вести войну на два фронта — восточном — в Европе и южном в Закавказье, поскольку Турция являлась союзницей Тройственного союза. Для поднятия боевого духа войск Николай II решил посетить действующую армию. О предстоящем маршруте визита знали и в войсках и в обществе. Городской голова г. Владикавказа Георгий Васильевич Баев опубликовал на страницах официальной ежедневной газеты «Терские ведомости» специальную приветственную статью, в которой от имени всего населения столицы Терской области отмечал, что «посещение Государем Императором Кавказа в эту великую годину новой Отечественной войны, в разгар боя на Кавказском фронте, его бодрящее слово — ко всему населению Кавказа налагает на граждан Владикавказа сугубый долг преданности и благодарности за оказываемую городу высокую честь своим посещением в ближайшие дни» [цит. по: 2, 244].

Торжественный приезд императора Николая II в Осетию состоялся 4 декабря 1914 года. Его встречали на железнодорожном вокзале депутации дворянства, горожан, Терского казачьего войска и горских народов Кавказа. Естественно, что среди них присутствовали первые лица области — Начальник Терской области и Наказной атаман Терского казачьего войска, генерал-лейтенант Флейшер Сергей Николаевич (1856-1918), ставший позднее одним из лидеров белого движения на Кавказе,

архиепископ Владикавказский и Моздокский Антонин, Г.В. Баев и начальник Владикавказского военного госпиталя Н.Г. Гаусмянц и некоторые другие.

Пребывание царя во Владикавказе было весьма насыщенным, он побывал на торжественной литургии в кафедральном соборе, где ему был преподнесен памятный подарок — икона Георгия Победоносца, особо чтимого в Осетии святого, выступил на заседании Терского Войскового Казачьего Круга, посетил кадетский корпус, преобразованный в госпиталь. Вечером того же дня царь поездом выехал в Ростов-на-Дону. Никаких революционных выступлений нигде не было, более того, как явствуют из воспоминаний очевидцев, встреча прошла очень радушно, с выражением верноподданнических чувств населения.

Советская историография так характеризовала войну: «Первая мировая империалистическая война была следствием борьбы крупнейших империалистических государств за новый передел мира и сфер влияния». В.И. Ленин, характеризуя начавшую Первую мировую войну, писал в статье «Война и российская социал-демократия»: «Европейская война, которую в течение десятилетий подготовляли правительства и буржуазные партии всех стран, разразилась. Рост вооружений, крайнее обострение борьбы за рынки в эпоху новейшей, империалистической, стадии развития капитализма передовых стран, династические интересы наиболее отсталых, восточно-европейских монархий неизбежно должны были привести и привели к этой войне».

Вступая в войну, российская буржуазная элита рассчитывала не только на то, что ей удастся завоевать новые рынки и нажиться на военных заказах, она полагала, что военная обстановка погасит радикальные движения в стране. Но жизнь опрокинула расчеты управленческой верхушки — война оказалась могучим ускорителем революции. Война изменила соотношение социальных сил и выявила их подлинную суть.

Разные партии относились к войне по-разному. Меньшевики, эсеры под лозунгом «защиты отечества» выступили в поддержку мировой войны. Большевики придерживались позиций

пролетарского интернационализма и настаивали на империалистическом, грабительском характере войны.

Осетинский общественный деятель, городской голова г. Владикавказа Г.В. Баев всячески старался поднять «патриотический дух» осетинского народа, организовывая разного рода манифестации, выступления «выборных от народа», публикации в печати и т.д. Его призывы находили отклик в среде части осетинского народа, особенно среди военной интеллигенции вербовавшей добровольцев-осетин в действующую армию. 23 июля члены городской думы, заслушав манифест о войне, отправили царю телеграмму «с выражением верноподданнических чувств».

От городской думы не отставали и социальные верхи городской общины и сельских обществ Осетии. «Не желая быть в тени от монархического взора», поспешили выразить царю свои «верноподданнические чувства» представители военной элиты Осетии. Духовенство призывало народ не жалеть жизни «за царя и отечество».

Особым распоряжением от 13 августа 1914 года Терская область объявлялась на положении «чрезвычайной охраны». 16 августа в области было введено временное положение о военной цензуре. Началось выселение за пределы области лиц, попавших в списки «неблагонадежных», чистка административного аппарата. Был издан приказ «об охране спокойствия на предприятиях», на основании которого все дела о «нарушении спокойствия» передавались на рассмотрение военного суда.

В начале декабря 1915 года произошла крупная забастовка перевозчиков свинцово-цинковой руды из Садонского рудника на станцию Дарг-Кох, требовавших повышения оплаты за перевозку руды. Стачка носила организованный характер, в ее проведении участвовали социал-демократические агитаторы. Администрация общества «Алагир» была вынуждена увеличить плату.

26 апреля 1916 года забастовали портные Владикавказа. Вечером того же дня забастовщики сделали попытку организовать за городом собрание, но были разогнаны полицией. В мае 1916 года на заводе общества «Алагир» полиция арестовала не-

сколько рабочих «за подстрекательство к забастовке». К этому же времени относится забастовка трамвайных рабочих Владикавказа.

Нараставшее стачечное движение и волнения крестьян в Осетии свидетельствовали о том, что идеи «сохранения гражданского мира в промышленности» и «поддержки войны участием в военно-промышленных комитетах» не всегда воплощались в реальности.

Наиболее ярким проявлением социального недовольства явилось восстание солдат Осетинской пешей бригады в слободе Воздвиженской, близ Грозного, в августе 1916 года. С первых дней пребывания в бригаде солдаты-ополченцы отказались от солдатского обмундирования, требуя национальной одежды, оружия, коней, протестовали против излишней муштры, требовали доброкачественной пищи и т. д.

В бригаде было много представителей осетинской интеллигенции, учителей и учащихся, которые по-своему понимали цели и характер войны, ориентировались в политических событиях. В бригаде возникла подпольная группа во главе с А. Гостиным; в нее входили: И. Худалов, С. Мулукаев, Х. Тавитов, Дз. Бугоев, А. Дзампаев, У. Едзиев и другие. По поручению С.М. Кирова в бригаду из Владикавказа приезжал М. Калагов.

В августе ополченцы, возглавляемые группой, отказались выйти на строевые занятия. Для расправы с забастовщиками из Грозного были вызваны войска: два батальона пехоты и казачий кавалерийский полк. 26 августа 1916 года солдаты бригады были окружены войсками и подвергнуты обстрелу. Шестнадцать человек было убито, более тридцати тяжело ранено, остальные бежали. Часть бежавших попала в чеченское селение Старые Атаги, где жители укрыли их от преследования, а умерших от ран похоронили на своем кладбище.

Восстание Осетинской пешей бригады наглядно показало, что в недрах народной массы зрело недовольство, свидетельствовало о очагах сопротивления даже среди солдат и ополченцев.

Совещание Кавказского бюро РСДРП, состоявшееся в конце октября 1915 года в Баку под руководством Степана Шаумяна,

призвало «рабочих и широкие массы населения Кавказа не поддаваться провокации командующих классов, националистических партий и помнить, что только в братском единении демократий всех национальностей залог их победы и освобождения и что, наоборот, дальнейшее усиление национальной вражды может превратить Кавказ в арену кровавых национальных столкновений».

В эти годы деятельностью большевистских организаций, групп и отдельных подпольщиков в рабочих центрах Терской области руководил С. М. Киров. Для осуществления более тесной связи с рабочими Киров предложил рабочему типографии И. Я. Турыгину переехать из Владикавказа в Грозный, помог ему получить расчет в газете «Терек» и устроил его в Грозном заведующим типографией. Через И. Я. Турыгина Киров поддерживал постоянную связь с руководителем грозненской подпольной партийной организации Николаем Анисимовым.

Для активизации большевистских групп в Минеральных Водах, и оказания им помощи туда в декабре 1916 года прибыл Киров. Станция Минеральные Воды являлась важным транзитным пунктом, через который воинские эшелоны шли на Турецкий фронт. Из Минеральных Вод Киров поехал в Пятигорск, где под видом газетного репортера посещал лазареты, вместе с местными активистами вел пропагандистскую работу среди солдат. По его инициативе еще до войны во Владикавказе на квартире преподавателя Максимова был создан кружок по углубленному изучению классиков русской литературы. В кружок вовлекали учащихся и рабочую молодежь, которую затем постепенно втягивали в революционную работу.

В 1915-1916 годах большевистские организации Терека и всего Кавказа активизировали партийную работу. По этому поводу центральный орган большевистской партии газета «Социал-демократ» писала: «Партийная нелегальная работа сильно возрастает во всех местах Кавказа. Движение создается и идет исключительно под лозунгами революционных социал-демократов интернационалистов... Такие крупные промышленные центры, как Баку, Грозный, находятся под гегемоном почти ис-

ключительно большевистского течения. В Тифлисе и в нескольких других пунктах большевики пользуются немалым влиянием. Оборудованы нелегальные типографии. Печатаются листки и воззвания».

Осенью 1916 года был создан марксистский кружок из студенческой молодежи при Владикавказском учительском институте. «С помощью С. М. Кирова, — вспоминает его участник И. Д. Никонов, — члены этого кружка изучали марксистскую литературу и нелегально вели пропаганду среди передовой учащейся молодежи, направляли ее настроения в русло борьбы рабочего класса против царизма». Эта юношеская организация явилась предшественницей Владикавказского коммунистического союза молодежи «Спартак», созданного в 1918 году.

Большевики Осетии и всего Терека сумели в условиях военно-полицейского режима связаться с массами, привлечь и сплотить вокруг себя представителей рабочего класса, крестьян и интеллигенции. К ним относились: А. Гостиев, М. Калагов, Е. Полякова, Б. Калмыков, Н. Анисимов, Ф. Серобабов и многие другие.

К началу 1917 года безвыходное положение правительства стало очевидным. Тяжелая обстановка на фронтах, хозяйственная разруха в тылу, разложение в государственном аппарате, подъем революционного движения масс — все это говорило о том, что «верхи» не могут править по-старому, а «низы» не хотят жить по-старому. В России наступил революционный кризис. Мировая война действительно являлась всесильным «режиссером» революции.

27 февраля 1917 года победила Февральская буржуазно-демократическая революция. Во Владикавказе известие о победе Февральской революции было получено 1 марта, но жители области узнали об этом только 5 марта (наказной атаман генерал Флейшер задержал это известие).

С радостью встретили весть о победе революции и свержении монархии население Терской области. В селах и городах состоялись мощные манифестации. Народ надеялся, что революция принесет ему долгожданное освобождение от нацио-

нального и социального гнета, землю и свободу, прекращение войны.

В Терской области, как и везде на окраинах, после падения монархии произошла незначительная смена административных лиц. Гражданский комитет, созданный 5 марта во Владикавказе из представителей различных буржуазных и мелкобуржуазных организаций города, возглавил М. Караулов — член IV Государственной думы, атаман Терского казачьего войска. Наряду с Гражданским комитетом 8 марта во Владикавказе возник и другой орган власти — Совет рабочих депутатов, который должен был стать органом революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. В Совет кроме большевиков вошли представители других демократических политических партий — эсеры и меньшевики.

В первые месяцы после Февральской революции во Владикавказском Совете преобладали меньшевики и эсеры.

Именно в годы Первой мировой войны появляется осетинская революционная демократическая партия «Кермен».

Она была создана на учредительном собрании революционно-демократических сил, которое состоялось в сентябре (точная дата не приводилась) 1917 года во Владикавказе. На собрании был избран центральный комитет партии. 12 октября после съезда большевистских организаций Кавказа, которое проходило 12 октября в Тифлисе, произошел разрыв большевиков с меньшевиками, в результате чего образовалась самостоятельная Владикавказская большевистская организация. А уже 25 октября 1917 года состоялось экстренное заседание Владикавказского совета, которое проводилось в поддержку победоносного восстания в Петрограде. Спустя девять дней, 4 ноября на заседании этого совета выступил С. М. Киров, рассказавший о революционных событиях и штурме Зимнего дворца.

18 ноября ЦК партии «Кермен» направило приветственную телеграмму В. И. Ленину о поддержке рабоче-крестьянского Советского правительства. 26-28 ноября объединённый блок большевиков и керменистов победил на выборах, как отмечается в тексте, «в Учредительное собрание в Северной Осетии,

а 3 декабря 1917 года была одержана победа блока большевиков и керменистов на выборах во Владикавказскую городскую думу. 30 декабря было издано постановление Владикавказского совета о признании Советской власти и подчинении Совнарком РСФСР» [3,365].

Как видим, здесь просматривается очевидная логическая нестыковка, как хронологическая, так и политико-правовая. Как могло приветствовать победу октябрьского вооруженного восстания владикавказская дума в день совершения переворота, который начался в 10-м часу вечера 25 октября при всем при том, что выборы в ее состав прошли 3 декабря? Предположить, что это собрание проводила предыдущая дума так же не представляется возможным, ибо состав предыдущей думы, если бы он даже так оперативно собрался, был враждебен задачам октябрьского восстания.

Так, по данным профессора С.Р. Чеджемова, на выборах во Владикавказскую думу преобладало далеко не революционно настроенное большинство. На выборах Думы 1913-1917 годов «первое избирательное собрание состоялось 23 сентября 1912 г. Днем на собрание явилось 377 человек — 24,9% всех избирателей, которые избрали 41 гласного. На втором избирательном собрании, состоявшемся 25 сентября днем, были избраны еще два гласных. Назначенное на вечер того же дня избирательное собрание не состоялось из-за того, что собралось мало избирателей. Третье, дополнительное, избирательное собрание состоялось в воскресенье, 14 октября. На это собрание явилось 173 избирателя, которые доизбрали 17 гласных и восемь кандидатов в гласные.

Газета «Терские ведомости», сетуя на уклонение избирателей от голосования, писала «Дай бог, чтобы их явилось хотя бы пятая часть... Самое большее придут человек 300-200 и решат судьбу города». Состав избирателей определял, в конечном счете, и состав избранных. Наибольший процент в составе гласных думы занимала активная часть буржуазии — предприниматели, торговцы, фабриканты. В составе гласных, избранных в думу в 1905 году, эта группа составляла 55%» [3, 173].

Нам представляется, что в выше процитированной хронике мы имеем дело, скорее всего либо с технической ошибкой — опечаткой, либо с проявлением идеологизации, столь свойственной исследованиям советской эпохи, когда в угоду политической конъюнктуре не только искажалась оценка тех или иных политических событий, но и с поразительной догадливостью интерпретировались некоторые исторические события с позиций классовой целесообразности т.д.

Что же касается состава Владикавказской думы, избранной 3 декабря, то, к сожалению, точных свидетельств и ее политическом составе до наших дней не дошло. Из той же хроники известно, что в апреле 1918 года состоялось слияние партии «Кермен» с РКП (б) и образована осетинская вооруженная организация РКП (б) «Кермен». В той же хронике отмечается, что 26 ноября состоялась конференция окружной партийной организации «Кермен» во Владикавказе.

Получается, что либо объединение «Кермен» с РКП (б) и военная организация РКП (б) «Кермен» были формальными и недолговечными, либо это одно из проявлений искажения в силу идеологического заказа, существовавшего в годы Советской власти. Но, как бы то не было, проблема взаимосвязи Первой мировой войны и революционных выступлений в Осетии, будучи одной из актуальных проблем истории Осетии, далеко не исчерпывается нашим сегодняшним выступлением, и нуждается в дальнейших исследованиях.

Примечания

1. История Северо-Осетинской АССР. В 2 т. Т. 1. Орджоникидзе, 1987.

2. Чеджемов С.Р. Развитие государственно-правовых отношений и правовой культуры на юге России в конце XX-XXI веках. Владикавказ. 2012.

3. Очерки истории Северо-Осетинской партийной организации. Деятельность большевиков Северной Осетии в годы Первой мировой империалистической войны. Февральская буржуазно-демократическая революция. Орджоникидзе. 1969.

РАЗДЕЛ II

УРОЖЕНЦЫ КАВКАЗА — УЧАСТНИКИ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ НА ФРОНТАХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Ф. С. Киреев
(Владикавказ)

УРОЖЕНЦЫ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Основанный как крепость, Владикавказ со дня своего возникновения считался военным городом. Постоянно здесь находились различные войсковые части, штабы и управления армейских частей. Порой погоны мелькали на улицах города чаще гражданских мундиров.

Уроженцы Осетии и Владикавказа участвовали во всех войнах России XIX — начала XX вв. Среди них были терские казаки, осетины, русские, армяне, грузины и другие представители многонационального края. Все они внесли свой вклад в защиту Отечества, совершив немало подвигов.

В этом году весь мир отметит знаменательную дату — столетие начала Первой мировой войны. В России эта дата впервые будет отмечена на государственном уровне. Наша страна потеряла на полях сражений этой войны больше всего солдат и офицеров, при этом Первая мировая до сих пор является забытой, малоизвестной. Незаслуженно забыт и вклад уроженцев Осетии в этой самой масштабной войне Российской империи.

К 1914 году во Владикавказе располагались: штаб 3-го Кавказского армейского корпуса (ныне в этом здании музыкальная школа №1), штаб 21-й пехотной дивизии, штаб 3-й Кавказской

казачьей дивизии, правление 21-й артиллерийской бригады, штаб Терского казачьего войска, Владикавказская местная бригада и 81-й пехотный Апшеронский полк. Кроме этого, к военному ведомству относились Владикавказский кадетский корпус и военный госпиталь.

С объявлением мобилизации армейские части были пополнены и отбыли на фронт.

Едва прибыв на фронт, Апшеронский полк сразу же показал себя с лучшей стороны. 20 августа 1914 г. отряд генерала Мрозовского атаковал 10-й австро-венгерский корпус, и к вечеру у Суходола герои-апшеронцы первые прорвали фронт не знавшей доселе неудач армии генерала Данкля. Трофеями под Суходолом были 5000 пленных и 8 пулеметов. Наш урон в этом деле был около 2300 человек (половина в Апшеронском полку, шедшем в бой в своих исторических «кунерсдорфских» красных сапогах) [1,213]. За это сражение командир апшеронцев генерал-майор Веселовский и офицеры — подполковник Н. И. Григорчук (посмертно), капитан А. С. Клоссовский, штабс-капитан Н. И. Малыхин, поручик М. К. Кастюрин и поручик В. С. Рыжков были награждены орденом св. Георгия 4-й степени¹.

Тем временем, число подвигов у полка прибавлялось. 27 августа 1914 г. в бою за Тарнавкой апшеронцами взято 9 германских гаубиц. За умелое руководство этим сражением начальник 21-й дивизии генерал Мехмандаров был награжден орденом св. Георгия 3-й степени [2].

Вообще весь 3-й Кавказский корпус во главе с героем Порт-Артура генералом Ирманом покрывал себя славой всюду, где шел в бой. Суходол и Ивангород, Козеницы и Кельцы, выручка Осовца, отражение фаланги Макензена у Змигорода и поражение ее под Сенявой (апшеронцы, лорийцы), Холм и Брест — все эти дела принесли 21-й и 52-й пехотным дивизиям славу «стальных». В своем секретном справочнике для войсковых штабов от января 1917 г. австро-венгерская Главная квартира, отмечая высокий дух 3-го Кавказского корпуса, особенно выделяет Апшеронский и Самурский полки. Во всем справочнике ха-

¹ Высочайший приказ от 20 января 1915 г.

рактеристика войскам русской армии (обычно весьма лестная) дается сразу на дивизию, и это единственный случай, когда упоминаются отдельные полки [2,192].

За время Первой мировой войны 23 офицера Апшеронского полка были награждены орденом св. Георгия 4-й степени, 24 — получили Георгиевское оружие. Получив немало Георгиевских наград, апшеронцы потеряли большое количество однополчан. В их числе были посмертно награжденные подполковник Камбулат Козырев (орден св. Георгия 4-й степени), подполковник Николай Григорчук (орден св. Георгия 4-й степени), подполковник Александр Иванов (Георгиевское оружие), подпоручик Николай Чилингаров (Георгиевское оружие), подпоручик Владимир Савицкий (орден св. Георгия 4-й степени) и другие.

В этом же полку служил капитан (в дальнейшем полковник) Иван Николаевич Беликов, один из организаторов попытки свержения советской власти во Владикавказе в августе 1918 г. А начальником штаба 21-й дивизии был полковник Виктор Викторович Троцкий-Сенютович, бывший директором Владикавказского кадетского корпуса.

По окончании войны Апшеронский полк в составе своего корпуса отбыл из Галиции на Кавказ, где демобилизовался и был расформирован.

С началом войны Терское казачье войско выставило на фронт 307 офицеров и 13300 нижних чина. На Европейском театре военных действий в боях с противником участвовало шесть терских конных полков, одна конная батарея и одна сотня Собственного Конвоя Его Императорского Величества. Остальные терские части находились на Кавказском фронте.

С конца 1914 г. на Кавказский фронт прибыли третьеочередные полки Терского войска. В 1915 г. к ним добавились 1-й и 2-й Терские пластунские батальоны.

К 1 января 1916 г. в строевых частях ТКВ находилось: 1 генерал, 40 штаб-офицеров, 458 обер-офицеров и 18 тысяч урядников, казаков, врачей, фельдшеров и чиновников [3,16].

В октябре 1916 в Персию, в состав корпуса генерала Бара-

това была отправлена сформированная 3-я Терская казачья конно-горная батарея. В 1917 г. была сформирована 4-я Терская казачья пластунская батарея.

Больше всего уроженцев Осетии было в Сунженско-Владикавказских и Горско-Моздокских полках. Это были казаки станиц Ардонской, Архонской, Николаевской, Змейской, Сунженской, Тарской, Новоосетинской, Чернойарской, Павлодольской, Терской и Луковской.

Хотя авиация еще только становилась отдельным видом войск, но и среди пилотов тех времен уже появились наши земляки.

На сегодня пока трудно сказать, сколько уроженцев Владикавказа и Осетии стали летчиками в годы Первой мировой войны, поэтому остановимся лишь на георгиевских кавалерах.

Первым отличился Константин Вакуловский. Родился он в 1893 году в г. Темир-Хан-Шура в семье генерала. В 1911 году окончил Владикавказский кадетский корпус, затем Николаевское инженерное училище. С августа 1914 года подпоручик Вакуловский в Новогеоргиевской крепости на должности наблюдателя крепостного авиационного отряда. Весной 1915-го Константин прошел курс обучения полетам, получив звание «военный летчик» и чин поручика. Летал на самолете «Фарман» в основном на разведку. Летом 1915 года немцы окружили Новогеоргиевскую. Основные силы русской армии отошли далеко назад, и вскоре положение осажденных стало безвыходным. Чтобы спасти самолеты, летчикам приказали покинуть крепость и Вакуловский скрытно вылетев, в полном тумане, вывез на своем самолете знамя и ордена. Порой приходилось лететь у самой земли на высоте 15-20 метров, несмотря на ружейный огонь противника. За этот полет он был награжден орденом св. Георгия 4-й ст. [4,54].

Большой известностью пользовался в Русской армии военный летчик Федор Зверев, летавший в составе 4-го истребительного отряда. Уроженец станицы Наурской Терского казачьего войска, он окончил Владикавказское реальное училище, затем Казанское военное училище и Севастопольскую авиашколу.

Сначала Зверев служил в казачьих частях, затем стал офицером 1-го корпусного авиаотряда. Он сбил в воздушных боях более 10 немецких самолетов и был награжден орденом св. Георгия 4-й ст.

Выпускником Владикавказского реального училища был и Стефан Грейм. В дальнейшем он окончил Алексеевское военное училище и офицерскую школу авиации Отдела воздушного флота. В 1913 году он получил звание летчика. С начала он числился в 41-м парковом артиллерийском дивизионе, а с 1916 года был в 35-м корпусном авиационном отряде. 17 августа 1916 года, будучи в чине поручика, возвращаясь с воздушной разведки неприятельской позиции, вступил в неравный бой с 4 немецкими аэропланами над лесом близ с. Затурцы, был сбит и погиб, «смертью запечатлев содеянный им геройский подвиг». Посмертно он был награжден орденом св. Георгия 4-й ст.

11 июля 1916 года погиб еще один наш земляк — Валериан Ртищев. Он окончил Владикавказское реальное училище, затем Михайловское артиллерийское училище и Севастопольскую авиашколу. С октября 1915 года он находился в 3-м армейском авиационном отряде. Весной 1916 года участвовал в воздушной охране Императорской резиденции в г. Хотин.

За отличия в делах против австрийцев он был награжден несколькими боевыми орденами. В одном из воздушных боев он погиб и посмертно был награжден орденом св. Георгия 4-й ст. Тело погибшего летчика было доставлено во Владикавказ и предано земле с подобающими герою почестями [4,250].

В 1895 году во Владикавказе в семье офицера родился Константин Высоцкий. После окончания военного училища он служил во 2-м Сибирском корпусном авиаотряде, а с сентября 1916 года был летчиком 21-го корпусного авиаотряда. За отлично проведенные разведки в марте 1916 года, он был награжден орденом св. Георгия 4-й ст.

24 марта 1917 года командиром 30-го Корпусного авиаотряда стал весьма талантливый, успешный летчик, кавалер несколько боевых орденов Джамбулат Кануков. Это не только

первый летчик-осетин, но и первый из осетин возглавивший авиаполк [5].

В 1890 году был сформирован Осетинский конный дивизион, ставший приемником Осетинского дивизиона, прославившегося в Русско-Турецкой войне.

С началом Первой мировой войны в июле 1914 года, Осетинский конный дивизион, в составе своей 3-й Кавказской казачьей дивизии сразу же отбыл на фронт, и уже в первых числах августа осетины перешли австрийскую границу. 13 и 14 августа 3-я армия, в которую входила 3-я Кавказская казачья дивизия, нанесла ряд поражений неприятелю, и он поспешно стал отступать. Осетинский дивизион, вместе с другими конными частями, бросился преследовать противника. В результате было захвачено 10000 пленных и 60 орудий.

В боях весной 1915 года погибли корнеты Михаил Каиров и Владимир Щеглов. Храбрый корнет Щеглов посмертно был награжден орденом св. Георгия 4-й степени.

В последующие месяцы Осетинский дивизион сражался в предгорьях Карпат и Галиции, прикрывая отступление русской армии. Всадники-осетины воевали мужественно и не раз получали благодарности от начальства. Но в дивизионе по-прежнему лишь две сотни, а желающих послужить Отечеству было предостаточно. Несколько раз представители осетинского народа во главе с отставными генералами А. Борукаевым и И. Гайтовым и другими влиятельными лицами просили Государя Императора развернуть дивизион в полк. Николай II внял их просьбам, и осенью 1915 года последовал приказ о реформировании дивизиона в полк [6].

По новым штатам в Осетинском конном полку должны были числиться: 22 офицера, 3 врача, 1 чиновник, 868 строевых и 83 нестроевых нижних чина (всадников), всего 977 человек.

В декабре 1915 года формирование полка было закончено. В эти же дни полку было вручено Георгиевское знамя бывшего Осетинского дивизиона, полученного за отличия в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. К этому радостному событию прибавилось еще одно — вахмистры Виссарион Хадиков и Констан-

тин Сокаев за боевые отличия получили Георгиевские кресты 1-й степени и стали полными Георгиевскими кавалерами. Виссарион Хадиков вскоре был произведен в прапорщики и продолжил службу уже офицером.

Прибыв на фронт, Осетинский конный полк вновь вошел в 3-ю Кавказскую казачью дивизию, составив с 1-м Дагестанским конным полком 2-ю бригаду. Из Буковины дивизия было переведена в Полесье и включена в состав 4-го конного корпуса генерала Гилленшмидта.

Когда началось наступление лета 1917 года, 3-я кавказская казачья дивизия приняла в нем активное участие. Несмотря на то, что под влиянием большевистской пропаганды армия начала разваливаться, Осетинский полк еще сохранял боеспособность. Благодаря этому ему поручали самые ответственные задания.

Когда пехотные части, бросив фронт, стали беспорядочно отступать, прикрывать это бегство у города Монастержиско пришлось Осетинскому полку, и 11 июля в бою погиб командир Осетинского полка полковник Василий Хетагуров и несколько десятков всадников. Тело полковника Хетагурова было найдено, его привезли во Владикавказ и предали земле в ограде Осетинской церкви [7].

После гибели полковника Хетагурова Осетинский полк возглавил войсковой старшина Петр Занкисов из 1-го Кизляр-Гребенского полка. В командовании он пробыл до 9 сентября, когда по болезни сдал полк подполковнику Хаджимуссе Дзугаеву.

При подполковнике Дзугаеве Осетинский полк был выведен из состава 3-й Кавказской казачьей дивизии и включен в состав формируемого Кавказского туземного конного корпуса. В конце сентября 1917 г. части Туземного корпуса прибыли в Терскую область, где развертывание корпуса продолжилось. Начал формироваться 2-й Осетинский конный полк, командиром которого стал полковник Григорий Келер. Оба Осетинских полка составили 2-ю бригаду полковника Якова Хабаева и вошли в состав 2-й Кавказской туземной конной дивизии, начальником которой был назначен генерал-лейтенант Хоранов. Но больше в едином строю всадникам-осетинам воевать не пришлось. К ян-

варю 1918 г. осетинские полки фактически распались, а официально их расформировали в мае 1918 г.

В исторической литературе редко упоминается Осетинская пешая бригада, сформированная по ходатайству осетинской интеллигенции. А ведь это тоже страница боевого прошлого осетин.

Осетинская пешая бригада была сформирована согласно приказу начальника штаба Верховного Главнокомандующего от 18 июля 1916 года. Формирование ее шло в слободе Воздвиженской у Грозного на базе Терского казачьего войска.

Офицерский и унтер-офицерский состав отбирался из кадров Терского и Кубанского казачьих войск. Из казаков этих же войск состояли пулеметная, связная и саперная команды. Рядовые осетины поступали из многих районов Осетии, но главным образом из селений Дигорского и Алагирского ущелий.

Сформированная Осетинская бригада до начала июня 1917 года стояла в г. Котюжинске в резерве фронта. Затем ее перевели в Галицию в резерв 8-й армии, а в середине июня она заняла позиции в Карпатских лесах. Готовилось большое наступление, и бригаду спешно приводили в порядок. Прибыл новый начальник бригады полковник Алексей Баев.

18 июня армии Юго-Западного фронта атаковали противника, 8-я армия ген. Корнилова, прорвав фронт, овладела Галичем, Станиславовым. Осетинская бригада вела бои у деревни Хута, у высот 1808 и 1817. Тяжело пришлось осетинам: саперного снаряжения не было, и окопы пришлось рыть кинжалами.

Несмотря на первые победы, армия была уже не та, что прежде. Геройская гибель ударных частей, составленных большей частью из офицеров, оказалась напрасной. Войска, бросая фронт, в беспорядке стали отступать. Прикрывая отступление, Осетинская бригада с боями выходила из Карпат, сражаясь у Надворной, у Роводеште, Боян, Новеселицы и Липканы.

К концу июля бригаду перевели в резерв 8-й армии, а в сентябре присоединив к Кавказскому Туземному корпусу, отправили в Терскую область. 18 октября 1917 года во Владикавказе, на основании новых правил о Георгиевских наградах, офицеры

бригады, отличившиеся в июльских боях, были награждены солдатскими Георгиевскими крестами 4-й степени. Этой награды удостоились: полковник Штрандман, подполковник Иванов, подполковник Кибиров, хорунжий Доцев, подпоручики Коченов и Цопанов, прапорщики Атаев, Агасиев, Цаликов [8].

Говоря о георгиевских кавалерах необходимо отметить, что из осетин до 1914 года лишь семь человек были награждены орденом св. Георгия 4-й ст., а в течение Первой Мировой войны, эту высокую награду получили 29 осетин.

Первым, 18 ноября 1914 года, удостоился этой высокой награды сотник 1-го Волгского полка Терского казачьего войска Константин Агоев. Награжден он был за атаку на перевале Ужок в Карпатах, когда лично захватил один пулемет.

Затем георгиевский орден получил: штабс-ротмистр 5-го драгунского Каргапольского полка Александр Гутиев, штабс-капитан 199-го пехотного Кронштадского полка Александр Бетанов, офицеры 21-й пехотной дивизии: подполковник 21-й артиллерийской бригады Заурбек Елоев и капитан 84-го пехотного Ширванского полка Федор Такоев.

3 ноября 1915 года орденом св. Георгия 4-й ст. был награжден молодой офицер прапорщик 246-го пехотного Бахчисарайского полка Владимир Дзантиев-Гучмазов. В этом же месяце, георгиевским кавалером стал полковник 47-го Сибирского стрелкового полка Касбулат Есиев, сын известного героя русско-турецкой войны подполковника Асламурзы Есиева.

В дальнейшем георгиевского ордена удостоились: капитан 9-го Сибирского стрелкового полка Николай Алдатов, подполковник 77-го пехотного Тенгинского полка Владимир Кониев, капитан 155-го пехотного Кубанского полка Александр Кониев, генерал-лейтенант Дмитрий Абадиев, полковник 17-го уланского Новомиргородского полка Сафрон Урумов, подполковник 84-го пехотного Ширванского полка Илья Джанаев, подполковник 18-го гусарского Нежинского полка Кургок Дударов, подполковник 81-го пехотного Апшеронского полка Камбулат Козырев, есаул 1-го Кизлярского полка Павел Кибиров и 14-го Сибирского стрелкового полка капитан

Георгий Кочисов и штабс-капитан Ахмет Тхостов, штабс-ротмистр Дагестанского конного полка Константин Абадиев, подъесаул 2-го Горско-Моздокского полка Гавриил Цугулиев, подполковник 8-го броневого автодивизиона Георгий Дзугаев, поручик 43-го пехотного Охотского полка Харитон Абаев, подполковник 117-й артиллерийской бригады Николай Дати́ев, генерал-майор Созрыко Хоранов, штабс-капитан 197-го пехотного Лесного полка Николай Атаев, штабс-капитан 3-го Кавказского стрелкового полка Хаджимурза Шанаев, прапорщик 204-го Ардагано-Михайловского полка Нестор Сикоев, капитан 418-го пехотного Александровского полка Владимир Короев.

Последним осетином-кавалером ордена св. Георгия 4-й степени стал подпрапорщик Осетинского конного полка Константин Сокаев. Всю войну он с отличием воевал в своем полку, стал полным кавалером солдатского Георгиевского креста, был произведен в подпрапорщики и 22 декабря 1917 года получил Георгиевский орден.

Из терских казаков, уроженцев Осетии, кавалеров ордена св. Георгия 4-й ст. можно назвать генерала Николая Баратова (ст. Сунженская), есаула Федора Орла (ст. Ардонская), капитана Николая Караулова (ст. Тарская), хорунжего Павла Кулеш (ст. Сунженской). Всего 30 терцев получили георгиевский орден.

За подвиги на фронтах Первой мировой войны 55 офицеров из числа осетин и 51 терский казак были награждены Георгиевским оружием.

Необходимо также отметить, что во Владикавказе как тыловом городе находились на излечении сотни солдат и офицеров русской армии. Кроме военного госпиталя их принимали многочисленные лазареты, открытые при различных лечебных заведениях. Многие из раненных скончались и были похоронены на кладбищах города. Увы, почти все могилы героев Первой Мировой ныне утрачены.

В ограде церкви Рождества Пресвятой Богородицы на Осетинской горке г. Владикавказа сохранился скромный памятник с надписью: «Здесь покоится прах поручика Григория Петровича

Хасиева павшего смертью храбрых 25 сентября 1917 года на турецком фронте».

Другой памятник в Хумалаге. Он тоже был установлен в ограде церкви. В советское время храм был разрушен, а памятник не тронули, ныне он оказался на заднем дворе частного дома. На памятнике подробная надпись, рассказывающая о судьбе героя: «Капитан Николай Быдзыгоевич Алдатов. Осетин сел. Хумалаг Терской области. Участвовал в русско-японской войне, был награжден боевыми орденами св. Анны 4-й ст., св. Станислава 3-й ст., св. Анны 3-й ст. с мечами. В войну с Германией награжден орденами св. Станислава 2-й ст., св. Анны 2-й ст. с мечами, св. Владимира 4-й ст. с мечами, чином капитана и наконец, офицерским Георгием 4-й ст. Умер геройской смертью 24 августа 1915 года, при м. Барановичи, оставив среди товарищей своих 3-го Сибирского стрелкового полка светлую память о себе. Мир праху твоему, дорогой наш сын».

Еще один памятник нашелся в Дигоре на сельском кладбище. «Здесь покоится прах павшего с честью в бою с австро-германцами у Краснограда Холмской губернии ротмистра Даниила Казбулатовича Туккаева. Род. 16 марта 1879 г. — ум. 16 июня 1915 г. Мир праху твоему дорогой незабвенный Даниил. Славная смерть оборвала твою труженическую жизнь и вместе унесла твою нудную любовь и страдания, но с горечью и со слезами мы любим и ласкаем тебя, а смерть твоя светлой памятью витает среди нас и многих. Да будет тебе легка земля. Твои братья и сестры».

Думается эти памятники не единственные в Осетии, и где-то на сельских и станичных кладбищах могут отыскаться и другие.

В Осетии есть и другие памятники участникам Первой мировой войны, но не погибшим и поставлены они в наши дни усилиями родственников. Это памятники генералам Афако Фидарову, Созрыко Хоранову, Асламбеку Тебиеву, полному георгиевскому кавалеру Иналдыко Джикаеву.

В данной статье в основном речь идет об офицерах, а ведь еще были рядовые защитники Отечества, которые совершили массу подвигов на полях сражений. Сотни стали георгиевскими кавалерами. Все они достойны памяти и уважения. На их при-

мере мы должны воспитывать молодое поколение, чтобы наши потомки продолжали и умножали славу предков.

Примечания

1. Керсновский А. А. История Русской армии, М., 1994, Т. 3.
2. Керсновский А. А. История Русской армии. Т. 4.
3. ЦГА РСО-А. Ф.57. Оп.10. Д.265.
4. Авиаторы — кавалеры ордена Св. Георгия и Георгиевского оружия периода Первой мировой войны: Биографический справочник. М., 2006.
5. Джамбулат Кануков — первый летчик-осетин // <http://osetia.kvaisa.ru/1-rubriki/10-istoriya-i-sovremennost/dzhambulat-kanukov-%E2%80%93-pervyj-letchik-osetin/>
6. Осетинский конный полк// <http://osradio.ru/istoija/26301-osetinskijj-konnyjj-polok.html>
7. Терские ведомости. 1917. 26 июля 1917. № 70.
8. НА СОИГСИ. Ф.1. Оп.1. Д. 282.

ОСЕТИНЫ КАБАРДИНСКОГО КОННОГО ПОЛКА

На рубеже XIX-XX вв. российская конница лидировала в мире по числу всадников и по боевым качествам. В 1914 г. с началом Первой мировой войны решено было создать Кавказскую кавалерийскую или конную туземную дивизию, более известную как «Дикая дивизия», которая состояла из шести четырехсотенных полков: Ингушского, Чеченского, Татарского, Черкесского, Кабардинского и 2-го Дагестанского. Дивизия была сформирована на основании высочайшего указа 23 августа 1914 года на территории Северного Кавказа и укомплектована добровольцами-горцами. Во главе дивизии стоял брат императора, генерал-лейтенант Свиты Его Величества великий князь Михаил Александрович [8].

По сообщению газеты «Терские ведомости» в феврале 1916 г., всадники поражают всякого, первый раз сталкивающегося с ними. «Их своеобразные взгляды на войну, их легендарная храбрость, доходящая до чисто легендарных пределов, и весь колорит этой своеобразной воинской части, состоящей из представителей всех народов Кавказа, не могут быть никогда забыты»[2].

Около 3500 всадников были удостоены Георгиевских крестов и Георгиевских медалей «За храбрость». В истории «Дикой дивизии» нет ни единого случая даже единоличного дезертирства [3,11].

Состав Кабардинского конного полка был также интернациональным. В нем состояли кабардинцы, балкарцы, русские, украинцы, белорусы, осетины, поляки, татары, армяне и грузины. Осетин в этом полку представляли:

Кубатиев Дохчи́ко Мисостович (род. в 1886 г.), полковник, окончил Академию Генерального штаба — высшее военное учебное заведение в Российской империи.

В чине штабс-капитана Д. М. Кубатиев-Лазарев служил в 51-й артиллерийской бригаде 16-го Драгунского Тверского полка Кавказского Военного округа [4,35].

В чине подпоручика, а с 1910 г. — поручика, служил в 6-м Восточно-Сибирском Горном Артиллерийском Дивизионе, штабе графа Муравьева-Амурского (ст. Иман) [5,25].

Участник Первой мировой войны. В составе 20-го пехотного Ардагано-Михайловского полка с августа 1914 г. участвовал в боевых действиях на Северо-Восточном фронте на территории Польши и Восточной Пруссии. За храбрость в боях получил ордена: Св. Анны III ст. с мечами и бантом (16 мая 1915 г.); Св. Станислава III ст. с мечами и бантом (16 ноября 1915 г.); Св. Станислава II ст. с мечами (4 декабря 1916 г.); Св. Анны II ст. с мечами (5 января 1917 г.) [6,19], Св. Владимира IV ст. с мечами и бантом (1 июля 1916 г.)» [7,19].

Приказом № 285 по Кавказской туземной конной дивизии от 6 октября 1916 г. Кабардинского конного полка штабс-ротмистр Кубатиев за отличия в делах против неприятеля награжден орденом Св. Анны IV ст. с надписью «За храбрость» [7,9].

В середине мая 1915 г. штабс-ротмистр Д. Кубатиев был ранен, лечился во Владикавказском госпитале. В это время решился вопрос о его переводе из артиллерийской бригады в Кабардинский конный полк. 11 июля 1915 г. комендант г. Владикавказ направил свое предписание штабс-ротмистру Кабардинского конного полка Кубатиеву, уведомляя его: «Согласно свидетельству комиссии врачей о Вашем выздоровлении, с получением сего предписываю Вам выехать в г. Киев в расположение этапного коменданта для направления вас по месту службы». 20 июля штабс-ротмистр Д. Кубатиев прибыл в Кабардинский конный полк и стал офицером 2-й сотни, возглавляемой его земляком Асланбеком Кубадиевичем Тугановым, а после его ранения он возглавил 2-ю сотню этого полка [9,227-228].

Штабс-ротмистр Д. Кубатиев значится в списке по Кабардинскому конному полку за 14 октября 1916 г. получивших «право поступления на курсы Академии Генерального штаба,

т.е. окончивших полный курс военных училищ и пробывших не менее 2-х лет в строю офицеров» [7,23].

Приказом В. В. № 681 за 1916 г. штабс-ротмистр Кабардинского конного полка Кубатиев произведен в чин ротмистра [8,70]. В списках по старшинству генералов, штаб- и обер-офицеров значится ротмистр Кабардинского конного полка Кубатиев Дохчиго.

Приказом Кавказского туземного конного корпуса от 6 октября 1917 г. за № 11 утверждается постановление Георгиевской думы Татарского конного полка от 22 августа 1917 г. о награждении солдатским Георгиевским крестом IVст. ротмистра Кабардинского конного полка Д. Кубатиева за то, что «28 июля во время боя под г. Калушем находился на наблюдательном пункте на колокольне костела в самом городе, который обстреливался ураганным огнем тяжелой артиллерии. Огонь был настолько силен, что сам костел был им разрушен до основания и весь город пылал. Но ротмистр Кубатиев, презирая личную опасность и сознавая важность наблюдения за противником, все время не покидал наблюдательный пункт и сообщал о всех передвижениях противника, чем сильно способствовал нашему успеху в деле отстаивания г. Калуша. Командир корпуса генерал-лейтенант Половцев» [7,11-12].

Будучи прикомандированным к штабу дивизии, он себя геройски проявил и у деревни Новица. О его доблести рассказал командир Кабардинского полка полковник Абелов в записке, направленной им начальнику дивизионного штаба Владимиру Николаевичу Гатовскому: «Вверенного Вам штаба дивизии старший адъютант ротмистр Кубатиев 4-го июля во время боя у Новицы и Угринова-Старый в роли начальника штаба отряда генерала князя Гагарина выказал исключительное хладнокровие и распорядительность под непрерывным и продолжительным артиллерийским и ружейным огнем. Абсолютно игнорируя личную опасность, ротмистр Кубатиев неоднократно являлся к цепям Кабардинского полка, ориентировал и освещал о создавшейся обстановке.

Он же, ротмистр Кубатиев, проявил высокую доблесть, ког-

да роты Асландузского полка в беспорядке отходили со своих позиций. Ротмистр Кубатиев под сильным артиллерийским огнем противника приводил в порядок расстроенные части пехоты и, организовав несколько взводов пехоты, повел их обратно на брошенные свои позиции.

Будучи свидетелем этой исключительно самоотверженной работы ротмистра Кубатиева, считаю своим долгом поставить Вас об этом в известность» [3,410; 9,607].

После революции Д. Кубатиев был приговорен к расстрелу. Однако приговор был отменен, он и его семья были сосланы в Таджикистан. Оттуда, из г. Душанбе, с началом Великой Отечественной войны, полковник Русской Императорской армии Д. Кубатиев добровольно ушел на фронт.

Кубатиев Хаджи-Мурат Бесланович, участник Первой мировой войны. Приказом по армии Юго-Западного фронта 3-го июня 1916 г. за № 621 урядник Кабардинского конного полка за отличие в боях награжден званием юнкера милиции.

В 1935 г. был выслан из республики в Среднюю Азию [10,4-об]. Участвовал в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг., погиб на фронте.

Туганов Аслан-Бек Кубадиевич (род.в1869 г.), подполковник [11,1], окончил Ставропольскую классическую мужскую гимназию, служил во Владикавказе при окружном правлении. Участник Первой мировой войны.

В конце сентября 1914 г. штабс-ротмистр Асланбек Туганов, происходящий «из осетинских дворян Терской области», был назначен командиром 1-й сотни Кабардинского конного полка. За боевые отличия «в делах против неприятеля» в Карпатах в декабре 1914 г. штабс-ротмистр А. Туганов получил орден Св. Владимира IV ст. с мечами и бантом [9,607]. Старшинство в чине получил с 15 января 1915 г.

В телеграмме от 17 февраля 1915 г. князю Орбелиани от полковника Юзefовича говорится о тяжелом ранении — сквозной ране груди — штабс-ротмистра Асланбека Туганова [12,29]. Он был эвакуирован в г. Пятигорск [12,100].

Приказом по IX Армии за № 429 от 26 августа 1915 г. награжден орденом Св. Станислава III ст. с мечами и бантом. В должности с 3 сентября 1914 г.

Приказом № 2002 от 30 сентября 1915 г. в Штаб Кавказской Туземной конной дивизии сообщено о высочайше пожалованном Кабардинского конного полка штабс-ротмистру Туганову ордена Св. Анны III ст. с мечами и бантом [12,45]. Приказом по КТКД за № 158 от 6 мая 1916 г., приказом войскам IX Армии за № 168 от 21 апреля того же года, командующим Армией по Высочайше предоставленной власти за отличия, оказанные в боях против неприятеля за период с 1 июня по 31 декабря 1915 г. штабс-ротмистр Кабардинского конного полка Асланбек Туганов был награжден орденом Св. Станислава II ст. с мечами (для нехристиан установленным) [13,26 об.].

Приказом от 6 августа 1916 г. за № 365 командующий Армией по высочайше предоставленной ему власти за отличие в делах против неприятеля представил ротмистра Асланбека Туганова к награде орденом Св. Анны IV ст. с надписью «За храбрость» [12,118].

Его имя значится в приказе от 30 октября 1917 г. «командующего 1-й Кавказской туземной конной дивизией» генерал-майора принца Фазула-Мирзы Каджара, о чем сообщил 17 ноября в слободе Нальчик командир Кабардинского полка полковник Абелов: «Объявляю список офицеров вверенного мне полка, награжденных королем Румынии орденами: Подполковник Аслан-Бек Туганов — орден Короны Румынии с мечами степени офицера № 1518. Ротмистр Георгий Махатадзе — тоже, № 1519. Корнет Али Инароков — орден Короны Румынии с мечами степени кавалера № 1525. Подпоручик Абдул Шипшев — тоже, № 1526» [3,410]. Названные в приказе офицеры, состоявшие по кавалерии, были награждены королем Румынии Фердинандом за мужество в боях в декабре 1916 г. на Румынском фронте.

4 декабря 1918 г. при разгроме с. Карагач подполковник Аслан-Бек Туганов отрядом керменистов был арестован и с группой офицеров-осетин «препровожден с издевательства-

ми под усиленным конвоем в г. Владикавказ в распоряжение Советской власти» [11,1].

Туганов Сафар Елканович (ум. в 1952 г.), прапорщик милиции, участник Первой мировой войны.

В 1915 г. младший урядник Кабардинского конного полка С. Е. Туганов был награжден Георгиевским крестом IV ст. [12,57].

29 мая 1916 г. принимал участие в лихой атаке у деревень Лужаны, Шепенице и Альтмаешти, которую командующий Кавказской конной дивизией генерал Багратион назвал «блестящей страницей истории Кабардинского полка». В этом бою прапорщик 2-й сотни Кабардинского конного полка С. Туганов был ранен [9,535].

Награжден орденом Св. Владимира IV ст. с мечами и бантом (1 июля 1916 г.) № 4000.

Приказом по Кавказской Туземной конной дивизии за № 296 от 21 октября 1916 г. за отличия в делах против неприятеля прапорщик С. Туганов награжден орденом Св. Анны IV ст. [12,118].

К ордену Св. Станислава III ст. с мечами и бантом представлен по норме с 1 июля по 31 декабря 1915 г. [14,3,5].

Кантемиров Мурат Урусбиевич (1891-1941), корнет. Участник Первой мировой войны, служил в Кабардинском конном полку. Вместе с младшим урядником князем Иваном Церетели «в бою 24 мая 1916 г. у деревни Окно под сильным артиллерийским и ружейным огнем вынесли тяжело раненного помощника командира полка подполковника Бертрена», за что награждены Георгиевскими крестами IV ст. [9,533].

4 декабря 1918 г. при разгроме с. Карагач был арестован отрядом керменистов и «препровожден с издевательствами под усиленным конвоем в г. Владикавказ в распоряжение Советской власти» [11,1].

Татаров Каирбек, уроженец с.Ногкау. Участник Первой мировой войны, всадник-доброволец Кабардинского конного полка. За мужество, проявленное на поле боя, награжден Георгиевской медалью с надписью «За храбрость» IV ст. К. Татаров

вместе с боевыми товарищами «17 декабря 1914 года у дер. Ветлино, вызвавшись охотниками, проникли в дер. Ветлино, занятую противником, где сожгли мост, чем помешали противнику своевременно перестроить свои силы» [9,482].

Черджиев Иналук Габиевич, прапорщик, житель слободы Нальчик, владелец фотосалона. Участник Первой мировой войны, всадник-доброволец Кабардинского конного полка. Награжден Георгиевским крестом IV ст. и медалью с надписью «За храбрость» IV ст. [9,654].

Кодзаев Константин Крым-Султанович (род. в 1892 г.), корнет, житель с. Гизель Владикавказского округа Терской области. В августе 1913 г. окончил Тифлисское военное училище и выпущен подпоручиком в 83-й пехотный Самурский полк. В его составе К. Кодзаев летом и осенью 1914 г. участвовал в боях на Северо-Западном фронте и был награжден орденом Св. Станислава III ст. с мечами и бантом. 1 декабря переведен в запасную сотню Кабардинского полка. Прибыл с запасной сотней в Кабардинский конный полк и зачислен во 2-ю сотню 6 марта 1915 г. [13,113].

Галачиев Беслан Жанхотович (род. в 1879 г.), уроженец с. Кайсын-Анзорово. Участник Первой мировой войны, служил в Кабардинском конном полку. Будучи разведчиком, с явною личною опасностью добыл и доставил важные о противнике сведения. Награжден Георгиевским крестом IV ст. [9,482].

Бетрозов Иналуко Дзагоевич (род. в 1893 г.), уроженец с. Хату-Анзорова, участник Первой мировой войны, служил в Кабардинском конном полку. После боя у деревни Ветлино командир 2-го кавалерийского корпуса генерал Гуссейн Хан Нахичесванский в своих приказах объявил имена всадников и юнкеров Кабардинского конного полка, удостоенных Георгиевских крестов и Георгиевских медалей «За храбрость», в числе которых значился и И. Бетрозов. Он был награжден Георгиевским крестом IV ст. за то, что «при штыковой схватке личным мужеством и храбростью содействовал успеху атаки» [9,481-482].

Бетрозов Азамат Дзарахович (род. в 1889 г.), уроженец с. Хату-Анзорова, участник Первой мировой войны, служил в Кабардинском конном полку. Командир 2-го кавалерийского конного корпуса награжден Георгиевскими медалями «За храбрость» отличившихся в февральских боях 1915 г., в числе которых значился и младший урядник А. Бетрозов. «В бою 14 февраля 1915 г. у деревни Подгорки проявили выдающуюся храбрость и мужество, одобряя и увлекая за собой товарищей и подчиненных, чем содействовали успеху боя». Награжден также Георгиевским крестом IV ст. [9,491,632].

Бетрозов Алибек Асламбекович (род. в 1894 г.), уроженец с. Хату-Анзорова, участник Первой мировой войны, служил в Кабардинском конном полку. Приказом от 11 июля 1916 г. нижние чины Кабардинского конного полка награждались Георгиевскими крестами «за мужество и храбрость, оказанные в делах против неприятеля в течение майских и июньских боев 1916 года». Приказный Бетрозов Алибек был награжден Георгиевским крестом IV ст. № 679198 [3,271].

Младший урядник А. Бетрозов, чье подразделение сражалось на Румынском фронте, «в бою 14 декабря 1916 г. под сильным оружейным огнем восстановил связь с румынским полком», за что был представлен к медали «За храбрость» III ст. [9,547,632].

Мзоков Тембулат Татарханович (род. в 1893 г.), уроженец с. Астемирово, участник Первой мировой войны, всадник 4-й сотни Кабардинского конного полка. В январе 1915 г. был ранен, и по приказанию Верховного Главнокомандующего отправлен в Киевский госпиталь их Императорских Высочеств великих княгинь Анастасии Николаевны и Милицы Николаевны. Награжден медалью «За храбрость» IV ст. [9,485,646].

Гульдиев Николай, подхорунжий, уроженец станицы Новоосетинская, участник Первой мировой войны, служил в Кабардинском конном полку. Вместе с боевыми товарищами «в бою 17 февраля 1915 г. у деревни Майдан, будучи окружены противником и несмотря на явную личную опасность, про-

бились и присоединились к своей части, причем первые три были ранены», за что был награжден Георгиевским крестом [9,489].

Мистулов Гено Асланбекович (род. в 1891 г.), корнет, уроженец станицы Чернойарской Моздокского отдела. Участник Первой мировой войны, всадник-доброволец Кабардинского конного полка. Младший урядник Г. Мистулов приказом по 2-му кавалерийскому корпусу № 109 от 21 октября 1915 г. награжден Георгиевским крестом IV ст. «за боевые отличия против неприятеля — в бою 10 сентября 1915 г. за лихую конную атаку». (Г. Мистулов один из 37 осетин, получивших эту награду) [15,161]. В октябре 1915 г. поступил в Одесскую школу прапорщиков. По окончании учебы служил в Текинском конном полку. С 1920 г. в эмиграции. Умер 10 июля 1936 г. в Белграде [9,646].

Мистулов Хаджи-Омар Асланбекович (род. 21 февраля 1883 г.), штабс-ротмистр. Участник Первой мировой войны, командир сотни Кабардинского конного полка.

29 мая 1916 г. принимал участие в лихой атаке у деревень Лужаны, Шепенице и Альтмаешти, которую командующий Кавказской конной дивизией генерал Багратион назвал «блестящей страницей истории Кабардинского полка». был ранен в 1917 г. на Румынском фронте [9,535,554].

Козырев Хачасса, подхорунжий, уроженец Владикавказского округа. Участник Первой мировой войны, служил в Кабардинском конном полку. Награжден Георгиевским крестом II ст. за то, что с мл. урядником Темирканом Хурзановым «24 июля 1915 г., будучи в секрете, обнаружили наступление противника на участке 2-й сотни, своевременно доложили об этом и под сильным огнем противника продолжали наблюдать до подхода резервов» [9,512].

Цалиев Кубати Даукуевич (род. в 1879 г.), уроженец с. Коголкино. Участник Первой мировой войны. Значится в списке всадников и офицеров Кабардинской сотни и Кабардинского

полка, удостоенных боевых наград в войнах: русско-японской 1904-1905 гг. и Первой мировой 1914-1918 гг. Награжден Георгиевским крестом IV ст., медалью «За храбрость» IV ст., Румынской медалью «Барбатия си Кредица» с мечами II класса [9,654].

Цалиев Тебо Аслангериевич, уроженец с. Коголкино. Участник Первой мировой войны. Значится в списке всадников и офицеров Кабардинской сотни и Кабардинского полка, удостоенных боевых наград в войнах: русско-японской 1904-1905 гг. и Первой мировой 1914-1918 гг. Награжден Георгиевским крестом IV ст. [9,654].

Царикаев Батырбек К. (род.в 1888 г.), уроженец с. Кайсын-Анзорова. Участник Первой мировой войны. Значится в списке всадников и офицеров Кабардинской сотни и Кабардинского полка, удостоенных боевых наград в войнах: русско-японской 1904-1905 гг. и Первой мировой 1914-1918 гг. Награжден медалью «За храбрость» IV ст. [9,654].

Тайсаев Мухажид Асламурзаевич (род. в 1893 г.), уроженец с. Хату-Анзорова. Участник Первой мировой войны. Значится в списке всадников и офицеров Кабардинской сотни и Кабардинского полка, удостоенных боевых наград в войнах: русско-японской 1904-1905 гг. и Первой мировой 1914-1918 гг. Награжден Георгиевским крестом IV ст. [9,649].

Соев Даниил. Участник Первой мировой войны, служил в Кабардинском конном полку. В «Списке офицеров Кавказской туземной конной дивизии, представленных к награждению за боевые отличия», подписанный великим князем Михаилом Александровичем и начальником штаба полковником Юзефовичем, значится поручик Даниил Соев, представленный к ордену Св. Анны III ст. с мечами и бантом [3,138].

С Осетией связано имя еще одного героя Первой мировой войны, балкарского таубия **Исмаила Келеметова** (род.в 1886 г.). Он был единственным сыном осетинки Фердауз Исламовны Каражаевой и участника русско-турецкой войны 1877-1878 гг., Хан-Гирея Келеметова.

Исмаил окончил Горскую школу в г. Нальчике. В августе 1914 г. он стал всадником Кабардинского Конного полка, в составе которого ушел на фронт Первой мировой войны. 2 июля 1915 г. в бою у деревни Шупарки, в Приднестровье, командир взвода 4-й сотни прапорщик И. Х. Келеметов погиб. Ему было 29 лет. Командованием Кабардинского конного полка, и полковым муллой Алиханом Шогеновым тело убитого И. Келеметова было отправлено для погребения на родину в сопровождении офицера и двух всадников.

В письме к матери И. Келеметова — Фердауз, исполнявший обязанности командующего Кабардинского полка подполковник Г. А. Бертрэн писал: «Госпоже Келеметовой. Сын Ваш, прапорщик вверенного мне полка, Исмаил Келеметов, находясь в рядах 4-й сотни, в бою у деревни Шупарки 2 июля сего года пал смертью храбрых, сраженный дерзким врагом. Память о дорогом товарище прапорщике Келеметове никогда не умрет в полковой семье. Честь Вам за то, что Вы сумели воспитать горячо преданного царю и Родине сына». Потеряв единственного сына и оставшись совсем одинокой, Фердауз Исламовна решает покинуть Балкарию и вернуться в Осетию. Прапорщик Русской Императорской армии балкарский таубий И. Х. Келеметов был похоронен на осетинской земле в с. Каражаево (ныне с. Хазнидон). По приказу временно командующего полком полковника Бековича-Черкасского, награды погибшего офицера — Георгиевский крест III ст., орден Св. Анны IV ст. с надписью «За храбрость» и темляк были вручены матери Ф. И. Каражаевой [3, 164-165].

Во время гражданской войны на Кавказе Кабардинский конный полк вошел в состав Добровольческой армии, в пользу которой в июле 1919 г. в Нальчике состоялась благотворительная лотерея. Среди лиц, участвовавших в ней, значатся две осетинки: Фаризат Лафишева и Фуза Анзорова.

Супруга всадника Кабардинского полка и Кабардинской конной дивизии Георгиевского кавалера Ахмеда Лафишева, пожертвовавшая серебряную солонку и две серебряные рюмки, Фаризат Лафишева, была дочерью майора Мисоста

Мимболатовича Кубатиева, участника русско-турецкой войны 1877-1878 гг.

«Генеральша Фуза Анзорова» — жена генерал-майора Мудара Анзорова, (пожертвовавшая Московский ковер), также происходила из рода дигорских баделят и была дочерью Бекира Муссаевича Зурапова. С 1920 г. в эмиграции [9,609-610].

Примечания

1. *Брешко-Брешковский Н. Н.* Дикая дивизия. Рига, 1920.
2. Терские ведомости, февраль, 1916 г.
3. *Опрышко О. Л.* Кавказская конная дивизия. 1914-1917. Возвращение из забвения... Нальчик, 1999.
4. НА СОИГСИ. Ф.1. Оп.1. Д.282. Тетр.25.
5. НА СОИГСИ. Ф.1. Оп.1. Д.276. Тетр.12.
6. РГВИА. Ф.407. Оп.1. Д.2254.
7. НА СОИГСИ. Ф.1. Оп.1. Д.282. Тетр.30 «а».
8. НА СОИГСИ. Ф.1. Оп.1. Д.277. Тетр.31.
9. *Опрышко О. Л.* По тропам истории. Нальчик, 2007.
10. НА СОИГСИ. Ф.1. Оп.1. Д.282. Тетр.20.
11. ЦГА РСО-А. Ф.8 р. Оп.1. Д.20.
12. НА СОИГСИ. Ф.1. Оп.1. Д.277. Тетр.21.
13. НА СОИГСИ. Ф.1. Оп.1. Д.276. Тетр.24.
14. НА СОИГСИ. Ф.1. Оп.1. Д.277. Тетр.29.
15. *Марзоев И. Т.* Привилегированные сословия на Кавказе в XVIII — начале XX веков. Владикавказ, 2011.

ОСЕТИНЫ-КАЗАКИ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Первая мировая война — это масштабное событие XX века, которое не только изменило геополитическую карту мира, но и оказало глубокое воздействие на духовное состояние мирового сообщества. Особое место Первая мировая война заняла в истории и самосознании кавказского социума.

Некоторые исследователи считают, что Первая мировая война это «забытая война». Насколько это правильно, можно спорить, во всяком случае, исследовательская деятельность в данной сложнейшей сфере длительное время не была сильной стороной отечественной историографии, не носила систематический характер. Начало XX века характеризуется обострением отношений между странами Европы, а также усилением борьбы между ними за сферы влияния. К тому времени сложилось два противостоящих за власть в Европе блока держав: Тройственный союз, в который вошли Италия, Австро-Венгрия и Германия, а также Русско-французский союз. В 1914 году было заключено соглашение Англии с Францией, а также начинается русско-английское сближение. Складывается Антанта. Основные причины, которые привели к началу войны, заключались, в соперничестве Англии и Германии за лидерство, борьбе между Францией и Германией за территорию Эльзас-Лотарингии и соперничество Австро-Венгрии, Германии и России на Балканах. Поводом к военным действиям стало убийство 15 июня 1914 г. наследника престола Австрии Франца-Фердинанда, которое совершил член группы «Молодая Босния» серб по национальности Гаврила Принцип. Австро-Венгрия в итоге объявила войну Сербии, обвинив ее в убийстве эрцгерцога. В России царем на следующий же день была объявлена всеобщая мобилизация. Правительство Германии потребовало от Николая II прекратить ее. А 19 июля 1914 г. Германия объявляет России войну, так как ее требования не были выполнены. Государственная Дума боль-

шинством поддержала участие России в войне. Мобилизация прошла без каких-либо проблем. Многие офицеры даже шли на фронт простыми рядовыми солдатами, так как попросту не хватало офицерских должностей. Для помощи больным и раненым в войне был создан Всероссийский земской союз. С самого начала войны было образовано два фронта: Западный, в который входили Франция и Англия, противостоящие Германии, и Восточный, представленный Россией, противостоящей Австро-Венгрии и Германии. Действия Германии были направлены против Франции с целью ее разгрома, а затем планировалось нанесение сильнейшего удара по России, и ее разгром. Французское командование рассчитывало на взаимодействие с Россией и ее активную поддержку. Русское командование свое участие в Первой мировой войне сводило к разгрому Австро-Венгрии [1].

Миллионы российских солдат и офицеров в течение нескольких лет отдавали жизни «за веру, царя и Отечество», сделав все от них зависящее, чтобы одержать победу. О той эпохе мы знаем предельно мало, удовлетворившись выводами советских историков, которые не ставили задачу отдать дань российским героям. В действительности, из нашей памяти исчезли многие знаменательные битвы, а память о героях (не менее славных, нежели Багратион или Неверовский) предана забвению. Так, немногие сейчас вспомнят Гумбинненскую победу (7/20 августа 1914 г.). Уступая противнику, измотанная наступлением, упустив инициативу, 1-я русская армия выиграла это сражение только благодаря выдержке русских офицеров и героизму наших солдат по всему фронту. Искусные действия генералов К. М. Адариди, П. И. Булгакова, полковников В. А. Черемисова, А. М. Ильясевича и Г. М. Тихменева позволили остановить напор врага и заставить его отступить. В 1930 году У. Черчилль заявил: «Очень мало людей слышали о Гумбиннене и почти никто не оценил ту замечательную роль, которую сыграла эта победа. Русская контратака 3 корпуса, тяжелые потери Маккензена вызвали в 8-й немецкой армии панику; она покинула поле сражения, оставив на нем своих убитых и раненых; она признала факт, что была подавлена мощью России».

Эта победа в совокупности с другими успехами в Восточной Пруссии заставила германцев перекинуть с западного фронта два корпуса, что ослабило давление на союзников и внесло лепту в их победу под Марной (сентябрь 1914 года), положившей конец германскому блицкригу. После этого противник был обречен на затяжную войну и почти неминуемое поражение. Не меньше героизма показали русские части, отступавшие из Восточной Пруссии в феврале 1915 года. В Августовских лесах 20-й и 26-й корпуса грозили попасть в окружение. Немцы уже готовились замкнуть кольцо, однако 3 (16) февраля русские солдаты (численностью до полка) под командованием полковника В. Е. Белопипецкого у д. Махарце атаковали позиции свежей германской дивизии. Немецкий полковник, видевший эту атаку, спросил: «Это наступает русская гвардия?» и оказался поражен, узнав, что это всего лишь усталые пехотные части, измученные многочисленными боями в тяжелейших природных условиях. В результате были взяты орудия, 1000 пленных, и — главное — сорваны планы окружения, что позволило 26-му корпусу успешно отойти. Части же 20-го корпуса продолжали сражаться до последнего, из-за ошибок командования они погибли, однако спасли целую армию от разгрома, а русский фронт — от угрозы развала. Все мы из истории Великой Отечественной помним оборону Брестской крепости и славим мужество ее защитников, но в годы Первой мировой не менее героической стала многомесячная оборона маленькой крепости Осовец. Германцы, бравшие самые современные крепости за неделю, были абсолютно уверены в легкой победе и даже отправили коменданту генералу Бжозовскому предложение капитулировать за крупную сумму. Естественно, ответом стал отказ, а итогом — героическая оборона, которая прекратилась только ввиду общей обстановки на фронте. Во время этих боев 19 августа 1915 года немцы предприняли мощнейшую газовую атаку, а на зачистку пустили 14 батальонов ландвера. Наши защитники не имели противогазов, три роты погибли целиком, от других четырех остались в живых около 100 человек. Однако полуживые, отплеывая куски легких на гимнастерку, они

перешли в контратаку, которая вошла в историю как **«атака мертвецов»**. При поддержке крепостной артиллерии и других частей, они остановили продвижение шокированного противника [2].

Войны России с иностранными государствами в конце XIX — начале XX вв., особенно Первая мировая война 1914-1918 гг., определили на десятки лет вперед и доминанты в развитии международных отношений. Великая война (первая мировая), о которой поначалу не принято было говорить «первая», ибо сознание людей не допускало повторения этой трагедии,

О той эпохе мы знаем предельно мало, выводы советских историков, которые не ставили задачу отдать дань российским героям, а больше изучали хронологию событий, в действительности, привело к тому, что из нашей памяти исчезли многие доблестные имена — были преданы забвению. Преданны забвению и многие осетины, участвовавшие в этой войне, считавшие за честь постоять за Родину. Сегодня в книгу истории нашего государства возвращаются имена незаслуженно забытых героев, и это прекрасно, потому, что историческая правда нужна не только и, может быть не столько нам, сколько последующим поколениям. Вот почему в летописи героических подвигов сынов Отечества почетное место должно быть отведено и доблестным сынам Осетии, сформировавшим золотой фонд осетинской военной интеллигенции.

История Первой мировой войны не знает случая, когда бы воины-осетины проявляли малодушие или трусость, стали бы предателями или дезертирами. В каждом осетине-воине была твердая убежденность в том, что, когда Отечество в опасности, никто не имеет права отказываться служить и поэтому, не дожидаясь призыва и мобилизации, они уходили на фронт добровольцами, сражаясь до последнего вздоха. Эту духовную драгоценную традицию бескорыстия и благородства они унаследовали от далеких предков-воинов, и передавали ее из поколения в поколение. Цвет осетинского офицерского корпуса пал на этой войне. Отмеченные самыми высокими наградами при жизни и посмертно мы назовем некоторые из них:

К началу Первой мировой войны на службе находилось около 400 генералов и офицеров-терцев. Из них осетином был примерно каждый четвертый.

В первую очередь это: начальник 2-й Кавказской казачьей дивизии генерал-лейтенант Дмитрий Абадиев; командующий 1-й Туркестанской казачьей дивизии генерал-майор Афако Фидаров, состоящий при войсках Кавказского военного округа генерал-майор Иосиф (Созырыко) Хоранов; полковник Василий Хетагуров, ротмистр Кирилл Кудзаев, подъесаулы Михаил Газданов (состоял в комплекте полков ТКВ), Николай Бигаев (адъютант, затем командир Конвоя Главкомандующего войсками Кавказского военного округа), Михаил Хоранов (офицер 1-го Верхнедудинского полка Забайкальского казачьего войска).

Подробней бы хотелось рассказать о Созырыко Хоранове. Шел 1914 год. К этому времени генералу Хоранову, имевшему около 30 ранений, шел 72 год жизни. И не смотря на это, он подает рапорт о зачислении его в одно из боевых соединений кавалерии. На вопрос бывшего сослуживца, генерала Ирмана, почему он, Хоранов, в таком возрасте подвергает себя опасности, генерал ответил: «Я полагаю, Ваше Превосходительство, что солдат должен сражаться до последней возможности». Требовательный к себе, он строго выговаривал молодых бойцов за плохой уход за конем и оружием. Сам он и в пожилом возрасте стремительно, почти не касаясь стремени, вскакивал в седло. Его воинской закалке могли позавидовать молодые кавалеристы. Своей удалью он напоминал скифского царя Атея, который в 90 лет еще участвовал в сражениях. У предков осетин, скифов и сарматов, было позорным, если воин умирал от болезней — он должен был пасть бою. В одном из боев генерал Хоранов был ранен восемью шрапнельными пулями, однако и на этот раз смерть прошла мимо. После длительного лечения он возвращается в Осетию и поселяется в родном селе Ардон, где жил до 1935 года. Прославленный советский военачальник герой Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., маршал Советского Союза Василевский лично знавший генерала, писал о нем: «Хоранов был заслуженным генералом, показавшим себя

храбрым и талантливым полководцем на полях сражений при защите Отечества». Имя генерала Созырко Хоранова, вместе с полными кавалерами Георгиевского креста значится в Георгиевском зале Московского Кремля [3].

Нельзя не упомянуть и о Дмитрие Гукаеве. Это был в высшей степени порядочный человек, очень сердечный, державшийся с большим достоинством, главной отличительной чертой его была храбрость. В августе 1914 г. за быструю наводку мостов через реку Буг Гукаев получил благодарность начальника дивизии, а в сентябре был назначен начальником команды разведчиков. Весьма похожа с ним биография Алексея Дзахсорова — начальника военно-разведывательной команды 56 пехотной дивизии, был Георгиевского кавалера. Четырьмя Георгиевскими крестами был награжден и Иналук Дзытиева, чья гибель отозвалась болью не только в сердцах родных и соплеменников, но и императора. Сохранилась запись о том, что царь прислал « целый стол денег », серебряные монеты высыпали на стол, и они заняли всю поверхность стола. Их хватило семье на все поминки и даже на проведение скачек в память об умершем.

Георгиевскими кавалерами были: Богов Габола, Дила Дзасохов, Созырко Гуриев, Александр Елоев, Висарион Хадиков, Федор Дзабраев и др.

Как и в ходе Второй мировой (7 братьев Газдановых и т.д) в ходе Первой мировой войны из осетин принимали участие несколько представителей одной фамилии, например, офицеров Тускаевых только лишь в Первой мировой войне участвовало восемь человек. Также здесь можно назвать Сосиевых, Мистуловых, Сабеевых, Валаевых, Цугулиевых, Байтугановых, Гокинаевых и др. Во многих осетинских казачьих фамилиях почти все мужчины становились офицерами из поколения в поколение.

Многие осетинские фамилии дали России до 30 и более офицеров (например, Козыревы, Кануковы, Лотиевы, Гажеевы, Сеоевы, Тугановы, Абисаловы и др.). Совершенно уникальным явлением следует признать то, что влиятельные осетинские фамилии Дударовых, Кусовых, Цаликовых и другие дали рос-

сийской армии по 70 офицеров. В огромной России мало было таких случаев, особенно у нерусских народов. Объяснение этого уникального факта кроется, как мне кажется, прежде всего, в традициях осетинского народа и в чертах его национального характера. Что касается традиций, то мы имеем ввиду невероятное тяготение юношей-осетин во все времена к военному искусству. Любовь эта переходила от отцов к сыновьям, от дедов к внукам. Определяющую роль в выборе военной судьбы играло традиционное воспитание в семье, вкус к дисциплине. Сознательная любовь к дисциплине, производными достоинствами которой были, как правило, ответственность и высокое чувство долга [4].

К 1917 году офицерские погоны (с учетом погибших в 1914-1916 гг.) имели более 50 человек из станицы Ново-Осетинской и более 80 из станицы Черноярской. А всего **эти две станицы дали более 300 офицеров, из них около 30 полковников**. Свою лепту в ходе первой мировой войны внесли и конвойцы. В годы Первой мировой войны конвойцы с первого дня боевых действий просились на фронт, но лишь в 1916 году им разрешили участвовать в сражениях. С начала на фронте побывала 1-я лейб-гвардии Кубанская сотня, а затем наступил черед 4-й лейб-гвардии Терской сотни. Александр Кониев, Михаил Дзарагасов, Николай Сагутонов, Георгий Батыров, Магомед Кизинов, Дрис Зембатов, Сергей Джанаев, Александр Сикоев, Афако Дзгоев, Георгий Дзампаев, Гаврил и Леонид Дзахсоровы, Алексей Дзиов, Ганге Зангионов, Татаркан Бадзиев, Александр, Борис, и Георгий Дзугаевы, Абисаловы Ибрагим и Адылгирей, Александр, Павел, Козьма, Владимир и Константин Агоевы, Тасултан и Алихан Адырхаевы, Андрей Адцеев, Алексей, Гаврил, Василий, Матвей, Георгий Васильевич, Георгий Иванович, Георгий Степанович Цугулиевы и многие другие [3].

Невозможно, не протянув соединительных линий с конца XIX до начала XX века, разорвав их профессиональную и личную судьбу (поскольку, начиная свою жизнь в одно время, при одних обстоятельствах, эти люди заканчивали ее в других условиях и

совершенно в другой ситуации), определиться в оценке роли и значения осетинской военной интеллигенции, ее офицерского состава [3].

Мы привыкли гордиться нашим участием в Великой Отечественной войне (у нас больше всего героев и т. д.), но не менее заслуженные герои, участвовавшие в ходе Первой мировой войны, не столь известны или известны только узкому кругу исследователей, что является, на наш взгляд, пробелом, который мы попытались исправить.

Примечания

1. *Пахалюк К.* Герои Первой мировой // Журнал «Дилетант». 4 марта.

2. *Карелин В. А.* Проблема интегрирования русских военнопленных Первой мировой войны // Новая и новейшая история, 2010. №1.

3. *Лолаева А. В.* Особенности формирования осетинского казачества. Владикавказ: Изд-во СОГПИ, 2008.

4. *Гутиева М. А.* Формирование осетинской военной интеллигенции и ее участие в войнах России. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Нальчик, 1999.

*Л. К. Гостиева
(Владикавказ)*

СВЯЩЕННИКИ ОСЕТИИ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Одним из малоизученных вопросов остается участие военного духовенства Русской Православной Церкви в Первой мировой войне.

С началом войны ряды военного духовенства выросли в несколько раз. Если в 1913 году в полках служило 766 военных священников, то с началом боевых действий и многократным увеличением количества частей и соединений в русской армии число военных священников к концу 1915 года достигло двух тысяч, а к концу войны — свыше 5 тысяч.

В качестве военного священника в Первой мировой войне принимал участие протоиерей Стефан Борисович (Аха Боркоевич) Мамитов.

До своего назначения военным священником о. Мамитов служил настоятелем Николаевской церкви ст. Чернойарской и Михаило-Архангельской церкви ст. Луковской Пятигорского отдела Терской области.

В 1887 году он был назначен военным священником 1 Кубанского Пластунского батальона [1, 266], который входил в Казачьи части. Батальон дислоцировался в г. Артвин Кутаисской губернии.

В 1903 году о. С. Мамитов стал полковым священником 260-го Ардаганского резервного пехотного полка, дислоцированного в Батуме [2]. Полк входил в 65-ую пехотную дивизию. До 1905 года о. Стефан в военных кампаниях участия не принимал [1, 266]. 21 января 1909 года Ардаганский резервный пехотный полк и Михайловский крепостной батальон были соединены в 260-й Ардагано-Михайловский пехотный полк, который по краткому расписанию войск, объявленному в 1910 году, получил номер 204-й [3]. Полк входил в 51-ую пехотную дивизию.

Служение о. С. Мамитова проходило в полковой церкви святого праведного Иова Многострадального (полковой праздник — 6 мая). Полковые священники несли на себе основную тяжесть

работы в войсках. По армейскому чину полковой священник приравнивался к капитану и находился в двойном подчинении: по церковным делам подчинялся своему церковному начальству, по всем другим вопросам — военному начальству (командиру полка, бригады, дивизии, в которых служил). Обязанности военного священнослужителя определялись приказами военного министра и распоряжениями протопресвитера военного и морского духовенства, который по утверждённому 12 июня 1892 года. «Положению об управлении церквями и духовенством военного ведомства» был назван начальствующим лицом над военным духовенством. По рангу протопресвитер приравнивался к архиепископу, а по армейскому чину — к генерал-лейтенанту. При протопресвитере имелось духовное правление из трёх священников и двух мирян, утверждаемых Святейшим Синодом, и канцелярия. По делам церковного управления протопресвитер получал указания от Святейшего Синода, а по делам военного ведомства — от военного и морского министра.

В обязанности о. С. Мамитова как военного священнослужителя входило: совершать богослужения в воскресные и праздничные дни, готовить военнослужащих к исповеди и причастию, совершать таинства и церковные обряды, наставлять военнослужащих в истинах православной веры, вести беседы и чтения, исправлять нравственные недостатки военнослужащих, утешать больных в лазаретах, погребать усопших, преподавать солдатам Закон Божий. Естественно, он был обязан усердно внушать военнослужащим любовь к вере, государю и отечеству и утверждать повиновение властям.

Несколько лет о. С. Мамитов находился на ответственной должности благочинного сначала 65-й, а затем 51-й пехотных дивизий [4]. Дивизионный благочинный приравнивался к армейскому чину подполковника. Он наблюдал за состоянием дел в подведомственных ему церквях дивизии, следил за преподаванием Закона Божия в учебных командах. Полковые священники подчинялись благочинному, докладывали ему о проделанной работе. Тот, в свою очередь, докладывал протопресвитеру военного и морского духовенства. В годы первой мировой вой-

ны в систему управления были введены должности главных священников фронтов и армий. В эти годы протопресвитер военно-го и морского духовенства отец Георгий Шавельский находился непосредственно в Ставке, имел право личного присутствия на Военном совете и право личного доклада императору.

В 1914 году о. С. Мамитов отправился с 204-м Ардагано-Михайловским пехотным полком на германо-австрийский фронт. Во время боя место священника определялось на передовом перевязочном пункте. Полковой священник должен был помогать врачу в перевязывании ран, заведовать выносом с поля боя убитых и раненых, извещать родных о смерти воинов. По воспоминаниям Н. А. Гуловской-Хасиевой, ее прадед — о. С. Мамитов, отличался личной храбростью, он не раз сам выносил с поля боя раненых, а в одном из боев даже захватил оружие [5, 48].

21 мая 1915 года заслуги о. Стефана Мамитова были отмечены высокой наградой — Золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте из «Кабинета Его Величества» [6, 290]. Его фамилия отмечена в именных списках военных священнослужителей Русской Православной Церкви, награжденных золотыми наперсными крестами на Георгиевской ленте [7, 916]. В списках указан также 204-й пехотный Ардагано-Михайловский полк, в составе которого о. Стефан Мамитов совершил отличия.

Золотой наперсный крест на Георгиевской ленте был очень почетной наградой для лиц духовного звания, он жаловался императором, по согласованию со Святейшим Синодом и выдавался из «Кабинета Его Величества». До русско-японской войны он был относительно редкой наградой, им было награждено всего 111 человек. Золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте награждали священнослужителей, совершивших подвиги при непосредственной опасности для собственной жизни, и только за отличие, проявленное под огнем неприятеля. К сожалению, нам пока неизвестно, за какой конкретный подвиг о. С. Мамитов получил высокую награду. Протоиерей Х. Цомаев отмечал, что о. Стефан был награжден тремя боевыми наградами [8, 11об.].

6 мая 1915 года о. С. Мамитов был возведен в сан протоиерея [6, 290].

В 1916 году протоиерей Стефан Мамитов вышел в отставку по болезни [8, 11об.] и переехал в г. Владикавказ. Протоиерей С. Мамитов скончался 20 декабря 1918 года во Владикавказе и был погребен в ограде церкви Рождества Пресвятой Богородицы (Осетинской).

Первая мировая война резко изменила судьбу священника Моисея Коцоева, настоятеля владикавказского храма во имя великомученика и Победоносца Георгия на Тенгинской/Владимирской слободке. В 1915 году он был назначен в Осетинский конный полк военным священником [9, 12]. Полк был сформирован на базе Осетинского конного дивизиона. Первые Осетинский конный дивизион был сформирован во время русско-турецкой войны 1877-1878 годов и находился в составе Терско-Горского конного полка. Отличившийся своим героизмом и отвагой дивизион получил Георгиевское знамя. После окончания войны Осетинский конный дивизион был расформирован.

10 июня 1890 года Осетинский конный дивизион был сформирован вновь. К началу Первой мировой войны он входил в состав 3-й Кавказской казачьей дивизии. Дивизион возглавлял полковник Сафар-бей Мальсагов. Рядовыми (всадниками) были осетины, а среди офицеров были представители разных национальностей. С началом войны Осетинский конный дивизион сразу же отбыл на фронт. В середине августа на австрийской территории после ряда поражений, нанесенных 3-й армией, в которую входила 3-я Кавказская казачья дивизия, он участвовал в преследовании противника. Было захвачено 10000 пленных и 60 орудий [10, 22]. Осетинский конный дивизион возглавил подполковник Владимир Крылов.

Позже дивизион мужественно сражался в предгорьях Карпат и Галиции. После неоднократных просьб со стороны влиятельных осетин император Николай II осенью 1915 года отдал приказ о переформировании дивизиона в полк. По новым штатам в Осетинском конном полку должны были числиться 22 офицера, 3 врача, 1 чиновник, 868 строевых и 83 нестроевых нижних чина (всадников), всего 977 человек [10, 23].

К концу декабря 1915 года в районе г. Армавир формирование полка было завершено, его командиром назначен полковник Абдулла-бек Табасаранский. В эти же дни произошло торжественное событие — полку вручили Георгиевское знамя бывшего Осетинского дивизиона, полученное за отличия в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. [10, 23].

Осетинский конный полк вновь вошел в 3-ю Кавказскую казачью дивизию. Вместе с 1-м Дагестанским конным полком он составлял 2-ю бригаду. В начале января 1916 года Осетинский конный полк прибыл на фронт, где был переведен из Буковины в Полесье, и вместе с дивизией включен в состав 4-го конного корпуса генерала Гилленшмидта. Летом 1916 года конный корпус разбил германцев в боях у Галузии, Волчецка и Маневичей.

10 марта 1916 года из действующей армии о. М. Коцоев писал Г. В. (Гаппо) Баеву: «Зная, насколько близки интересы осетинского конного полка Вашему сердцу, обращаюсь к Вам со следующей просьбой: Вам известно, что всадники наши будут встречать наступающий светлый праздник Пасхи вдали от родного крова не в тех благоприятных условиях мирного времени, в каких его встретят родные и братья их... Всадники полка в этот грядущий праздник, естественно, ощутительнее будут чувствовать свое одиночество и разлуку с милыми родителями. Дабы удовлетворить, по силе возможности, скромное желание родителей всадников, я, как пастырь последних, покорнейше просил бы Вас устроить по своему усмотрению какую-нибудь организацию по снабжению всадников полка пасхальными подарками от их родных. Принося таковые подарки, родные и знакомые, помимо материальной помощи своим братьям, выполнят свой христианский и даже гражданский долг перед ними, а лично для всадников будут, кроме того, иметь и чисто моральное значение... Еще в прошлом году многие из родителей всадников бывшего Осетинского дивизиона выражали свою готовность послать пасхальные подарки, обращаясь ко мне с просьбой указать, как это надо сделать. Ввиду этого, ныне делая со всадниками все трудности походной военной жизни, я вспомнил о таковом добром порыве родителей их и со своей стороны прошу Вас не

отказать по данному делу в своем просвещенном содействии» [11, 5, 5 об, 6].

Весной 1917 года после Февральской революции стали формироваться мононациональные части, и в полк были зачислены осетины — офицеры из других частей. 26 мая 1917 года новым командиром полка стал полковник Василий (Иналук) Дахцикоевич Хетагуров, легендарный герой русско-турецкой войны 1877-1878 годов и Первой мировой войны [12]. По приказу армии и флоту от 29 апреля 1917 года. В. Д. Хетагуров был награжден военным орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия [7, 813]. Осетинский конный полк принял активное участие в летнем наступлении русской армии.

Многие подробности этих боев стали известны благодаря заметкам, которые присылал полковой священник М. Коцоев в редакцию газеты «Ирон газет». Так, в статье «Ирон полк фыццаг бон хæсты мидæг» [13] о. М. Коцоев описал бои за г. Станислав, происходившие 27 июня 1917 года. Осетинскому конному полку не только удалось выбить врага из города, но и преследовать его еще 40 км. Под командованием командира полка полковника В. Хетагурова воинам удалось удержать с. Грабовку. В статье «Ирон полк дыккаг хæсты» [14] о. Моисей подробно описал боевые действия, происходившие 29-30 июня 1917 года около г. Калуса. В статьях были перечислены фамилии убитых и раненых. В статье «Бирæ губынаен — чысыл зæрдæйан» он описал подвиги офицеров-осетин Цаллагова, Ханджери Кокаева и Хамби Козырева [15]. Письма-заметки «Хæсты быдырæй» полкового священника М. Коцоева регулярно публиковались в «Ирон газет».

В июле 1917 года Осетинскому конному полку пришлось у г. Монастержиско прикрывать пехотные части русской армии, которые, бросив фронт, стали беспорядочно отступать. 11 июля произошла трагическая гибель командира полка полковника Василия Хетагурова и нескольких десятков всадников [10, 24]. Посмертно полковник В. Хетагуров был произведен в генерал-майоры. Отец Моисей сопровождал тело В. Хетагурова во Владикавказ. 26 июля 1917 года состоялось его отпевание в церкви Рождества Пресвятой Богородицы (Осетинской). В. Хе-

тагуров был похоронен с военными почестями в ограде церкви. К сожалению, могила его не сохранилась.

Когда о. М. Коцоев вернулся в полк, его возглавлял войсковой старшина Петр Занкисов из 1-го Кизляро-Гребенского полка. 9 сентября 1917 года командиром полка стал подполковник Хаджимусса Дзугаев. Тогда же Осетинский конный полк был выведен из состава 3-й Кавказской казачьей дивизии и включен в состав формируемого в Терской области Кавказского туземного конного корпуса. 2-й Осетинский конный полк, возглавил полковник Григорий Келлер. 1-й и 2-й Осетинские конные полки вошли во 2-ю бригаду, командиром которой стал полковник Яков Хабаев. 2-я бригада вошла в состав 2-й Кавказской туземной конной дивизии, начальником которой был назначен генерал-лейтенант Созырыко Хоранов. Вскоре после Октябрьской революции, к январю 1918 года, осетинские полки фактически распались, а в мае 1918 года были официально расформированы.

Отец М. Коцоев вернулся на родину. После возвращения он служил в Петро-Павловской церкви (бывшая Тенгинская — Апшеронская), относившейся к военному ведомству. В 1921 году о. М. Коцоев был возведен в сан протоиерея [8, 12]. Священник М. Коцоев скончался в 1939 году и был похоронен в г. Баку.

Военным священником 2-го Осетинского батальона Осетинской пешей бригады был о. Иоанн (Вано) Николаевич Рамонов, служивший с 1915 года вместо о. М. Коцоева настоятелем владикавказской церкви великомученика и Победоносца Георгия на Тенгизской/Владимирской слободке.

В декабре 1916 года он был направлен военным священником во 2-й Осетинский батальон Осетинской пешей бригады [16, 58], которая была сформирована по ходатайству осетинской интеллигенции и согласно приказу начальника штаба Верховного Главнокомандующего от 18 июля 1916 года. Ее формирование, окончившееся к концу января 1917 года, проходило в сл. Воздвиженской у Грозного на базе Терского казачьего войска. Командиром бригады, в которой было три батальона, стал генерал-майор Виссарион Чиковани. Офицерский и унтер-офицерский состав

отбирался из кадров Терского и Кубанского казачьих войск. Пулеметная, связная и саперная команды состояли из казаков этих же войск. Рядовые осетины поступали из многих районов Осетии, но главным образом из селений Дигорского и Алагирского ущелий.

В начале апреля 1917 года Осетинская пешая бригада прибыла на Юго-Западный фронт. Однако в связи с Февральской революцией она находилась в состоянии полного разложения. В бригаде начались волнения, которые закончились смещением начальника бригады, всех чинов штаба и уходом 150 человек команды связи и кадра сотен из кубанцев и терцев, всего 2400 человек [10, 42-43].

Для восстановления боеспособности бригады в нее стали переводить офицеров-осетин из других частей. Временно, бригаду и 2-й батальон, в которой о. И. Рамонов был военным священником, возглавил прибывший из 84-го пехотного Ширванского полка подполковник Федор Кудзигусович Такоев. В 1-м Осетинском батальоне, которым командовал есаул Урусов, священником на время войны был о. Иоанн Хетагуров, священник церкви великомученика и Победоносца Георгия в с. Тулатово [16, 58]. В 3-м Осетинском батальоне под командованием полковника Штрандмана священником был о. Николай Бабиев, священник станицы Калиновской [17, 99]. Начальником штаба стал есаул 1-го Кубанского пластунского батальона Иван Валаев.

До 1 июня 1917 года Осетинская пешая бригада стояла в г. Котюжинске в резерве фронта, затем ее перевели в Галицию в резерв 8-й армии, а в середине июня она заняла позиции в Карпатских лесах.

Начальником Осетинской пешей бригады был назначен полковник Алексей Баев [18]. На смену покидавшим бригаду офицерам-казакам были переведены офицеры-осетины. Полковник Баев пытался поднять боевой дух своих земляков.

В июне 1917 года начальник бригады полковник А. Баев командировал священника Рамонова вместе со старшим адъютантом бригады прапорщиком Джелиевым в г. Владикавказ по делам Осетинской пешей бригады. Вернувшись из командировки, священник Рамонов и прапорщик Джелиев выступили 5 июля

на собрании комитетов 2-го Осетинского пешего батальона с отчетом о поездке на родину. Члены комитетов «внимательно и с благодарностью» выслушали их доклады, отметив, что они за короткое время сделали очень много для решения вопросов бригады [19, 48]. Начальник Осетинской пешей бригады полковник А. Баев в приказе №109 от 6 июля 1917 года вынес благодарность священнику Рамонову и прапорщику Джелиеву «за блестящее выполнение поручений всей бригады» [19, 48].

Подробности о жизни бригады становились известны благодаря материалам, которые присылал батальонный священник И. Рамонов в редакцию газеты «Ирон газет» («Осетинская газета»). В статье «Ирон бригады хабæртæ (Письмо бригадæй)» («Новости из Осетинской бригады (письмо из бригады)» [20], о. И. Рамонов обрисовал условия размещения Осетинской пешей бригады, находящейся в резерве Юго-Западного фронта. Он подробно описал хозяйственную жизнь в трех деревнях, в которых проживали члены бригады.

В статье «Ирон газет» (2 письмо нæ бригадæй)» («Осетинская газета (2-ое письмо из бригады)» [21] о. Рамонов приветствовал выход новой газеты «Ирон газет», первый номер которой ему удалось получить на фронте 8 мая 1917 года По его мнению, в газете следовало не замалчивать невзгоды и трудности реальной жизни, с тем чтобы совместно устранять их. В конце статьи о. Иоанн передавал приветы от воинов бригады их родным и знакомым.

В статье «Ныстуан» («Поручение») [22] о. И. Рамонов сообщил о данном ему, уряднику С. Бетоеву и Т. Хутинаеву поручении Осетинской пешей бригады передать Владикавказскому окружному начальству свои просьбы (11 пунктов) относительно жизнедеятельности бригады.

18 июня 1917 года армии Юго-Западного фронта атаковали противника. 8-я армия генерала Корнилова, прорвав фронт, овладела Галичем, Станиславовым. Осетинской пешей бригаде, которая вела бои у деревни Хута, у высот 1808, 1817, пришлось очень тяжело, особенно из-за того, что у них не было саперного снаряжения, и окопы солдатам пришлось рыть кинжалами.

Геройская гибель ударных частей, состоявших большей частью из офицеров, оказалась напрасной. Войска, бросая фронт, в беспорядке стали отступать. Осетинская пешая бригада, прикрывая отступление, с боями выходила из Карпат, сражалась у Надворной, у Роводеште, Боян, Новеселицы и Липканы.

Основной обязанностью о. И. Рамонова как военного священника было поддерживать моральный дух батальона. Во время боя, согласно специальной инструкции, священник должен был находиться на передовом перевязочном пункте, на котором скапливались раненые [23]. При необходимости он обязан был помогать врачу в перевязывании ран, заведовать выносом с поля боя убитых и раненых, извещать родных о смерти или ранении воинов и т.д. Богослужения совершались в специально изготовленной военно-походной церкви, с полным комплектом церковно-богослужебных предметов.

К концу июля 1917 года Осетинскую пешую бригаду перевели в резерв 8-й армии. В сентябре ее присоединили к Кавказскому Туземному корпусу и отправили в Терскую область. 14 офицеров-осетин были повышены в званиях. Несколько отличившихся в июльских боях офицеров бригады были награждены солдатскими Георгиевскими крестами 4-й степени (полковник Штрандман, подполковник Иванов, подполковник Кибиров, хорунжий Доцев, подпоручики Коченов и Цопанов, прапорщики Атаев, Агасиев, Цаликов) [10, 44].

Однако армия развалилась, обстановка на Тереке продолжала ухудшаться. Рядовые-осетины стали расходиться по своим домам. 21 февраля 1918 года последовал приказ по Кавказскому Туземному Корпусу о расформировании Осетинской пешей бригады. К концу мая 1918 года она прекратила свое существование.

В связи с расформированием Осетинской пешей бригады, в том числе 2 осетинского батальона, в котором о. И. Рамонов служил военным священником, он был выведен за штат [8, 12]. Священник Иоанн Рамонов скончался 16 июля 1919 года и был погребен в ограде Дарг-Кохской церкви [8, 12].

К сожалению, мало сведений о других военных священниках. Известно, что золотыми наперсными крестами на Георгиевской

ленте были отмечены полковой священник ушедшего на фронт из Владикавказа 81-го Апшеронского полка Георгий Алексеевич Агниев, священник Григорий Александрович Цитович 84-го Ширванского полка 21-й пехотной дивизии, священник Рафаил Захариевич Мартышевский 1-го Сунженского-Владикавказского полка [10, 48].

Таким образом, военное духовенство с честью выполнило свой долг в годы Первой мировой войны. Именно военные священники оказывали первую медицинскую помощь раненым, совершали в боевых условиях богослужение и выполняли необходимые церковные требы, проявляли личное мужество. Нередко они разделяли трагическую судьбу воинов, не желая покидать их в трудную минуту. Более 30 военных священников было убито, свыше 400 — ранено и контужено.

Примечания

1. Список священнослужителей и церквей, состоящих в ведомстве протопресвитера военного и морского духовенства на 1905 год. СПб., 1905.

2. Военное и морское духовенство на 1905 год: [сайт]. URL: <http://www.petergen.com/bovkalosp/voen1905.html>

3. Википедия: [сайт]. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Ардагано-Михайловский_204-й_пехотный_полк

4. ЦГА РСО-А. Ф. 147. Оп. 1. Д. 92.

5. *Хаданова Ф. Х.* О просветителе протоиерее Стефане Мамитове // ИСОИГСИ. Вып. III (42). 2009.

6. *Капков К. Г.* Памятная книга Российского военного и морского духовенства XIX — начала XX веков. Справочные материалы. М., 2008.

7. Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769-1920. Библиографический справочник/Отв. сост. В. М. Шабанов. М.: Русский Мир, 2004.

8. НА СОИГСИ. Ф. Лингвистика. Д. 58. П. 33.

9. ЦГА РСО-А. Ф. 147. Оп. 1. Д. 4.

10. *Киреев Ф. С.* Герои и подвиги. Уроженцы Осетии в Первой мировой войне. Владикавказ, 2010.

11. ЦГА РСО-А. Ф. 224. Оп. 1. Д. 28.

12. *Киреев Ф.* Василий Хетагуров — командир осетинского конного полка // Слово. 1999. 13 ноября.

13. *Коцойты М.*, полчы саудж. Ирон полк фыццаг бон хæсты мидæг // Ирон газет. №13. 22 июля 1917 года.

14. *Коцойты М.* Ирон полк дыккаг хæсты // Ирон газет. №14. 29 июля 1917 г.

15. *Коцойты М.*, Иры полчы саудж. Бирæ губынæн- чысыл зæрдæйан» // Ирон газет. №11. 8 июля 1917 года.

16. ВЕВ. 1917. №2. С. 58.

17. ВЕВ. 1917. №3. С. 99.

18. Баев Алексей (Дзандар) Васильевич — брат Георгия (Гаппо) Васильевича Баева. Родился 6 января 1873 года. Окончил Тифлисское пехотное юнкерское училище и Николаевскую академию Генерального штаба (1907). Вступил на военную службу в 1893 году в 1-м Туркестанском линейном кадровом батальоне. В 1909-1913 годах служил обер-офицером для поручений при штабе Кавказского военного округа, затем преподавал военные науки в Чугуевском пехотном училище. Участвовал в Первой мировой войне. В 1915 — начале 1917 года в звании полковника был и.д. начальника штаба 21-й пехотной дивизии, в 1917 году — командиром 12-го Финляндского стрелкового полка. В 1927 году А. Баев был репрессирован. Умер в 1932 году в Соловецком лагере особого назначения, в котором отбывал наказание.

19. НА СОИГСИ. Ф. 1 (Ист). Оп. 1. Д. 282. Тетрадь 1-ая.

20. Вано (о. И. Рамонов — Л. Г.). Ирон бригады хабæртæ (Письмо бригадæй) // Ирон газет. №5. 26 мая 1917 года.

21. *Рæмонаты В.* Ирон газет (2 письмо нæ бригадæй) // Ирон газет. №6. 3 июня 1917 года.

22. Вано (о. И. Рамонов — Л. Г.) Ныстуан // Ирон газет. №8. 17 июня 1917 года.

23. Русская линия. Библиотека периодической печати. Полковое и корабельное священство в сражениях Первой Мировой [сайт]. URL: <http://www.rusk.ru/st.php?idar=114489&fpage=1>

Х.-М. Доного
(Махачкала)

БРАТЬЯ ДОНОГУЕВЫ НА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Если говорить о военных династиях, то смело можно назвать семью Доногоевых, происходящую из аварского селения Чиркей в Дагестане. Основателем этой династии был Алхаз, один из первых вступивший в ряды организованного Дагестанского конно-иррегулярного полка на Кавказе в 1853 году, заслуживший два Знака отличия военного ордена и вышедший в отставку в чине подполковника.

Сыновья пошли по стопам отца: Алискендер (прапорщик милиции Лейб-Гвардии Кавказского эскадрона Собственного Его Величества конвоя), Зайнуддин (подполковник Дагестанского конного полка), Джамалуддин (полковник 208-го Лорийского полка), Шамсуддин (подполковник Дагестанского конного полка), Мугуддин (штабс-ротмистр 8-го Уланского Вознесенского, а затем Дагестанского конного полка). Только старший, Камалуддин стал ученым-арабистом.

В настоящей публикации мы акцентируем внимание на участии представителей рода Доногоевых в Первой мировой войне, где каждый из них проявил себя с самой лучшей стороны.

* * *

Доногоев Джамалуддин (1877-1921), окончил Бакинское реальное училище, затем курс в 2-х годичном отделении Московского пехотного юнкерского училища по первому разряду (1896 г.) и был произведен в подпоручики в 5-й Закаспийский стрелковый батальон, расквартированный в Туркестанском военном округе. Затем был командирован в г. Асхабад, где окончил полный двухгодичный курс языка индустана (урду) на отлично и одногодичный персидского языка. В чине штабс-капитана Доногоев в конце 1905 года переводится в 254-й Темир-Хан-Шуринский резервный батальон [1,1-6].

В 1910 году на должности начальника Темир-Хан-Шуринского участка «за отлично-усердную и ревностную службу он был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени. Через два года Доногуев — начальник Цудахарского участка Даргинского округа, затем в 208-м пехотном Лорийском полку командиром 15-й роты, в составе которого принял участие в Первой мировой войне [2,1 об.].

В первый же год войны Доногуев был ранен [3]. В следующем получил еще одно ранение, но и был отмечен двумя орденами: Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом и Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом [4,3 об.].

В 1916 году, будучи командиром 4-го батальона Доногуев вновь проявил себя с лучшей стороны, заслужив ордена: Св. Станислава 2-й степени с мечами и Св. Анны 2-й степени [4,3 об.], а 23 апреля произведен в подполковники [5].

Из Дагестана от семьи (жена и 5 детей) приходят письма, на которые он старается по возможности отвечать. На сохранившейся у потомков фотографии-открытке, посланной Доногуевым своей младшей дочери — крохотный фрагмент далекой эпохи: «Милая малюсенькая Лялюся! За то, что ты слушаешь маму и присылаешь мне письма и поклоны, я тебя крепко, крепко целую и желаю тебе счастья. Твой папа. 18 августа 1917 г.» [6].

По данным из его следственного дела известно, что Доногуев «до декабря 1917 г. находился на фронте и в г. Пензе, командуя 208-м пехотным Лорийским полком и 137-м пехотным запасным полком» [7,79].

С января 1918 г. по 24 мая 1919 г. при Горском правительстве Доногуев находился в Дагестане на должности начальника железнодорожной охраны на дистанции Хасав-Юрт — станция Ялама.

В июне-декабре 1919 г. он командир созданного 4-го Дагестанского стрелкового батальона в составе Дагестанской стрелковой бригады во Временном правительстве Дагестана, одновременно являясь временным членом главного военно-шариатского суда Дагестанской области.

Находясь по службе в Баку 3 мая 1920 г. Доногуев был арестован органами НКГБ. Осужден 24 сентября 1920 г. революционным трибуналом Дагестанской области к высшей мере наказания. Четверо детей остались без отца.

На неоднократные заявления в Прокуратуру РФ потомков о реабилитации Д. Доногуева всякий раз было вынесено заключение об отказе в реабилитации.

Доногуев Шамсуддин (1879-1930-гг.), окончил полный курс наук в Темир-Хан-Шуринском реальном училище, после чего, 31 августа 1901 года поступил юнкером рядового звания в Павловское военное училище. Далее «переименован в юнкера унтер-офицерского звания — 25 января 1903 г.» и 10 августа 1903 г., после окончания училища по 2-му разряду, корнетом был направлен на службу в Дагестанский конный полк.

Дагестанскому конному полку не пришлось принять участие в русско-японской войне (1904-1905 гг.), но его офицеры, как и в русско-турецкую войну (1877-1878 гг.), послужили основой для 2-го Дагестанского конного полка в составе Кавказской конной бригады, с отличием послужившего на Дальнем Востоке. 21 апреля 1904 года Доногуев переводится во 2-й Дагестанский конный полк с переименованием в хорунжие и вместе со своими тремя братьями отправляется в Маньчжурию.

Воевал Доногуев достойно. Об этом свидетельствуют его награды, полученные им за боевые отличия: Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом, Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом, Св. Станислава 2-й степени с мечами и Св. Анны 2-й степени с мечами, а также чин поручика [8].

По окончании русско-японской войны Доногуев возвращается в Дагестанский конный полк и продолжает военную службу, нередко заключающуюся в «содействии гражданским властям», т.е. поддержанию порядка, поимке бандитов и пр.

В выписках по аттестации службы Доногуева, хранящихся в архивном деле оценки в основном положительные, в 1909 году он в чине штабс-ротмистра, а с 1913 года — «командующий 6-й сотни Дагестанского конного полка» [8, 236] вместо своего стар-

шего брата Зайнуддина Доногуева, ушедшего в отставку по болезни.

Как следует из краткой записки о службе на 1914 год, Доногуев был женат на Хасайбат Абакаровой, от которой имел сына Алискендера, родившегося 25 августа 1908 г. [8,236].

К началу Первой мировой войны 1-й Дагестанский конный полк входил в состав 3-й Кавказской казачьей дивизии, которая в свою очередь входила в состав 3-й армии. Свой боевой путь полк начал с участия в Галицийской битве.

Уже к концу 1914 года ротмистр Доногуев награжден Орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом [9].

О доблести дагестанцев, проявленной ими в боях, можно судить по рапорту командира полка подполковника А. Табасаранского начальнику штаба 3-й Кавказской казачьей дивизии: «Ротмистры Мусалаев, Доногуев и Бутаев за кампанию 1904-1905 гг. уже имеют все младшие ордена. За эту кампанию представлены к старшим наградам и чину подполковника. Больше представлять их не к чему. Прошу, если есть возможность, Вашего указания, как быть с их дальнейшим представлением. Можно ли просить о Высочайшем благоволении или подарков по чину» [10,80].

Награда не заставила себя долго ждать. В прессе было напечатано объявление о Высочайшем приказе 26 февраля 1915 г. в котором говорилось: «Производится за отличия в делах против неприятеля, со старшинством из ротмистров в подполковники по кавалерии Дагестанского конного полка Доногуев с 28-го октября 1914 года» [11].

Заключительным штрихом в длинной цепочке наград за боевые заслуги стало Высочайшее благоволение, о котором также было напечатано летом 1916 года в прессе: «Государь Император объявляет Высочайшее благоволение подполковнику Дагестанского конного полка Доногуеву» [12].

С завершением войны Шамсуддин Доногуев проживал в Темир-Хан-Шуре и подрабатывал репетиторством детям по русскому языку. Жил с семьей очень скромно — это по воспоминаниям одной из его учениц.

Два его старших брата Джамалуддин и Зайнуддин были

судимы новой властью и расстреляны соответственно в 1921 и 1927 гг. Впоследствии он, видимо, не желая привлекать к себе внимание, переехал в Хасавюрт, где и умер в начале 1930-х гг.

Будущий георгиевский кавалер **Мугудин Доногуев** (1883-1915), успешно окончил Темир-Хан-Шуринское реальное училище. Начавшаяся русско-японская война в 1904 г. внесла коррективы в судьбу молодого человека.

21 июня 1904 г. дополнительным набором Доногуев поступает на службу всадником во 2-й Дагестанский конный полк и с другими такими же добровольцами отправляется в Маньчжурию в зону боевых действий.

2-й Дагестанский конный полк прославился своими боевыми делами буквально с первых дней войны, активно участвуя в многочисленных боевых действиях, начиная от перестрелок, обычных и дерзких рекогносцировок для выявления сил противника, до отчаянных, смертельно опасных атак. Не исключением был и Доногуев, достойно представляя себя в военных действиях против японцев, за что был награжден Знаком Отличия Военного ордена 4-й степени. В Российском государственном военно-историческом архиве (Фонд Кавказской конной бригады) нам удалось обнаружить некоторые подробности награждения Доногуева. Выясняется, что он вместе с младшим урядником Андреем Мельниковым и всадником Гаирбеком Кайтмасовым «втроем вызвавшись добровольно охотниками, 30 июля проползли ночью в занятую японцами деревню Тандиана и, высмотрев силу их, вернулись, обстрелянные обнаружившим их при возвращении противником» [13, 127-128 об].

По окончании войны, 5 августа 1905 г. М. Доногуев, награжденный еще и медалью «в память Русско-японской войны», направляется для поступления в Елисаветградское кавалерийское училище, которое окончил по 1 разряду. Высочайшим приказом от 14 июня 1907 г. он производится в корнеты с определением в 23-й драгунский Вознесенский полк [14,1-2], который вскоре будет называться так — 8-й Уланский Вознесенский Ея Императорского Высочества Великой Княжны Татьяны Николаевны полк с

местом дислокации в уездном городе Бельцы Бессарабской губернии. Здесь Доногуев прослужил два с небольшим года. По данным Кавказского календаря на 1910 г. он уже числится в 1-м Дагестанском конном полку [15,351]. С чем был связан такой переход? По всей вероятности, быть ближе к своим братьям Зайнуддину (ротмистр, командир 6-й сотни) и Шамсуддину (поручик) Доногуевым, служившим здесь уже не один год.

Семья Доногуева на то время состояла из жены и сына.

Служба в полку, в общем, проходила спокойно. С началом Первой мировой войны ситуация резко изменилась. Не вдаваясь в подробности (их и так не много) боевой службы Доногуева, стоит отметить, что воевал он достойно.

Как следует из информационной справки в архиве внешней политики Российской империи, повествующей о службе российских мусульман в Первой мировой войне: «трех наград (ордена Св. Анны с надписью «За храбрость», ордена Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом и ордена Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом) удостоился поручик Мугудин Доногуев за многократное участие в опасных разведках и отбитие в пешем строю атак сильнейшего противника» [16,23-26].

Особенно отличились дагестанцы 6 августа 1915 году у деревни Рокитно. Ситуация складывалась таким образом, что 48-я и 49-я пехотные дивизии предприняли контратаку, которая закончилась неудачно. Обозначился прорыв левого фланга 48-й дивизии. Цепи 49-й дивизии залегли перед окопами противника под убийственным огнем вражеских пулеметов. 3-я Кавказская казачья дивизия получила приказ остановить противника в направлении Рокитно, чтобы облегчить атаку 29-го корпуса. Атака дивизии имела следующий вид: первая линия — Кизляр-Гребенский полк, вторая линия — 1-й Дагестанский конный полк, третья линия — Екатеринодарский конный полк. Атакующие части должны были преодолеть 4 версты артиллерийским и пулеметным огнем. В бой полк повел лично командир 3-й Кавказской казачьей дивизии генерал-лейтенант Хелмицкий. Конная атака была встречена огнем тяжелой артиллерии, а перед окопами — пулеметами. Кизлярцы с дагестанцами прошли окопы противника, прорубив

пехотные цепи, но встреченные с правого фланга убийственным огнем, отошли. Полки дивизии отходили спокойным шагом. Шестая сотня дагестанцев со штабс-ротмистром Абадиевым отходила последней, подбирая убитых и раненых. 1-й Дагестанский конный полк потерял трех человек убитыми и двух ранеными [17,57].

В рапорте и.д. начальника штаба 3-й Кавказской казачьей дивизии подполковника Лазарева начальнику штаба 3-й армии генерал-майору А. А. Посохову, после описания конной атаки приводятся данные о потерях: «Огонь был очень силён и потери, как в людях, так и в лошадях очень большие... Дагестанского конного полка убит штабс-ротмистр Доногуев, тяжело ранен подполковник Бутаев (умер на другой день), ротмистр Хандиев, штабс-ротмистр Фёдоров, прапорщик Чеэров. Под командиром полка полковником Мальсаговым убито две лошади, под его помощником, подполковником Котиевым, также убиты две лошади. Ранен тяжело ординарец генерал-майора Маргания прапорщик Дубина. В конно-сапёрной команде, большая часть которой была на линиях, непосредственно со мной оставалось 10 чел., из них ранено 4. Потери выясняются, одно можно сказать, что их много» [18,1-3].

Августовский номер газеты «Русский инвалид» так информировал читателя о произошедших событиях у деревни Рокитно: «Убиты: штабс-ротмистр Доногуев Мугуддин Алхасович. Ранены: подполковник Бутаев Ахмет Бутаевич» [19].

Итак, казалось бы подведена черта короткой жизни героя двух войн. Однако предстояло еще выяснить, где был похоронен Доногуев.

Обычно гроб с телом убитого офицера отправляли на родину покойного, но среди родных Доногуева старшего поколения никто не подтвердил, что его привезли домой. Стало быть, похоронен он был в районе места боя, т.е. близ деревни Рокитно.

Следующим этапом наших поисков было выявление деревни Рокитно. Как мы выяснили, деревни с таким названием существуют в Белоруссии, Украине и Польше. Письма специалистам, занимающимся поисками захоронений времен Первой мировой войны в Белоруссию и Украину, не увенчались успехом. Но вот в

2008 году данные о смерти Доногуева были выложены нами на форуме истории и реконструкции «Великая война 1914-1917 гг.» в Интернете. Тема заинтересовала форумчан, были даны дельные советы, в конце концов, определилось и место нахождения деревни Рокитно — Польша! Более того, на призыв откликнулся и специалист из Польши Венчислав Ковальски, который и указал точное место этой деревни, на окраине которого и располагалось кладбище военных захоронений.

Изготовив в Махачкале табличку с надписью: «Здесь похоронен штабс-ротмистр Дагестанского конного полка Мугуддин Доногуев (с.Чиркей, Дагестан), погибший 6 августа 1915 г. в бою у деревни Рокитно. «Да смилостивится над ним Всевышний!», летом 2009 года мы отправились в Польшу. Деревня Рокитно представляла собой небольшой населенный пункт с прекрасным лесом, в котором и находилось военное кладбище, огороженное аккуратным забором и содержащееся в абсолютной чистоте. Несколько рядов могил с одинаковыми деревянными крестами, выложенные булыжником. На кладбище похоронены как немцы, так и воины Российской армии, погибшие в том самом бою 6 августа 1915 г. Оказывается, в местных краях существовала традиция, когда все разрозненные могилы в регионе собирались в одно место, как правило, в чаще леса, и покойные перезахоранивались на одном общем кладбище. В сельской управе Рокитно даже имеются данные со списками похороненных. Но вот, к сожалению, имена немцев известны, а российских военных — нет. Таким образом, прикрепив на ограде нашу табличку в начале российского ряда захоронений в котором лежал Мугуддин Доногуев, мы посчитали наши поиски законченными. Если сам он похоронен в Польше, то его жена Айханум покоится на кладбище города Махачкалы, а единственный сын Мурад в г. Бурса (Турция).

Такова судьба всадника 1-го Дагестанского конного полка, героя двух войн, жизнеописание которого нам удалось осуществить после многолетнего безмолвия.

Гусейн Доногуев (? — 1933), приходился двоюродным братом выше отмеченным Доногуевым. С началом Русско-японской войны (1904 г.), он поступает охотником во 2-й Дагестанский

конный полк и храбро воюет в Маньчжурии, заслужив сразу два Знака отличия военного ордена: 4-й степени «за мужество и храбрость, оказанные им в боях с японцами под городом Мукденом» и 3-й степени «за отличия, оказанные им в делах против японцев» [20,175].

На Первую мировую войну Доногуев ушел в составе Ингушского конного полка, состоящего в Кавказской туземной конной дивизии («Дикая дивизия»). Будучи вахмистром, он также прекрасно себя проявил в военных действиях, за что получил два Георгиевских креста, тем самым став полным георгиевским кавалером. После окончания войны по приглашению своего сослуживца поляка Витослава Порчинского перебрался в Польшу, где продолжил службу в составе 10-го уланского Литовского полка. Принимал участие в советско-польской войне 1919-1920 гг.

«После войны еще долгое время был в полку, пока его командир не вышел в резерв. Жители гор. Несвежа, где стол полк, часто имели возможность видеть старика-кавказца, сидящего на сером арабе в полном национальном костюме и при шашке. Своего араба Хусейн берет и по выходе из полка, говоря, что он надеется еще увидеть Кавказ и его старый боевой товарищ сослужит ему еще там службу» [21,28].

Доногуев был колоритной личностью в полку, о нем писали в польской прессе, он запечатлен на многих полковых фотографиях. После выхода в отставку ему была назначена небольшая пенсия «титулярного вахмистра действительной службы» [22,5], он жил в казармах полка, имел свое хозяйство. Попытка вернуться на родину в Дагестан, где осталась супруга и двое детей, окончилась безрезультатно. По свидетельству современников, на границе с Россией Гусейна попросили сдать оружие, на что последовал решительный отказ.

По просьбе одного из кавказских эмигрантов фотография Доногуева была опубликована в журнале «Горцы Кавказа», издававшемся в Польше. В тексте, сопровождавшем фотографию, в частности говорилось: «Старый Гусейн тяжело заболел — рак желудка свалил его с ног. Ныне он лежит в имении князя Радзивилла — ордината Несвежского. Князь Радзивилл окружил его

не только материально, но и поддерживая больного старика морально» [23,28].

Доногуев скончался в 1933 году и был похоронен на мусульманском кладбище в татарской деревне Осмолово, находящейся в двух километрах от Несвежа (ныне на территории Белоруссии).

Краткие очерки о братьях Доногуевых, участниках Первой мировой войны, заслуживают подробного изучения, поскольку это не просто биографические данные. Они жили и служили в драматические времена нашей отечественной истории, проявив себя достойно в водовороте сложных событий, в связи с чем, видимо, и заслуживших такой печальный и трагический финал.

Примечания

1. РГВИА. Ф.409. П/с 2389.
2. РГВИА. Ф. 2822. Оп. 1. Д. 130.
3. Русский инвалид. 1914 г. 30 сентября. № 215.
4. РГВИА. Ф. 2822. Оп. 1. Д.181.
5. Список капитанов по старшинству на 1916 год. СПб., 1916.
6. Частное собрание.
7. Архив УФСБ по РД. № 04189. Д. 97. Том 1.
8. РГВИА. Ф.400. Оп.9. Д.35235.
9. Русский инвалид, 1915. 27 января. № 22.
10. РГВИА. Ф. 5168. Оп. 1. Д. 362.
11. Русский инвалид, 1915. 4 марта № 51.
12. Русский инвалид, 1916. 14 июля. № 187.
13. РГВИА. Ф. 15239. Оп. 1. Д. 3.
14. РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 23131. П/с 4272.
15. Кавказский календарь на 1910. Тифлис, 1909.
16. АВПРИ. Ф. 144 «Персидский стол». Оп. 490/з. Д. 45 в.
17. РГВИА. Ф. 5168. Оп. 1. Д. 49.
18. РГВИА. Ф. 5168. Оп. 1. Д. 28.
19. Русский инвалид. 1915. 12 августа. № 176.
20. РГИА. Ф. 496. Оп. 3. Д. 840.
21. Б.К. Голос наших читателей // Горцы Кавказа, 1933. Май. № 39.
22. *Romaszkiewicz M. Dieduszka // Reflektor. 1934. 3. XI.*

23. Б. К. Голос наших читателей // Горцы Кавказа. 1933. Май.
№ 39.

А. А. Туаллагов
(Владикавказ)

СУДЬБЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ. ДЗАНДАР ВАСИЛЬЕВИЧ БАЕВ

История Первой мировой войны в нашей стране волей революции 1917 г. была превращена в гражданскую войну. Данные события, как и последующие, резко изменили историческую судьбу не только всего государства, но и судьбы конкретных людей. Для Осетии, славной многочисленным корпусом дореволюционной военной интеллигенции, одним из последствий таких кардинальных изменений стала не только потеря представителей этой интеллигенции, но и забвение многих имен.

К числу таких потерь относится и имя Дзандара (Алексей) Васильевича Баева, родного брата Гаппо Баева. Только недавно краткие сведения из его биографии были приведены в небольшой научной статье, предваряющей публикацию очерка Дз. В. Баева «1812 год на Кавказе» [1; 2; 3].

Дзандар Баев родился 5 (б) января 1873 г. Поступил на службу 30 мая 1893 г. Выдержал экзамен на вольноопределяющегося 2-го разряда. В 1897 г. окончил Тифлисское пехотное юнкерское училище, получив 17 февраля звание подпоручика, был направлен в 1 Туркестанский линейный кадровый батальон. 1 сентября 1900 г. получил звание поручика, 1 сентября 1904 г. — штабс-капитана. С 1904 г. обучался и в 1907 г. окончил по 1 разряду Николаевскую академию Генерального штаба. 7 мая 1907 г. ему присвоено звание капитана. С 9 ноября 1907 г. по 4 ноября 1909 г. отбывал цензовое командование ротой в 81 пехотном Апшеронском полку. С 26 ноября 1909 г. по 7 января 1913 г. служил обер-офицером для поручений при штабе Кавказского Военного округа. 6 декабря 1910 г. награжден орденом Св. Станислава 3-й степени. С 7 января 1913 г. по 6 декабря 1914 г. прикомандирован к Чугуевскому пехотному юнкерскому училищу

для преподавания военных наук. С 6 декабря 1914 г., получив звание подполковника, служит штаб-офицером для поручений при штабе 9 армейского корпуса. 2 марта 1915 г. награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом. Назначен и. д. начальника штаба 21 пехотной дивизии, вступает на должность 4 декабря 1915 г. 6 декабря 1915 г. ему присвоено звание полковника. В начале 1917 г. берет на себя командование 12 Финляндским стрелковым полком, а с 14 июня 1917 г. — Осетинской пешей бригадой.

Как было отмечено в указанной публикации, дальнейшая судьба Дзандара Баева остается неизвестной. Причиной же такой неизвестности, что не удивительно для истории нашей страны, стали политические репрессии. Утром 18 июня 1927 г. он был арестован Владикавказским Объединенным Отделом ОГПУ по обвинению в преступлениях, предусмотренных ст. 58, пп. 5, 11 УК РСФСР. Из протоколов допросов арестованного мы можем почерпнуть некоторые сведения о жизни Баева. Так, протоколы от 18 и 28 июня 1927 г. содержит следующие данные и автобиографию арестованного.

«Классовая принадл. — из кавдасардов осетинского племени, т. е. из холопов фамилии Смайлиевых и оставался все время в податном крестьянском сословии сел. Ольгинское.

Образование: академия генер. штаба, без среднего образования.

Имущест. полож. — в сел. Ольгинском сад на общественной земле и мельница...

Занятия: до 14 г. преподаватель военных наук в Чугуевском военном училище, нач. штаба 21 пех. дивизии, командир 12 стрелкового Финляндского полка, командир осетинской пешей бригады. После октябрьской революции с 21 сентября 17 г. прибыл с фронта и демобилизовал бригаду.

Прежняя судимость: в апреле 21 г. был административно выслан ОО 11 армии из Тифлиса в рязанский концлагерь.

Когда и кем арестован: ОО 11 армии в апреле 21 г. в Тифлисе...

Краткая автобиография:

Учение начал в Тифлисской гимназии и вышел из 1 класса в 1886 г. С 1886 г. по 1892 г. жил в сел. Ольгинском и работал в доме: пахал, возил кладку по воен. груз. дороге, поставлял лес на базар и т. д. В 1892 г. взялся вновь за книги и отец-хлебопашец ассигновал на мою подготовку 200 руб. Едва грамотный учитель подготовил меня.

С 1894-1896 г. Тифлисское юнкер. училище. 1897 г. — офицер Ташкентского батальона. 1904-1907 г. поступил и окончил академию генер. штаба. 1907-1909 г. — командовал ротой в 81 Апшеронском полку. 1909-1912 г. в штабе Кавк. воен. округа на должности офицера генер. штаба. С 1912-1914 г. преподавателем военных наук в Чугуевском военном училище. 1914 по 1917 г. участвовал в мировой войне и занимал должность штаб-офицера для поручений при IX арм. Корпусе, н-ка штаба 21 пех. дивизии, командир 12 пех. Финляндского полка с мая 17 по 21 сент. 17 г. занимал должность командира осетинской пеш. бригады. 21 сент. 17 г. прибыл во Владикавказ и, согласно приказа такового, расформировал. После расформирования бригады и, согласно распоряжения Буачидзе, был удовлетворен содержанием. После чего занимался хозяйством в сел. Ольгинском в 18 г. В конце июля и начале августа 18 г. я лечился от ревматизма в Тменикау-ск. горячих водах, куда меня повел односельчанин Аликов Базе. Это может подтвердить его брат Бабу. Из Тменикау вернулся в сел. Ольгинское. Таким образом, об августовских боях в гор. Владикавказе я узнал на водах... 18 г. я жил в сел. Ольгинском и занимался ремонтом мельницы. В марте 19 г. как офицер генер. штаба был мобилизован и назначен в распоряжение правителя Осетии, по прибытии в штаб в сел. Ардон заболел сыпным тифом, проболел с конца марта до начала мая, лечил меня доктор Тлатов Агубе. Об этом могут подтвердить Тлатов Агубе и Габола. В начале мая прибыл в штаб правителя Осетии в сел. Беслан, а потом в гор. Владикавказ. В первой половине мая был на съезде Осетии в сел. Эльхотово. В это время генерал Вадбольский по приказу генерала Ляхова громил сел. Христиановское, съезд меня и полковника Елоева командировал к генералу Эрдели, сменившему генерала Ляхова, с просьбой приостановить разру-

шение... Благодаря штабным связям мне удалось убедить Эрдели в отмене распоряжения генерала Ляхова, распоряжение было сделано по телеграфу, и съезд благодарил нас... По возвращении со съезда в гор. Владикавказ я был освидетельствован в военном госпитале и был командирован в Эссентуки для лечения почек и восстановления здоровья после сыпного тифа. В течение пребывания в Эссентуках я откомандировался в резерв чинов штаба Сев. Кав. военного округа, т. к. с правителем Осетии у меня были принципиальные расхождения во взглядах. Правитель Осетии как казак вел осетин на союз с казачеством до включения осетин в Терское казачье войско, я же держался обратной точки зрения. После окончания курса лечения, я как офицер генерального штаба был командирован, имея военно-педагогический стаж, в Ставрополь на ускорение курсов по подготовке офицеров, где я занял должность инспектора классов (с 1 сент. 19 г. по 1 января 20 г.). Точно не помню, но, кажется, в конце декабря или в начале января юнкера с начальником курсов отбыли на Ростовский фронт, я же в качестве инспектора классов вместе с преподавателями был оставлен в Ставрополе для приема нового контингента юнкеров. Между тем, дела на фронте добровольческой армии ухудшались и, в частности, на Ставропольском фронте, где оперировал отряд Шкуро. Командующий фронтом генерал приказал мне выехать на фронт и принять участие, т. к. я отказался от осетинской дивизии и, вообще не имея призвания к гражданской войне и вернувшись по мобилизации к военно-педагогической деятельности, то сославшись на то, что я получил приказ из Екатеринодара от начальников военно-учебных заведений собрать все имущество и вместе с преподавателями ехать в Туапсе.. за неисполнение приказа я лишился должности с преданием военно-полевому суду, однако красные так быстро приближались к Ставрополю, что все спешили с выездом из города, и как подследственного меня отправили в Екатеринодар в распоряжение военно-учебных заведений. Последние командировали меня во Владикавказский кадетский корпус для следования с ним в Крым для окончания выяснения моего преступления. Прибыв во Владикавказ, я отбыл с корпусом в

Грузию. На станции Мцхет, когда корпус отправился... я заявил, что нахожусь на нейтральной полосе и никуда не поеду с корпусом и уехал в Тифлис. В Тифлисе я пробыл с марта 20 г. по март 21 г., когда пришла в Тифлис Красная армия. На регистрации офицеров, кажется, в марте, в конце, особый отдел 11 армии арестовал нас и в администр. порядке выслал в Рязанский концлагерь. В лагере пробыл, если не ошибаюсь, с мая по август, в течении состояния в лагере был вместе с тремя другими офицерами и командирован на 2 м-ца в Рязанский губсоюз, за работу получил благодарность, в начале августа 20 г. меня командировали в распоряжение штаба Московского военного округа, который, в свою очередь, откомандировал меня в распоряжение Главного управления с гос. конными заводами (Гуком), в распоряжение наркома, не будучи специалистом кавалеристом, я, по личной инициативе, был откомандирован в Туркестан. Я при содействии Брусилова поднял вопрос о сохранении в России рассадников мулов и племенных ослов для снабжения мулами частей Красной Армии. Написал докладные Главкому Красной Армии Сергею Сергеевичу Каменеву, тов. по выпуску из академии, им был командирован на Кавказ и в течение полутора месяцев обследовал Кабарду, Балкарию, Карачай, Терскую губ., Осетию, Ингушетию, Дагестан, Азербайджан и Грозный, представил отчет. В результате решено было сохранить во Владикавказе первый государственный рассадник мулов и племенных ослов. С должности инструктора муловодства Гукома, на которой я пробыл в Москве 28 августа 21 г. по август 22 г., я был назначен во Владикавказ управляющим 1-м государственным рассадником мулов и племенных ослов, на таковой должности пробыл до сентября 23 г. Когда рассадник, за отсутствием средств к существованию и сочувствием со стороны органов наркомата, был ликвидирован, весь ход работы по рассаднику мулов для Красной Армии виден из черновика (копии) рапорта, отобранного у меня при обыске моей квартиры и аресте агентами ГПУ, также забраны документы переписки с Берлином и Гамбургом по поводу ослов-производителей. Не смотря на мои хлопоты и поддержку Главного штаба Красной Армии, дело обеспечения мулами горных частей оста-

лось открытым, что практиковалось и в царской армии, когда мы вынуждены были на Турецкий фронт перебросить из Манчжурии до 6 тысяч мулов. С 1 августа 21 г. по 1 сент. 21 г. я был командирован из Москвы на казенный счет в Кисловодск для лечения от миокарда сердца. С 1 сент. 23 г. я почти безвыездно прибывал в сел. Ольгинское и веду хозяйство, состоящее из мельницы в 2 жернова, но с водой на 1 жернов и садом около 3-х десятин, огорода 4 дес., участок находится в поле, от сел. Ольгинское в 1,5-2 верстах. В 1920 г., когда находился в Тифлисе, во Владикавказском округе горреспублики была комиссия национализации мельниц и садов и т. д. Селисполком и комиссия признали участок и хозяйство соответствующими трудовой норме и оставили мне в пользование, в настоящее время исполком выделяет участок мне на началах хуторских, этот участок приличный моей работе, обеспечивает мое существование, в августе 26 г. в «Известиях» я прочитал распоряжение о военизации вузов, пользуясь военно-педагогической службой, военно-научными трудами, равно и тем, что Главного начальника главного упр. Красной Армии С. С. Каменева, моего товарища из академии, я послал ему письмо с прошением о назначении меня на должность военного руководителя в вуз гор. Владикавказа. От главного упр. военно-учебных заведений я получил пакет через Ольгинский селисполком, в котором сообщалось: В виду того, что должность военного руководителя является штатной должностью Красной Армии и есть категорическое распоряжение о не назначении из запаса в К/Армию, а потому вы назначены быть не можете. На эту должность был назначен Тасуев, которому я подал прошение о назначении меня военным преподавателем. Последний обещал принять меня с осени текущего года. Кажется, в марте 24 г. органы ОГПУ произвели обыск в моей квартире во Владикавказе и забрали мою библиотек до 300 книг. После моего приезда из Ольгинского и тщательного расследования библиотеку не вернули. Книги были исключительно военными, которые агенты ГПУ при аресте в Ольгинском видели. Года проставлены точно, но в точности месяцев могли вкрасься небольшие неточности. Спешность написания могла сказаться на точности изложения в

стилистическом отношении, писал собственноручно Дзандар Баев.

Продолжение допроса Баева Дзандара 28 июня 1927 г.

Вопрос: Знаете ли вы Хабаевых?

Ответ: Знаю Хабаева Бета, бывш. правителя Осетии, затем знаю Сашко, Бата и Даниила Хабаева, других не знаю, с ними не знаком.

Вопрос: Скажите, имеете ли вы переписку с вашим братом?

Ответ: Нет, мы друг другу писем никогда не писали, я вообще с ним был в неладах, о чем может подтвердить вся осетинская интеллигенция.

Вопрос: Имеете ли вы переписку в Хабаевым в загранице?

Ответ: Нет, не имел и не имею, и совершенно не интересовался им и его судьбой.

Вопрос: Где в данное время Бичерахов?

Ответ: Я Бичерахова совершенно не знаю, но слышал от военных, что был Бичерахов, имел свой отряд в районе Баку и Дербента, грабил население. Лично его никогда не видел и, насколько помню, он во Владикавказе не был. С ним никакой переписки не имел и не имею...

Вопрос: Как часто и где вы встречались при Соввласти с Хабаевым Даниилом?

Ответ: С Хабаевым Даниилом я знаком очень мало, знакомство наше чисто уличное и шапочное, встречался с ним в городе два-три на улице случайно, разговоров с ним продолжительных не имел, а просто спросил, как живет и что делает. О политике абсолютно разговоров не вел никогда. Вообще, должен сказать, я с ним познакомился в 1919 г., когда служил начштаба у правителя Осетии Хабаева Бета. Знаю, вернее, слышал, что после моего отъезда в резерв чинов штаба Сев. Кав. округа в Пятигорск Хабаев Даниил был назначен командиром одного из осетинских полков, был ли этот полк на фронте и где, я не знаю, т. к. я здесь не был в то время, и когда я вернулся обратно уже из Ставрополя, то здесь его уже не встречал...

Вопрос: Знаете ли вы Хоранова Ушако и как часто с ним встречались?

Ответ: Знаю его чуть ли не с детства, но встречался с ним редко, он служил в Закавказье, а я как офицер генер. штаба по всей России. В настоящее время также встречаемся очень редко и случайно — он живет в Ардоне, а я в сел. Ольгинское...

Вопрос: Знаете ли вы Лебединского (юриста) и Собиева, инженера служ. на жел. дороге в гор. Влад-зе, где, у кого их встречали?

Ответ: Лебединского знаю как юриста и защитника по тяжбе с сестрой и братом, нигде с ним не встречался, с ним не кланяюсь. Собиева Инала знаю немного со студенческих лет, он инженер-механик, работал вместе с моим братом Гаппо и профессором Миллером по составлению осетинского словаря и осет. сказаний и легенд. С ним никогда в домах и компаниях не встречался...

Вопрос: Знаете ли вы Гутнова в Берлине?

Ответ: Лично с ним я не знаком, но знаю, что в Берлине есть издательство, где издаются осетинские книги, продающиеся в гор. Влад-зе. Желая выписать литературу по муловодству, я написал ему официальное письмо на бланке в качестве управляющего рассадником мулов и ослов на Кавказе. Я имел с ним всего две официальных переписки, что видно из исходящего журнала и бумаг, сданных мною при ликвидации рассадника в архив Горнаркомзема.

Вопрос: Получали ли через Гутнова от вашего брата Гаппо письма?

Ответ: Нет, этого не было.

Вопрос: Знаете ли вы Ядвигу Краморенко, какие у вас с ней взаимоотношения?

Ответ: Знаю ее с 1923-24 годов, как соседку и знакомую моей первой жены Залихан Ардасеновой, т.к. их дома смежно соприкасались на Вокзальной улице. Встречался редко. Однажды покупал нитки у нее на базаре, она рассказала, что сына отправила в Берлин к брату учиться. Мальчик пишет, что в Берлине где-то проживает быв. городской голова Баев. Я сказал, он состоит доцентом осетинского языка на восточном факультете и просит прислать ему текущую осетинск. литературу,

не сможет ли ваш сын переслать книги, если их послать на его имя... Книги, содержание всех не помню, но были нац. грамматика осет. языка Алборова, 1 том осет. Краеведч. института и др. Посылая их, у нас возникло сомнение, пропустят ли советскую литературу в Германию. Я сказал, в научн. учреждения посылаются и принимаются всякие книги. Кроме того, я подписался на осетинскую газету (Растдзинад), которую редакция посылает по адресу учреждения, а не на частную квартиру Гаппо Баева.

Вопрос: Скажите, известно ли вам о предполагаемом приезде в Москву Гутнова?

Ответ: Нет, мне об этом ничего не известно...

Вопрос: Служили ли вы и Хабаев Даниил в отряде Бичерахова?

Ответ: Я лично никогда Бичерахова не знал и не видел, в отряде его не служил. О Хабаеве сказать ничего не могу, т. к. я при белых во Влад-зе был очень недолго, и где был и служил Хабаев Даниил, сказать не могу...

Вопрос: Имели ли вы переписку с вашим братом Гаппо?

Ответ: Нет, не имел.

Вопрос: Получали ли вы карточку вашего брата из Берлина?

Ответ: Нет, не получал.

Вопрос: Какие книги осетинские просил прислать ваш брат?

Ответ: Меня лично он не просил, но я об этом узнал на торжественном собрании, посв. профессору Миллеру. Когда об этом говорили на собрании, то я высказал пожелание помочь материально, в смысле пересылки этих книг. Что и было сделано через мою сестру Залихан Зораеву...

Вопрос: Писал ли вам когда-либо Гутнов о том, что ваш брат работает с ним в Берлине?

Ответ: Нет. Но в одном из писем, исходящим от Гутнова на мой запрос о литературе о мулах и ослах, был вложен список, написанный моим братом Баевым Гаппо. Этот список находится в данное время в делах и переписках взятых при обыске у меня на квартире...

Вопрос: Чью вы карточку хотели послать вашему брату?

Ответ: Отца и матери, я эти карточки переснял у Квитона перед своим арестом, но еще не успел послать.

Вопрос: Почему вы хотели послать эту карточку вашему брату?

Ответ: Брат просил мою сестру Зораеву Залихан прислать карточку отца и матери, выпросить таковую у меня...

Вопрос: Знаете ли вы Голиева Ваню?

Ответ: Знаю давно, последний его чин был полковника, служил ли у белых, в каких частях, не знаю. При большевиках с ним совершенно не встречался.

Вопрос: Где вы находились при расстреле белыми вашего брата Чермена?

Ответ: Жил на мельнице в сел. Ольгинском, он был марксистом, хотя в партии официально не состоял, он работал все время с большевиками в 1918 г. и в конце 1917 г., а также и в начале 1919 г. При приходе белых он был пойман в Ардоне и спустя два-три дня расстрелян казаками в сел. Гизель. Спасти его от расстрела я не мог, потому что не имел возможности».

(Уголовное дело № 2817. Л. 312-318).

В протоколе от 9 сентября содержатся следующие данные.

«Вопрос: Были ли вы преподавателем в Ставропольской школе прапорщиков?

Ответ: Да, я был преподавателем Ставропольских курсов прапорщиков и инспектором классов по учебной части. Курсы были 4-х месячные, туда я был назначен в августе 1919 года. В этой школе я был до февраля 1920 г.

Вопрос: Скажите, были ли вы с курсами на фронте против Красной Армии под Батайском в начале 1920 г.?

Ответ: Нет. Курсы по приказу Деникина пошли на Ростов к Батайску, это в начале 1920 года или в конце декабря 1919 года, начальником этих юнкеров уехал начальник этих же курсов, как начальник по строевой части. Я же как инспектор классов и все преподаватели остались при курсах для нового набора.

Вопрос: Были ли вы в Крыму?

Ответ: Нет, хотя и насильно послали меня в Крым как подследственного, не исполнившего боевой приказ.

Вопрос: Что вы делали или где служили у меньшевиков Грузии?

Ответ: После отступления белых я приехал в Грузию вместе с Полтавским кадетским корпусом до ст. Мцхет, откуда я ушел самовольно и уехал в Тифлис в конце февраля или начале марта 1920 года. В Тифлисе я жил, улицу не помню, поступил на курсы сапожного ремесла — на Елизаветинской ул. № 100, каковое я окончил через 4-5 месяцев, сдал экзамен и получил диплом, звание Европейского башмачника, этим ремеслом я занялся впоследствии. В сентябре я устроился военнотрушателем в Закавказье. Полит институт по сельско-хоз. курсам. Месяца за 2 до прихода Красной Армии и боев с ней меньшевистское военное министерство предложило приватно читать военную тактику на русском языке на курсах по подготовке прапорщиков, а остальные предметы преподавались на грузинском языке, я мало интересовался курсами.

Вопрос: Чем вы занимались после прихода Красной Армии в Тифлисе?

Ответ: Продолжал заниматься сапожничеством, через 2-3 недели на регистрации бывш. бел. офицеров был арестован и выслан в Рязанский концлагерь...

Вопрос: Как давно вы знаете Бичерахова?

Ответ: Бичерахова я совершенно не знаю и с ним никогда не встречался. При белых, слышал, не помню от кого, что он имел отряд в гор. Баку и разграбил таковой, но насколько это верно, я не знаю, и что он бежал в заграницу.

Вопрос: Где вы были при Керенском со своей осетинской бригадой?

Ответ: В период Керенского в мае 1917 г. я принял Осетинскую пешую бригаду, которая не участвовала в прорыве как не боеподготовленная... ушла в глубокий тыл в районе г. Поскурова, затем бригада привлечена... для переформирования — я в конный полк вместе с конным осетинским полком. Это было в августе м-це.

Вопрос: Участвовала ли ваша бригада в Корниловском движении на Питер?

Ответ: В движении участвовали конные части, Дикая дивизия, конный корпус, а бригада никакого участия не принимала, т. к. она была небоеспособная и предназначалась для переформирования. Бригада никаких распоряжений двигаться на Питер не имела.

Вопрос: Было ли распоряжение бригаде в октябрьские дни выступать на подавление большевистского движения в Питере?

Ответ: Нет. До Октябрьских дней бригада уже не существовала, остались только канцелярии, бригадные и батальонные, для ликвидации имущества. Бригада прибыла 18-20 сентября 1917 г. в гор. Владикавказ, где осетинские всадники самовольно разбрелись по домам, расхищая зачастую казенное добро — все было дезорганизовано...

Вопрос: По какой причине были обезоружены и частью расстреляны осетины, бойцы вашей бригады?

Ответ: В мою бытность начальником бригады никаких разоружений и расстрелов не было. По рассказам своих офицеров, при наборе еще задолго до меня в сел. Воздвиженской в 1916 г. осетины-новобранцы требовали формирования из них конных частей, т. к. их посылали в пехоту на общем основании, а мусульман-осетин в этот конный полк, по этому поводу их усмирили оружием, было несколько человек убито, но потом вопрос был урегулирован созданием Пластунских национальных батальонов. В этот период я в бригаде не состоял и находился на фронте начальником штаба 21-ой пехдивизии.

Вопрос: Знаете ли вы бывш. генерала Фидарова Афако, и как часто у него вы бывали на квартире?

Ответ: Знал генерала Фидарова до войны и после войны. Генерал Фидаров после войны поселился в сел. Зильги, где я его посетил дважды, если только память мне не изменяет. Первый раз: Гл. Упр. Госуд. Коннозаводства в 1921 году командировал меня на Кавказ для обследования края... он, я предполагал, мог бы дать мне указания о породах персидских ослов... Ген. Фидаров указал мне на породу хомаданскую и другие. Вот сущность первого посещения ген. Фидарова. Второе посещение было в 1926 году, кажется, в сентябре, во всяком

случае, в первой половине осени. В сел. Шанаевском умер Коки Бекузаров... Возвращаясь обратно к вечеру, я у калитки увидел ген. Фидарова и тотчас соскочил по туземному обычаю с бедарки поздороваться... я с ген. Фидаровым зашел к нему...

Вопрос: Какие вы и Фидаров вели политические разговоры, о войне, о Англии и Китае?

Ответ: Насколько помнится, разговоров на эти темы между нами не происходило.

Вопрос: Говорил ли Фидаров о том, что в случае войны осетинскому офицерству нужно уйти в горы для организации и выступления против Соввласти?

Ответ: Нет не говорил, и подобного разговора не допускаю.

Вопрос: Были ли вы посланы в Германию в мирное время царским правительством и с какой целью?

Ответ: В командировках в Германии не был. Будучи преподавателем в Чугуевском военном училище в 1913 и 1914 г. я как преподаватель использовал учительские каникулярные отпуска с 1 июня по 16 июля для поездок за границу. В 1913 году я был более месяца в Берлине и совершил операцию в клинике профессора Кастера, был вынут камень из почек (правой), шрам налицо. Болезнь почек побудила меня в 1925 году лечиться на водах в Эссентуках у профессора Леченева... В 1914 г. я был вторично за границей и лечился в Венгрии... Путешествие мое прервалось Сараевскими событиями, и я поспешил в Россию через Константинополь. Никаких поручений специального военного характера старым правительством дано не было.

Вопрос: Говорили ли кому-либо о том, что вы до войны были в Германии со шпионскими целями?

Ответ: Нет, никому никогда этого не говорил, ибо с подобной целью я в Германию не командирован, не зная немецкого языка.

Вопрос: Куда вы дели вещи вашего брата Гаппо Баева, и какое по этому поводу было вам его распоряжение?

Ответ: Никаких распоряжений от брата Гаппо Баева я не получал, т. к. до 1922 г., сентября, я здесь во Владикавказе не был. В сентябре я узнал, что главное его имущество забрано по опи-

си Осетинским Краеведческим институтом... Ценностей у Гаппо Баева никогда не было...

Вопрос: Говорили ли вы, или кому вы высказывали свою радость по поводу смерти тов. Ленина?

Ответ: Никому.

Вопрос: Кому вы говорили о том, что «сдохла красная собака»?

Ответ: Никому не говорил, и вообще подобные выражения не свойственны моему характеру...

Вопрос: Откуда вам известно о том, что в 1928 г. будет крах Соввласти, и что европейские державы не допустят Соввласти, большевикам отпраздновать 10-ю годовщину своего существования?

Ответ: Подобной информации ни от кого не получал, и мне об этом абсолютно ничего не известно. Вообще, я приспособился вполне к существующему государственному строю, и всякое потрясение обречет на гибель мое хозяйство в поле, которое по примеру 18-19 г. может быть разграблено.

Вопрос: Вели ли вы с кем-либо разговоры о том, что Россия, большая, могущественная держава, благодаря большевикам разорена и обнищала, и что в этом больше виноваты евреи, которые заняли командные высоты в управлении СССР?

Ответ: Нет, ничего подобного не говорил. Никогда евреев виновными падения царского режима не высказывал. Против евреев никогда злобы не имел и недовольства не высказывал».

(Уголовное дело № 2817. Л. 338-340).

25 августа 1927 г. срок следствия и содержания под стражей Дзандара Баева, арестованного вместе с его односельчанами, также бывшими полковниками царской армии Д.В. Хабаевым и Г.И. Кочисовым, был продлен. В постановлении указывалось, что «означенные обвиняемые представляли из себя организованную к-р группировку, имея одновременно связи с зарубежной белогвардейской эмиграцией, проводили тайные собрания, имея для этого конспиративные квартиры» (Уголовное дело № 2817. Л. 337). 26 октября 1927 г. следственные материалы в отношении Дз.В. Баева были выделены и приобщены к

делу Ф.Ф. Потто по обвинению в соучастии в контрреволюционной организации «Комитет офицеров», якобы, созданной в 1926 г. (всего 30 человек). В постановлении указывалось: «Баев Дзандар Васильевич... систематически занимался агитацией и пропагандой о предстоящем свержении Соввласти, имел связи с б. б. офицерами и анти-советски настроенными лицами, для чего собирал под видом пикника и национальных осетинских праздников «собрания» бывших белых офицеров» (Уголовное дело № 2817. Л. 305).

1 декабря 1927 г. был составлен акт о том, что Дз. В. Баев, вызванный для ознакомления по существу предъявленного ему обвинения, потребовал выдать ему уголовный и уголовно-процессуальный кодексы. После ознакомления с ними и со своими показаниями он отказался подписывать постановление предъявленного ему обвинения и протокол об окончании дела, «мотивируя это своей невиновностью и непричастностью к каким бы то ни было деяниям, направленным против существующего строя» (Уголовное дело № 2817. Л. 667).

Дз. В. Баеву вменялось в вину, что он, будучи «из дворян... б/б полковник Ген. Штаба старой и белой армии. В 1924 г. подвергался аресту и обыску за к-р деятельность среди офицерства Осетии... является активным деятелем по созданию «Комитета офицеров» и связующим звеном комитета с белогвардейщиной Нац. Областей... В том, что систематически проводил к-р агитацию среди населения и прощупывал настроение отдельных лиц для вербовки в организацию». В «Обвинительном заключении», при полном отсутствии вещественных доказательств, утверждалось, что Дз. В. Баев являлся «главным проводником идеи организации среди национальных областей (Осетии и Ингушетии)».

Согласно протоколу № 27/1 заседания Тройки при ПП ОГПУ СКК, созданной на основании предписания ОГПУ от 18 июня 1927 г. за № 75352 по внесудебному рассмотрению дел на обвиняемых в контрреволюции, шпионаже, белогвардейщине и бандитизме, от 11 января 1928 г., Дз. В. Баев был приговорен к заключению в Соловецкий концентрационный лагерь сроком на 10 лет (ст. 58, п. 11 УК РСФСР). 6 марта 1928 г. Дз. В. Баев был

этапирован на ст. Усольская Пермской ж. д., Вишерское отделение. В 1928 г. сад и мельница Дз. В. Баева были конфискованы и переданы в собственность колхоза.

В 1937 г. будет арестован и приговорен к расстрелу еще один из братьев Баевых — Андрей. В материалах его уголовного дела также будет отмечаться, что вместе с братом Дзандаром, который в 1921-1922 гг. работал в органах Наркомзема «ввиду поддержки разоблаченного Каменева», принимал активное участие в организации кабардинского восстания. Дз. В. Баев «был сослан за к/р деятельность на Соловки».

В справке от 25 января 1937 г. указывалось:

«В 3-ем Отделении УГБ УНКВД по СО АССР на формулярном учете состоит БАЕВ Гаппо (Георгий) Васильевич, 1868 года рождения, уроженец сел. Ольгинского Правобережного района СО АССР, по национальности осетин, с высшим юридическим образованием, бывш. городской голова города Владикавказа с 1905 года по 1917 год и с 1919 по 1920 годы. Эмигрировал с белыми за границу. С 1924 года живет в Берлине, доцент Берлинского Университета. Известен как злейший враг Советской власти, идеолог осетинской националистической контрреволюционной интеллигенции, блокировался с монархистами. Один из братьев БАЕВА Гаппо — Измаил, тоже с высшим образованием, находится также в белой эмиграции, ярый монархист. Второй брат его — Дзандар, б/полковник генерального штаба, активный деятель белой армии, бывший политбандит, неоднократно судился за организованную к-р работу, умер в ссылке в 1932 году».

Примечания

1. *Басиева З. М.* Алексей Баев и очерк «1812 год на Кавказе» // Известия СОИГСИ. 2012. Вып. 8 (47).

2. <http://pskovgrad.ru/pervaya-mirovaya-vojna/24304-baev-aleksey-vasilevich.html> (проверено 19.05.2014).

3. <http://regiment.ru/bio/B/421.htm> (проверено 19.05.2014).

С. М. Акачиева
(Карачаевск)

ОСНОВАТЕЛЬ РОДА АКАЧИЕВЫХ: ДАУТ МАГОМЕДОВИЧ,
УЧАСТНИК ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(из опыта составления семейной хроники)

Вот уже ряд лет (с 2002 по 2014 гг.) мы вплотную занимаемся исследованием и публикацией собранного материала по данной теме (заметки, интервью, очерки, научные статьи) сначала в г.Карачаевске, г. Черкесске (КЧР), потом в г.Нальчике (КБР), затем в г.Махачкале (РД) и г. Владикавказе (РСО-Алания), где находятся научные учреждения или центры РАН республик Северного Кавказа (СКФО), в которых также исследуют проблему — «Генеалогия народов Кавказа».Владикавказские публикации оказались самыми плодотворными: с 2009 по 2013 гг. появилось 5 выпусков научных сборников.

Данное сообщение будет носить обобщающий характер, так как завершает тему «Семейная хроника Акачиевых» для будущей книги о Дауте Магомедовиче Акачиеве.

Начало серьёзной и кропотливой работе над названной проблемой положила научная конференция в г. Нальчике в КБНИИ (ныне КБИГИ) КБНЦ РАН в 2004 г., где после выступления впоследствии была опубликована статья «Акачиевы: семейная хроника»[1,94-97].

Как мы уже отмечали, данное сообщение завершает рукопись будущей книги о родословной Д.М. Акачиева. Хочется отметить и то, что у нашего деда есть теперь не только внуки — я и мои двоюродные братья и сёстры по материнской линии, но и достойные его имени правнуки, праправнуки, в т.ч. пятое колено, например, Акачиев Даут носит имя деда и учится в 9-м классе СОШ№1 г. Карачаевска им. Джатдая Байрамукова, кавалера георгиевских крестов.

Молодой учёный-историк Ш.М. Батчаев издал книгу «Карачаевцы в войнах России». «Опираясь на архивные документы, публикации в периодической печати того времени, воспоминания

нения участников боевых действий и труды коллег-историков, автор монографии воссоздаёт историю боевого содружества карачаевцев и представителей других кавказских народов с русскими солдатами и офицерами, плечом к плечу сражавшихся с внешним противником в период со второй половины XIX в. до падения империи в 1917 году. Книга адресована специалистам, занимающимся историей народов Кавказа, а также широким кругам читателей, интересующимся данной тематикой» (из аннотации к книге Ш. М. Батчаева) [2].

В этой книге достойное место занимают наши земляки, участники Первой мировой войны. Здесь речь идёт об участниках 3-ей Баталпашинской сотни Черкесского полка, о всадниках Кавказской туземной конной дивизии, здесь же помещена фотография моего деда и его сослуживца (из личного архива С. М. Акачиевой) — прапорщика М.-Г. Крымшамхалова. Д. Акачиев, всадник Баталпашинской сотни, погиб в одном из жестоких боёв, а М.-Г. Крымшамхалов, дослужив до чина полковника при царской России, доживал отпущенные судьбой дни на чужбине — во Франции, под Парижем.

Оба они были в числе многих добровольцев из Большого Карачая (а. Картджурт), сражавшихся вместе с кубанскими казаками против общего врага.

Об этом отмечено и в нашей статье «Краснодарские страницы Даута Акачиева» («Ратная доблесть кубанских казаков и горских народов в годы Первой мировой войны») [3,31-38], написанной по следам поездки в г. Краснодар (2006). Сюда казачьим атаманом, генералом В. П. Грозовым, были приглашены потомки тех, кто сражался за Россию в Кавказской Туземной конной дивизии. В нашу правительственную делегацию из КЧР входили представители республики, дети, внуки, близкие родственники тех, кто сражался с врагом в легендарной дивизии в годы Первой мировой войны. В т.ч. были и мы — я и учёный-историк Ш. М. Батчаев, бизнесмены, организаторы семейных сходов и казаки КЧР во главе с бывшим атаманом Баталпашинского отдела Кубанского казачьего войска П. П. Запорожцем. На мероприятии было много работников СМИ.

Нашей статьёй заинтересовалась представитель Международного Издательского дома «ЛАП Ламберт» (общественная Академия Германии), редактор Вероника Харсенока. По электронной связи она прислала письмо с предложением опубликовать мой материал — книгу о моём деде Д. М. Акачиеве. К сожалению, по объективным и субъективным причинам, мы не смогли вовремя послать рукопись.

Некоторые статьи сопровождалась различными материалами в виде Приложений, где были таблицы и схемы различных форм и сложности. В нисходящей таблице родства и др. выделяются такие, как «Родословная таблица потомков Магомеда Акачиева (отца Д. М. Акачиева)» (Приложение №1) в статье «Махачкалинские страницы семьи Акачиевых» [4,23-28].

Первая таблица к статье «Акачиевы: семейная хроника» (Акачиева, 2004) (г. Нальчик) называлась «Родословная таблица Даута Акачиева». Следующая табл. — Приложение №1 и №2: «Поколенная роспись рода Даута Акачиева» (с 1864 г.); схема «Женская половина семьи Акачиевых» — к статье «Слово о семье Акачиевых (на примере женщины-горянки)» (г. Владикавказ, 2009 [5,17-26]). В табл. (доп.) — «Поколенная роспись рода Даута Акачиева (с 1864 года)» и в др. статье «Из истории рода Акачиевых» (Нальчик-Москва, 2007 г.). В ней дана краткая биографическая справка каждого члена семьи, названного здесь, например: «Даут Акачиев — г.р. не установлен, обр.?, уроженец с. Кумух РД, лакец, проживал в ауле Куртджурт КЧР, был женат на Хубиевой Байдымат, имел пятерых детей, всадник 3-ей Баталпашинской сотни Кавказской туземной конной дивизии (Дикой) во время Первой мировой войны, награждён Георгиевским крестом в 1915 г., также представлен к Георгиевской медали в том же году, погиб в 1916 г., — ? похоронен в а. Куртджурт»[6, 66-74].

В статье «Махачкалинские страницы семьи Акачиевых» перечисляются все наши исследования и называются те исследователи и информаторы, которые так или иначе приложили свои усилия в раскрытие с разных точек зрения этой проблемы. В Приложении №1 была использована обновленная «Родослов-

ная таблица потомков Магомед Акачиева (отца Даута Акачиева) [4, 23-28].

Нашими информаторами явились и являются близкие и дальние родственники Даута Магомедовича: мои двоюродные сёстры, его внуки и правнуки и др. Это Фатима Каландарова, Аписат Кузнецова, Миясат Будаева, её дочь Аминат Рамазанова, Тамара Акачиева, Мадина Акачиева, Даут Алиев и др.

Фамильные сходы родственников — одна из форм нашей работы. Они проходили в г. Махачкале (Республика Дагестан), в городах Карачаевске и Черкесске и в Малокарачаевском районе, село Учкёкен (Карачаево-Черкесская Республика), где проживают родные племянники, а также дети моих двоюродных сестер, внуки, правнуки и праправнуки Д. Акачиева, с привлечением родственников и со стороны моей бабушки — Б. Хубиевой (из атаула «Ходжалары»).

В 2005 г. все они собирались в Махачкале, в доме Аминат Рамазановой, дочери моей двоюродной сестры Миясат Будаевой, которая со своим супругом Магомет-Тагиром переехали к ней из г. Буйнакск. В сходе принимали участие и родные племянники нашего деда — Даута Акачиева — Даут Алиев и Фатима Каландарова. В Махачкале проживает и семья Сеидгусейновых — Фариза (дочь другой моей двоюродной сестры — Аписат Кузнецовой, проживающей в г. Карачаевске). Об этом сходе написала известный журналист Миясат Щурпаева, сначала в газете «Илчи», а затем в своих новых книгах, т.к. она, как и мой дед, уроженка с. Кумух РД, лачка.

В 2014 г. 06.03. в г. Карачаевске — 1, в доме дружной семьи Кузнецовых (Аписат Кузнецова — моя двоюродная сестра, её мать Асли Акачиева, была старшей дочерью деда Даута), также проходил сход. У Аписат четверо детей, 10 внуков, 6 правнуков.

Такой же сход был проведён 14.06.2014 г. в доме Ибрагима Акачиева (сына моего двоюродного брата Абрека, умершего в 2012 г.), поводом послужила встреча («курманлык») отслужившего в армии его сына — Тамерлана Акачиева (он выпускник Российского социального университета, факультет «Финансы

— кредит, Финансы — менеджмент», г. Москва). У Ибрагима трое детей. Они праправнуки деда Даута Акачиева.

Малый сход проводился и в г. Черкесске 27.03.2014 г., где проживает семья другой моей двоюродной сестры — Т. Акачиевой — Катчиевой. Её отец — Магомет Акачиев — ушёл на фронт в первые же дни Великой Отечественной войны, он был политруком, сражался в боях за Армавир, Новороссийск... Об этом и о его младшем брате Хасане Акачиеве, кадровом офицере, написал в своей книге д.и.н., проф., академик А.Д. Койчуев [7:27; 28-29]. Тамара — врач-терапевт, её супруг Ахмат — заслуженный строитель РФ. У них двое детей, 5 внуков. Сын и зять — строители.

Такие фамильные сходы помогают при составлении родословных таблиц, схем, уточняются сведения из жизни рода. Этот материал собирается мною с 2002 года. «Мы хотим предложить новую форму — смешанную таблицу восходящего родства для составителя — в данном случае — Софыи Акачиевой, которая будет охватывать 4 поколения» (см. сб. статей «Генеалогия народов Кавказа». Вып. IV. — Владикавказ) [8, 13-19].

В текущем году исполняется 100 лет со дня начала Первой мировой войны. Российское государство от внешних врагов защищали представители разных народов, некоторые из них за свою храбрость были представлены к георгиевскому кресту и медалям. Были и полные кавалеры георгиевского креста. Наш дед — Д. Акачиев — получил георгиевский крест и был представлен к георгиевской медали, но успел ли он её получить, никто не знает...

В этом году во многих вузах и научных учреждениях проводятся конференции, посвященные 100-летию Первой мировой войны. Мы рады своему очному (и заочному) участию в этих форумах (в г. Махачкале, г. Владикавказе), так как нами подготовлена рукопись будущей книги «О родословной Даута Магомедовича Акачиева», основу этой книги составят избранные статьи в сборниках в КБР (г. Нальчик), РД (г. Махачкала), РСО-Алания (г. Владикавказ) и др. (с 2004 по 2014 гг.). Для этой книги необходимо откорректировать таблицы и схемы к некоторым статьям,

чтобы внести изменения, которые произошли в жизни разных поколений рода Акачиевых.

Нами составлен и альбом о роде Акачиевых. Так, у А.М. Доюнова, заслуженного учителя КЧР опубликована 5-я книга под названием «Мы из Карт-Джурта» (о фамильном роде Доюновых) — Черкесск, 2010. И нам захотелось, по аналогии, назвать альбом в память о деде Дауте — «Мы из села Кумух» (о фамильном роде Акачиевых).

Хотелось бы отметить, что мне, филологу, в ходе работы по этой проблеме, приходилось осваивать раздел исторической науки — генеалогию. В этом мне помогали историки, изучающие генеалогию: А. Максидов (г. Нальчик, КБИГИ), а после его смерти — зав сектором генеалогии И.-Б. Марзоев (г. Владикавказ, СОИГСИ) и историки нашего университета (г. Карачаевск, КЧГУ им. У.Д. Алиева): к.и.н. Ш.М. Батчаев (ныне сотрудник РГУ «Госархив КЧР»), декан истфака М. Кубанова, Л.А. Аджиева и др.

Сейчас, в год столетия начала Первой мировой войны, мы надеемся издать накопленный нами материал отдельной книгой, в память о нашем дедушке и его сыновьях, которые (двое из них были офицерами Красной армии) не вернулись с фронтов Великой Отечественной войны (а 2015 — год 70-летия Великой Победы СССР (ныне РФ) над фашизмом) [9; 10; 11].

Нельзя не отметить актуальность темы, не позволяющей молодому поколению забыть свои истоки, героическое прошлое своих предков.

Литература

1. *Акачиева С. М.* Акачиевы: семейная хроника // Генеалогия Юга России: история и современность: Материалы всерос. науч. конф. Нальчик, 2004.

2. *Батчаев Ш. М.* Карачаевцы в войнах России (Вторая половина XIX века — начало XX века. М.: РепроЦентр М., 2005. 240 с.

3. *Акачиева С. М.* Краснодарские страницы семьи Акачиевых // Генеалогия народов Кавказа. Традиции и современность: Вып. III. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2010.

4. *Акачиева С. М.* Махачкалинские страницы семьи Акачиевых // Генеалогия народов Кавказа. Традиции и современность: Вып. II. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2010.

5. *Акачиева С. М.* Слово о семье Акачиевых (на примере женщины-горянки) // Генеалогия народов Кавказа. Традиции и современность: Материалы междунауч. конф. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2009.

6. *Акачиева С. М.* Из истории рода Акачиевых [Текст] // «Генеалогия Северного Кавказа». №18: Материалы всерос. конф. «Исторические и генеалогические связи народов Северного Кавказа и России». Нальчик, 2007.

7. Вклад карачаевского народа в Победу в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.: Материалы науч. конф./Сост., науч. ред. А. Д. Койчуев. Черкесск-Карачаевск: КЧГУ, 2011.

8. *Акачиева С. М.* К родословной Даута Акачиева (Методика исследования темы) // Генеалогия народов Кавказа. Вып. IV. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2013.

9. *Акачиева С. М.* Семейный вклад в Победу над врагом: история одной трагедии // Народы Кавказа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Махачкала: Ин-т ИАЭ ДНЦ РАН, 2005.

10. *Акачиева С. М.* Офицеры Акачиевы: к 60-летию Победы // «Генеалогия Северного Кавказа». №13. Нальчик, 2005.

11. *Акачиева С. М.* История рода Акачиевых (поиски, находки, новые публикации) // Генеалогия народов Кавказа. Традиции и современность. Вып. V. Сб. статей ФГБУН Сев.-Осет. ин-т гум. и соц. исслед. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2013.

РАЗДЕЛ III
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ И ГРАЖДАНСКИЕ
ИНИЦИАТИВЫ НАРОДОВ КAVKAZA В ГОДЫ ПЕРВОЙ
МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Н. Х. Дзагурова
(Владикавказ)

ЖЕНСКАЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ ВО ВЛАДИКАВКАЗЕ
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В данной статье предпринята попытка анализа деятельности женщин г.Владикавказа в помощь фронту, их забота о семьях военных, пожертвования раненым и уход за ними в годы Первой мировой войны. История российской благотворительности, не являвшаяся предметом специального изучения до 1990-х годов, сейчас привлекает интерес многих исследователей.

Заметно вырос научный интерес к проблемам изучения истоков, содержания и эволюции милосердной и благотворительной работы в России, а также вклад провинций в это благородное дело. Изучение этой проблемы в историческом плане позволяет уяснить и восстановить главные направления милосердной и благотворительной деятельности в годы войны. В современных условиях жизни нашего общества милосердие необходимо осознать как актуальную духовную, нравственную и социальную ценность.

Первая мировая война обнажила множество социальных проблем, в том числе связанных с организацией своевременной медицинской и финансовой помощи раненым и поддержкой их семей. Ярким примером подвижничества, самопожертвова-

ния, мужества в тяжелейших условиях войны являлись сестры милосердия. Многие женщины продемонстрировали всему обществу необходимость оказания помощи стране в трудные военные годы. Общество активизировалось в делах благотворительности: под госпитали стали отдаваться особняки, многие представительницы высшего света, и не только, пробовали себя в качестве сестер милосердия, оказывалась финансовая поддержка пострадавшим от войны со стороны всех слоев населения.

Многие женщины стали работать в больницах и лазаретах в качестве сестер милосердия и активно занимались благотворительной деятельностью. «Возбудив ходатайство объ учрежденіи въ гор. Владикавказѣ сокращенныхъ шестинедѣльныхъ курсовъ для подготовки сестеръ милосердія, Владикавказское Мѣстное Управленіе Россійскаго Общества Краснаго Креста объявляетъ, что прошенія о зачисленіи на курсы принимаются дѣлопроизводителемъ управленія Я.А. Розенбергомъ въ Атаманскомъ домѣ ежедневно отъ 9 до 2 часовъ дня. Въ виду многочисленности желающихъ, приѣмъ на первые курсы будетъ предоставленъ лицамъ въ возрастѣ отъ 18 до 40 лѣтъ, христіанскаго вѣроисповѣданія, русскимъ подданнымъ, хорошаго образованія и здоровья, по предварительномъ испытаніи въ особой комиссіи» [1].

Во Владикавказский местный Комитет поступали частные пожертвования: «отъ Ан. Сергѣевой — 90 коп.; отъ генеральши Громовой — раненымъ и больнымъ воинамъ — 167 книгъ; отъ г-жи Велецкой ранен. и больн. — рубахъ бѣлыхъ польскаго полотна — 12 шт.; отъ З.П. Борисовой ран. 12 холщевыхъ простынь 12 шт.; отъ Дом. Бор. Минкиной ран. рубахъ 6 шт., кальсонъ 6 шт.; отъ Лукеріи Митрофановой ран. 6 руб.; г-жи Визгаловой ран. кальсонъ 2 пары и 2 руб.; М.У. Долговой больн. и ранен.: драповое пальто на ватѣ 1, брюкъ 2, полотенецъ 6, рубашекъ полотн. 10, башлыкъ 1, кальсонъ вязан. 4, фуфаякъ 2, носковъ 2 пары, наволочка 1, тряпки и чахолъ 3; отъ генеральши Чернышевой разныя вещи; отъ Надежды Павл. Штейнгель дѣтскихъ платьевъ 7, юбочка 1, рубашка 1» [2].

Исследуемая тема созвучна с современностью. Последние годы многие граждане России столкнулись со сложными, иногда разрушительными явлениями: религиозный экстремизм, социально-экономическая нестабильность, национализм, война в Чечне, криминализация всего уклада жизни, бедность, нищета. Многие испытывают потребность в поддержке, участии и помощи окружающих. Именно поэтому сегодня важно восстановить всю систему как социальной помощи государства лицам, в ней нуждающимся, так и понять особенности милосердной и благотворительной работы различных общественных учреждений, церкви и частных лиц. Они были сосредоточены на организации помощи раненым и больным воинам, инвалидам войны и членам их семей. Милосердие и благотворительность имеет свои организации, но важнейшие составляющие этого благородного дела тесно связаны с духовными традициями, с закрепившимся в общественном сознании пониманием полезности благотворительности и сострадания нуждающимся. «Благотворительный вечер. 100-лѣтіе Владикавказскаго осетинскаго прихода.

Какъ извѣстно, въ текущемъ году, осенью, исполняется 100 лѣтъ со времени основанія Владикавказскаго осетинскаго церковнаго прихода и церкви во имя Рождества Пресвятыя Богородицы. Къ этому времени приходъ готовится отпраздновать скромно свой вѣковой юбилей.

Взамѣнъ праздника. Мѣстное осетинское общество ежегодно, 17 августа, устраиваетъ праздникъ подъ названіемъ «Хуцау дзуаръ».

Въ этотъ день, послѣ церковнаго Богослуженія, осетины съ крестнымъ ходомъ отправляются за городъ, въ мѣстность около кирпичныхъ заводовъ, гдѣ заранѣе приготавливается «кувд» (общая трапеза), устраиваемый слобожанами-осетинами въ складчину.

Въ текущемъ году, въ виду переживаемыхъ событій, по предложенію священника о. Х. Цомаева, «кувд» этотъ былъ отмѣненъ и вмѣсто него было рѣшено сдѣлать посильныя пожертвованія на военныя нужды. Кромѣ того, послѣ литургіи былъ отслуженъ молебенъ о ниспосланіи побѣды россійскому воинству» [3].

Первая мировая война принесла немалые бедствия и трудности, особенно тем, кто лишился близких, крова и надежды. Вызов военному насилию был сделан российским обществом в форме повсеместного милосердия и благотворительной деятельности. Осетия всегда была в гуще всех событий, происходивших в России во все времена. В эти сложные времена маленькая Осетия внесла свой посильный вклад посредством разных благотворительных и государственных органов в оказании помощи людям, воевавшим на фронтах и нуждающимся в помощи в тылу. «Председательница Мѣстнаго Комитета Краснаго Креста Н.Я. Флейшеръ извѣщаетъ всѣхъ желающихъ и уже изъявившихъ свое согласіе принять участіе въ работахъ какъ личнымъ трудомъ, такъ и пожертвованіями въ пользу раненыхъ и семействъ призванныхъ въ дѣйствующую армію, что выдача работъ и распредѣленіе послѣднихъ, а также пріемъ пожертвованій производятся ежедневно съ 10 час. утра до 2-хъ час. дня въ домѣ Наказнаго Атамана.

Ни суммой, ни количествомъ жертвуемаго просятъ не стѣснятся; все принимается съ глубокою благодарностью.

Председательница комитета Н. Флейшеръ.» [4].

Уже 22 июля 1914 года Начальник Терской области обращается к Государю Императору о призвании на действительную службу запасных на защиту родины [5].

Забота о семьях военных, пожертвования на раненных и уход за ними, содействие со стороны, кто чем может, составлял долг каждого человека в эти годы. В воззвании ко всем гражданам области администрация Терской области просит учредить Особый Местный Комитет попечения о больных и раненых воинах и для оказания помощи семьям призванных в войска [6]. Начальник Терской области обращаясь к жителям Владикавказа, писал, «здѣсь на мѣстѣ остается много неимущихъ женъ и дѣтей, нуждающихся въ немедленной и непосредственной нашей помощи, мы должны помнить, что широкое и щедрое участіе населенія въ судьбѣ этихъ существъ есть въ то же время лучшая награда тѣм, которые въ данную минуту сплотились на полѣ брани за честь нашей Родины и которые, сознавая о томъ, что

близкіе имъ люди не оставлены безъ нашего братскаго участія, несомненно будутъ переживать чувства глубокаго удовлетворенія и той, именно, поддержки, о которой въ теченіе этихъ дней мы неоднократно уже заявляемъ и въ уличныхъ манифестаціяхъ и на страницахъ печати» [6].

Под особымъ попеченіемъ Комитета были дети, отцы которыхъ были призваны по мобилизации, больныхъ и раненныхъ воиновъ, оказывая материальную и моральную поддержку, наряду с обязательнымъ призреніемъ.

Особое место в деле поддержанія семей, призванныхъ на войну, занимала Городская дума, которая с начала войны выделяла на нужды общественнаго призренія пожертвованія. В местной хронике писалось, что на экстренномъ засѣданіи Дума предложила ассигновать средства на нужды больницъ 5000 р., Краснаго креста 1000 р. и помощь семьямъ запасныхъ 4000 р. [7]. В «Бюллетень Комиссіи Владикавказской Городской Думы по призрѣнію семей запасныхъ и ратниковъ» сообщалось: «26 августа поступило пожертвованій: отъ предсѣдателя правленія Владик. общ. взаимнаго кредита 3150 р., отъ правленія Владик. общ. взаимнаго кредита 491 р., отъ правителя канцеляріи начальника Терской обл.; отъ общ. приказчиковъ отъ спектакля, даннаго б авг. 140 р. 57 коп., отъ И. Я. Маевского 2 р. 26 к., итого 3783 р. 78 к., а всего съ преждепоступившими 8033 р. 52 к.

По 26 августа выдано: изъгородскихъ средствъ: а) пособій семьямъ служащихъ города, призванныхъ на военную службу, 723 р. 70 к., б) семьямъ запасныхъ, живущимъ въ городе 7932 р. Итого изъ городскихъ средствъ 8655 р. 70 к.

Изъ пожертвованныхъ суммъ: а) экстренныхъ пособій на выѣздъ изъ города иногороднимъ 472 р. 55 к., б) пособій на роды, похороны и дополнителън. экстренныхъ пособій 1782 р. 90 к., в) возвращено въ комитетъ, состоящій подъ предсѣдательствомъ г-жи Флейшеръ 82 р. 14 к.

Итого изъ пожертвованныхъ суммъ 2337 р. 59 к.

Всего 10993 р. 29 к.»

В дореволюционной Россіи благотворительность понималась и какъ попеченіе, призреніе о нуждающихся. В этой

деятельности активно принимало участие как государство, так и другие формы организаций, так как единой системы социальной помощи не было. Накануне Первой мировой войны существовало четыре типа благотворительных учреждений: государственные, общественные, частные и церковные. К государственным учреждениям относились те из них, которые устраивались и содержались за счет государственных казенных средств или специальных налогов и сборов с населения. Общественная благотворительность — это общества или учреждения, основанные на началах взаимопомощи, с участием частного акционерного капитала, за счет средств земств, имеющих общественный штат работников. Церковная благотворительность опиралась на церковно-приходские общества и попечительства. Частная благотворительность — это добровольная деятельность и пожертвования отдельных лиц по попечению и призрению нуждающихся. Но ни одна из благотворительных групп в России не существовала в чистом виде. Они работали в тесной взаимосвязи между собой.

В период войны объектом благотворительности оставались все группы нуждающихся, но на первый план выходило попечение о больных и раненых воинах, воинах-инвалидах и членах их семей, но основной формой российской благотворительности являлась благотворительность частная. Граница между общественной и частной благотворительностью не была четкой, в то же время частная благотворительность — это самостоятельное направление благотворительной деятельности, которое имело и имеет в России глубокие корни и традиции.

Выражалась частная благотворительность в самых разнообразных формах и методах: в сборе пожертвований, учреждении заведений попечительства и призрения, устройстве благотворительных обществ, союзов взаимопомощи и т.д. Меньше чем через месяц в «Терских новостях» сообщалось о пожертвованиях «В пользу семействъ запасныхъ. Владикавказское общественное собраіе ассигновало 1000 рублей на пособие семействамъ запасныхъ нижнихъ чиновъ, призванныхъ на дѣйствительную службу» [6]. Поступали и частные пожертвования

в редакцию «Терских ведомостей» на нужды Красного Креста и в пользу семейств запасных, от частных лиц: Воскресенского — 10 руб. от А.М. Кудрявцева — 5 руб., от М. Луценко — 100 руб., Ф. Сапина — 25 руб. которые сдавались под строгий отчет казначеям этих комитетов [8]. Это благородное дело не оставалось незамеченным. Практически каждый взнос комментировался в «Терских ведомостях». В этом же номере газеты была напечатана благодарность пожертвовавшим.

К началу XX века в России существовало более 2800 частных благотворительных заведений [9,86]. Мотивы благотворительной деятельности у отдельных частных лиц были самыми различными, но как правило, вытекали из религиозных, духовных и культурных традиций и установок. Причем этому придавалось большое значение. Министры должны были доводить до Высочайшего сведения о всех пожертвованиях, превышающих 10 тыс. руб.

К концу XIX в. в России насчитывалось более 14 тыс. благотворительных обществ и заведений, из них 6835 принадлежали МВД. После земской реформы 1864 г. и городской реформы 1870 г. обязанности приказов общественного призрения перешли к земским и городским органам самоуправления [10,33-34]. После реформ 60-70-х гг. XIX в. в результате децентрализации дела призрения в России возникла довольно сложная система социального обеспечения нуждающихся, которая характеризовалась отсутствием организованной и централизованно финансируемой системы помощи бедным, а в случае бедствий и войн, — пострадавшим от них. Это компенсировалось деятельностью особых благотворительных фондов, комитетов и обществ, созданных под эгидой членов императорского дома Романовых, широкой сетью общественных и ведомственных организаций и многочисленных частных учреждений благотворения.

Деятельность общественных организаций в период войны находилась под пристальным надзором и контролем правительства, в первую очередь, Министерства внутренних дел. Их отношение к общественной активности в деле оказания помощи армии и жертвам войны было двойственным. С одной сто-

роны, в период войны в русле политики «внутреннего мира» государственные организации, в том числе и МВД действовали в союзе с общественными силами в деле оказания помощи пострадавшим от войны. Таким образом, в период Первой мировой войны, с одной стороны, были объединены усилия государства и общества в деле оказания помощи пострадавшим от войны, с другой, — политическое противостояние и социальная напряженность, усилившиеся в ходе войны, мешали плодотворности милосердной и благотворительной работы.

С началом войны процесс возникновения новых благотворительных организаций активизировался, причем в основном образовывались общества, имеющие цели оказания помощи раненым и больным воинам, членам их семей, для сбора вещей и подарков воинам и т.п. Особенностью этого широкого благотворительного и милосердного движения было участие всех слоев общества, но бросается в глаза особая активность высших сановных лиц, чье участие придавало обществам весомость, авторитет и поддержку со стороны правительства.

«Во всѣхъ городахъ Россійской Имперіи идетъ дѣятельная работа по организаціи помощи семействамъ воиновъ и самимъ больнымъ и раненымъ воинамъ. Изъ телеграммъ видно, что въ этомъ святомъ дѣлѣ принимаютъ участіе и земскія, и городскія, и другія общественныя организаціи. Несутъ свою посильную лепту и частныя лица.

Можно съ полнымъ правомъ сказать, что пожертвованія льются рѣкой. У насъ, во Владикавказѣ, кромѣ уже существующихъ спеціальныхъ организацій по оказанію помощи воинамъ и ихъ семействамъ, какъ попечительства при городской управѣ и отдѣленія Краснаго Креста, возникла широкая общественная организація, ставящая своей задачей проявленіе особенно усиленной дѣятельности въ направленіи оказанія помощи семействамъ запасныхъ и въ особенности тѣмъ изъ нихъ, которыхъ призывъ на службу мужей застигъ въ далекихъ аулахъ и другихъ глухихъ мѣстахъ нашей области.

31 іюля, подѣ предсѣдательствомъ супруги Начальника Терской области и Наказнаго Атамана Терскаго казачьяго войска

Н.Я. Флейшеръ, состоялось собраніе этой новой организаціи, на которомъ постановлено:

1) Учредить въ г. Владикавказѣ мѣстный комитетъ для оказанія помощи семьямъ запасныхъ и пострадавшимъ на войнѣ отъ ея послѣдствій, о чемъ довести до свѣдѣнія Мѣстнаго Управленія на предметъ ходатайства передъ Начальникомъ области и Наказнымъ Атаманомъ въ порядкѣ § 22 устава Россійскаго общества Краснаго Креста.

2) Въ программу дѣятельности комитета включить: а) сборъ пожертвованій деньгами и вещами для помощи семействамъ нижнихъ чиновъ, призванныхъ на службу и задержанныхъ на ней по случаю войны, а также больнымъ и раненымъ воинамъ; б) сборъ пожертвованій предметами солдатскаго обихода, какъ-то: чай, сахаръ, мыло, табакъ, папиросы, письменныя принадлежности, книжки для чтенія и т.п. — для пересылки ихъ въ дѣйствующую армію; в) сборъ пожертвованій деньгами и матеріалами на изготовленіе въ открываемыхъ Комитетомъ мастерскихъ госпитальныхъ принадлежностей, какъ то: бѣлья, обуви, халатовъ, куртокъ и т. п. — для снабженія ими военно — санитарныхъ учреждений на театрѣ войны и г) попеченіе о больныхъ и раненыхъ воинахъ, эвакуированныхъ въ предѣлы Терской области.

3) Дѣйствія мѣстнаго комитета открыть немедленно по полученіи соотвѣтствующаго разрѣшенія, для чего, въ видахъ сбереженія времени, теперь-же приступить въ организаціоннымъ работамъ по выбору должностныхъ лицъ и распредѣленію между ними обязанностей.

Правленіе комитета избрано въ слѣдующемъ составѣ: председательница Н.Я. Флейшеръ, члены правленія: баронесса Е.П. Штейнгель, З.П. Пряслва, С.Д. Каландаришвили, Н.П. Жуковская и др.» [11,2].

Широкое распространение в период войны получила «ведомственная» благотворительность, то есть создание комитетов, обществ, ведущих благотворительную и милосердную работу по отношению к жертвам войны, в различных государственных учреждениях, министерствах, ведомствах. Каждое

благотворительное общество стремилось заручиться покровительством высших лиц или хотя бы их вниманием, но удавалось это далеко не всем. С разрешения Начальника Терской области, был учрежден Владикавказский комитет попечения о больных и раненых воинах и о «недостаточных семьях» лиц, призванных в войска.

Получить положительный ответ на просьбы о покровительстве могли надеяться общества, среди учредителей которых были известные люди, обеспечивающие обществу материальное содержание и определенную гармонию полезности его деятельности. Владикавказский комитет попечения о больных и раненых воинах и недостаточных семьях и о недостаточных семьях лиц, призванных в войска возглавила супруга Начальника Терской области и Наказного Атамана Терского казачьего войска Генерал-Лейтенанта Флейшера Нина Яковлевна Флейшер [б], в состав комитета вошли баронесса Е.П. Штейнгель, З.П. Пряслова, Н.П. Жуковская, С.Д. Каландарашвили и другие женщины, участвовавшие в благотворительных и попечительских обществах.

Как показало исследование, много внимания уделялось посещению лазаретов и госпиталей. В своих обращениях комитет указывал на то, что приветствует любую посильную помощь. «Предсѣдательница Мѣстнаго Комитета Краснаго Креста Н.Я. Флейшеръ извѣщаетъ всѣхъ желающихъ и уже изъявивших свое согласіе принять участіе въ работахъ какъ личнымъ трудом, такъ и пожертвованіями въ пользу раненыхъ и семействъ призванныхъ въ дѣйствующую армію, что выдача работъ на домъ, а также приѣмъ пожертвованій производятся ежедневно, кромѣ дней праздничныхъ, съ 10 час. утра до 2-хъ час. дня въ домѣ Наказнаго Атамана. Тамъ-же желающіе могутъ принять участіе въ работахъ по кройкѣ и шитью.

Особенно нужны для лѣчебныхъ учрежденій Краснаго Креста военнаго времени нижеслѣдующіе предметы и матеріалы, по возможности новые, не бывшіе въ употребленіи: мужское бѣлье, одѣяла, фуфайки, туфли, теплое платье, валенки и башлыки. Изъ пищевыхъ продуктовъ особенно желательны: чай, кофе,

сахаръ, крѣпкое вино (коньякъ, мадера, хересь), красное вино, консервы, галеты, сгущенное молоко, шоколадъ, какао, а также мыло, табакъ и папиросы.

Ни суммой, ни количествомъ жертвуемаго просяты не стѣснятыся; все принимается съ глубокою благодарностью.

Предсѣдательница комитета Н. Флейшеръ» [12].

Деятельность практически всех организаций находилась под благосклонным вниманием императорской семьи и щедро поощрялась. Общества, которые имели покровительство членов царской семьи или носили их имена, пользовались определенными преимуществами и льготами, поэтому многие частные благотворительные кружки и комитеты стремились удостоиться внимания членов дома Романовых.

Большой личный вклад в благотворительное и милосердное движение внесли деятели культуры. В течение всей войны благотворительные концерты и спектакли давали деятели искусства Владикавказа, активными участниками которых были женщины. В «Терских новостях» сообщалось о благотворительном вечере 30 августа в клубе Общества приказчиков. Давали пьесу на армянском языке, половина сбора от которой пошло в пользу «семействъ запасныхъ» [13]. Подобные акты благотворительности были проведены и другими национальными общинами. В газетах писалось, что устроенный местной еврейской общиной 24 августа вечер в пользу «семействъ запасныхъ» прошел с большим успехом как в художественном, так и материальном отношении. Средства от него были перечислены в благотворительные фонд помощи нуждающимся.

В период Первой мировой войны был накоплен уникальный, хотя и противоречивый, опыт оказания помощи жертвам войны. Изучение этого опыта представляется особенно актуальным сегодня, когда население России сталкивается с рядом ситуаций, требующих экстренной помощи людям не только со стороны государства, но и от общественных организаций и частных лиц. Эффективности организации такой помощи и должно способствовать изучение исторического опыта российского милосердия и благотворения в период Первой мировой войны.

В советский период произошел резкий разрыв с традициями благотворительности и милосердия вообще. Сами эти понятия практически вышли из официального употребления и рассматривались как «пережитки прошлого». Была запрещена благотворительная деятельность даже религиозных организаций. Поэтому проблемы развития благотворительности и милосердия в России в советской историографии практически не затрагивались, даже в наиболее глубоких исследованиях, посвященных экономическим и социальным проблемам Первой мировой войны.

Изучению проблем благотворительности и милосердия препятствовала идеологическая установка на определение Первой мировой войны как войны империалистической, антинародной и не имеющей никакого положительного и, тем более, героического опыта.

Развитие частной благотворительности с первых дней войны сопровождалось случаями злоупотреблений, что, конечно, снижало доверие к ней со стороны населения. Тем не менее, нельзя не отметить тот огромный вклад, который они внесли в дело оказания помощи и поддержки пострадавших от войны. Образовавшиеся общества работали во Владикавказе на протяжении всей войны честно, с полной отдачей, поддерживая семьи участников войны, раненых и инвалидов.

Особенно ценным был вклад частной благотворительной инициативы в дело создания лазаретов для раненых и больных воинов в период, когда была острая нужда в увеличении количества коек в лечебных заведениях города. Местная хроника сообщала:

«Сборъ пожертвованій деньгами и матеріалами для изготавленія госпитальныхъ принадлежностей, какъ-то: бѣлья, обуви, халатовъ, куртокъ; туфель и т.п. для снабженія ими больныхъ и раненыхъ воиновъ.

Попеченіе о больныхъ и раненыхъ, эвакуированныхъ въ предѣлы Терской области.

Комитетъ приглашаетъ всѣхъ желающихъ принять какое-либо участіе въ его дѣятельности личнымъ трудомъ заявить

объ этомъ кому-либо изъ членовъ правленія. Пожертвованія деньгами и вещами, съ точнымъ обозначеніемъ назначенія, принимаются въ Атаманскомъ домѣ ежедневно отъ 10 час. утра до 2 час. дня. Денежные переводы по почтѣ надлежитъ адресовать на имя казначея Комитета Аделаиды Петровны Вуковичъ (Владикавказъ, Воронцовская ул. д. №15).

Всѣ пожертвованія, поступившія для какой-либо специальной цѣли, будутъ употреблены, согласно волѣ жертвователя, безъ всякихъ отступленій и для каждого желающаго убѣдиться въ этомъ всегда будутъ открыты приходо-расходныя книги съ оправдательными документами.

Правленіе комитета состоитъ изъ слѣдующихъ лицъ: Предсѣдательница Н.Я. Флейшеръ, члены правленія баронесса Е.П. Штейнгель, З.П. Пряслова, С.Д. Каландарашвили, Н.П. Жуковская и др.» [14].

В начале войны был максимальный уровень благотворительной инициативы, который был связан с подъемом патриотических настроений в обществе. Но по мере затягивания военных действий и неудач на фронте развитие частной благотворительности наталкивалось на ряд трудностей материального, морального и психологического характера. Без конца эксплуатировать народный патриотизм было невозможно, материальные и духовные резервы людей к благотворению быстро исчерпывались и обременялись повседневной борьбой за выживание в тылу и на фронте.

По мере обострения социальных противоречий в стране к 1917 г. русская благотворительность испытывала кризисные явления. Благотворительное движение так и не смогло стать скоординированным и динамичным, несмотря на все усилия, предпринятые государством с этой целью. Поэтому существовала постоянная необходимость привлечения для помощи пострадавшим от войны категориям населения различных форм общественной, частной и церковной благотворительности. В них в полной мере отразились народные мотивы милосердия и особенности проявления духовной атмосферы вокруг содержания и направленности социальной помощи нуждающимся, а

также раненым и больным воинам, находившимся на лечении во Владикавказе.

Благотворительная и милосердная работа плодотворно влияла на совершенствование помощи раненым и организации снабжения военных госпиталей всем необходимым. Такая работа не мыслима без глубокой внутренней убежденности в полезности помощи нуждающимся и страждущимся. Эта деятельность в период войны требовала не только большой личной самоотдачи, но и чувствительных затрат, некоторых ограничений, неудобств и даже лишений.

В период Первой мировой войны благотворительная работа в России всех слоев общества и государства достигла максимума, но в то же время ярко проявился главный недостаток существующей в Российской империи социальной защиты — отсутствие единой организационной государственной системы помощи, в том числе жертвам войны. И уже в начале войны была поставлена задача исправить этот недостаток. С этой целью 11 августа 1914 г. был учрежден Верховный Совет по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. Его возглавила императрица Александра Федоровна. Верховный Совет осуществлял координационную деятельность по объединению усилий благотворительных организаций по всей стране. Он оказывал финансовую помощь благотворительному движению, направленному на оказание социального попечения и призрения семьям тех, кто воевал на фронтах войны. Однако в полном объеме осуществить эти задачи Верховный Совет не смог. Множество мелких местных организаций оказалось вне поля деятельности Совета, не подчинялось ему и не присылали своих отчетов.

В последнее десятилетие наблюдается устойчивый интерес как к истории благотворительности и милосердия в России в целом, так и к отдельным видам и направлениям благотворительной работы. В них прослеживаются истоки, этапы развития и мотивы благотворительности в российской культуре, определяются понятия милосердия и благотворительности.

Следует отметить, что некоторые стороны проблемы оказа-

ния благотворительной помощи пострадавшему от войны населению рассматриваются в рамках изучения различных аспектов Первой мировой войны.

Отношение к благотворительности в настоящее время неоднозначно, а зачастую и полярно. Позитивное отношение основывается на том, что поддержку нуждающимся зачастую не способны оказать государство и власть. И не надо забывать о том, что благотворительность и милосердие развивают культуру добровольных инициатив, способствуют формированию активной гражданской позиции.

Негативное отношение основывается на мнении, что благотворительность и милосердие не приносят никакого блага обществу, и оскорбительны для человеческого достоинства.

В целом, результаты социологических исследований позволяют сделать вывод: одной из причин нравственного кризиса, в котором мы оказались сегодня, является разрушение системы благотворительной деятельности, имевшей в нашей истории и культуре богатые традиции. Сегодня мы привыкли чаще думать и заботиться о себе, чем о других, а, как показывает опыт, гуманность и милосердие нужны нам как показатель нашего нравственного здоровья.

Примечания

1. Терские ведомости. 1914. №160. 25 июля.
2. Терские ведомости. 1914. №185. 28 августа.
3. Терские ведомости. 1914. №1178. 19 августа.
4. Терские ведомости. 1914. №169. 6 августа.
5. Терские ведомости. 1914. №158. 22 июля.
6. Терские ведомости. 1914. №159. 24 июля.
7. Терские ведомости. 1914. №160. 25 июля.
8. Терские ведомости. 1914. №177. 17 августа.
9. *Шапов Я. Н.* Благотворительность в дореволюционной России // Россия в XX веке: историки мира спорят. М., 1994.
10. Милосердие/Под ред. М. П. Мчедлова. М., 1998.

А.Ю. Чеджемов,
Э.Ш. Гутиева
(Владикавказ)

КАВКАЗСКИЙ ФРОНТ И ТЫЛ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (на примере Северной Осетии)

Первая мировая война по своим масштабам была несопоставима с предыдущими войнами, в которых принимала участие Российская империя. В ней принимало участие 38 государств, на территории которых проживало 1,5 миллиарда человек. На полях сражений встретились 70 миллионов человек, использовавших достижения человеческого гения в науке убивать – оружие массового поражения. Последствия этой войны были эпохальными и необратимыми для всего человечества. В войну вступило четыре великие Евро-азиатские империи — Россия, Германия, Турция и Австро-Венгрия. Ни одна из этих империй не вышла победительницей, более того, все они потеряли свой статус великих держав, и распались на отдельные государства.

Именно об этом прозорливо писал великий русский хирург Н.И. Пирогов в середине XIX века: «В будущих войнах при всех равных условиях победителем будет тот, у кого выше будет стоять санитарное дело, где благодаря этому сильнее, здоровее и выносливее будет его армия» [1,2].

Первая мировая война до сих пор остается малоизученным периодом в истории отечественной военной медицины, да и отечественной истории в целом [2, 4]. Определенную роль в этом сыграло отношение советской идеологии к войне, как к войне несправедливой, империалистической, исходя из марксистско-ленинского определения характера войн.

По инициативе деятелей Красного Креста во время Первой мировой было опробован метод профессора В.А. Опделя об этапном лечении больных и раненых, получила широкое развитие специализированная медицинская помощь, были созданы подвижные хирургические и рентгеновские отряды, раз-

ветвленная сеть изоляционно-пропускных пунктов, мощный и хорошо оборудованный железнодорожный санитарный транспорт, система банно-прачечного обслуживания войск, введены походные дезинфекционные камеры, обязательные прививки против брюшного тифа и холеры, получил широкое применение санитарно-автомобильный транспорт, заложены основы оказания медицинской помощи, эвакуации и лечения военнослужащих, пораженных боевыми отравляющими веществами и т.п. [3, 5].

В годы Первой мировой войны организация помощи раненым предоставлялась Всероссийскому земскому союзу. Во всех крупных помещениях Владикавказа, начиная с 1914 года, стали открываться госпитали. В этих целях оказались задействованными здания Терской войсковой семинарии и Осетинского учительского института. Именно в условиях Первой мировой войны, во всех крупных помещениях Владикавказа, начиная с 1914 года стали открываться госпитали. В этих целях оказались задействованными здания Терской войсковой семинарии и Осетинского учительского института. Медицинские общества оказывали помощь всем нуждающимся и вносили свой вклад в развитие военной медицины и здравоохранения региона.

Организационное построение системы военной медицины в Терской области осуществлялось на основании циркуляра окружного военно-медицинского управления о проведении санитарных мероприятий во время призыва и подвижных врачебных комиссий для освидетельствования больных и раненых. Изданные еще в 1882 году эти нормативно-правовые документы были обязательны для исполнения всеми губернаторами и начальниками областей Российской империи. Контроль за их исполнением возлагался на министра внутренних дел Российской империи [4].

Согласно существовавшим в те годы врачебным правилам поступавшие на лечение люди должны были подвергаться телесному осмотру с применением термометрии. На каждого пациента заводился так называемый маршрутный лист (аналог современной истории болезни) в котором отмечались все по-

казатели, характеризующие физическое состояние пациента. В случае выявления либо подозрения на заразное заболевание врач должен был незамедлительно подать об этом рапорт в полицейский участок. Каждый месяц составлялись отчеты о движении больных по специальной форме. В них отражались такие количественные показатели, как число заболевших, выздоравливающих, излечившихся и умерших. В конце каждого календарного года составлялись ежегодные отчеты [4,5].

К 21 ноября 1914 года во Владикавказе и Моздоке действовало более двух десятков медицинских учреждений, используемых в качестве госпиталей. В них работали врачи и сестры милосердия, санитары, иной обслуживающий персонал, например возчики, истопники и т.д. Согласно приказу по военному гарнизону г. Владикавказа были сформированы врачебные комиссии для освидетельствования больных и раненых [5].

Так, например, в Моздоке под госпитали были оборудованы 5 медицинских учреждений – Моздокский местный лазарет, лазарет Моздокского комитета Красного Креста, Армянский благотворительный лазарет, Лазарет общества взаимного кредита, городской лазарет [5, 76].

Согласно приказу командующего Владикавказским гарнизоном генерал-майора Степанова на территории современной Северной Осетии, т.е. в городах Моздоке и Владикавказе, образовывался единый Кавказо-Романовский тыловой эвакуационный пункт основной задачей которого объявлялась обеспечение успешной деятельности военных госпиталей в целях лечения «больных и раненых во время войны» [5,84].

Таким образом, совершенно правильно подразделялись пациенты госпиталей на раненых на полях сражений и заболевших во время несения воинской службы. Хотя, здесь следует оговориться в отношении того, что никаких ущемлений ни в обеспечении медикаментами, ни каких либо лечебных процедурах нами в архивных источниках выявлено не было.

Данное подразделение больных было вызвано, скорее всего, соображениями медицинского характера, в частности формой организации лечения. Раненым, в основном, требовалась хи-

ругическая помощь, а заболевшим терапевтическая помощь, а в некоторых случаях заболевания инфекционными заболеваниями соблюдение карантина.

Следует отметить и такую часть организационного построения врачебной помощи раненым, как оплата со стороны государства волонтерам-медикам. За время участия в составе подвижных врачебных комиссий врачи, состоящие на правительственной, гражданской, земской, общественной службе и вольно-определяющим получали от государства солидное денежное вознаграждение.

Все вышеперечисленные категории врачей за исключением вольноопределяющихся получали 3 рубля в сутки, а вольноопределяющиеся 5 рублей. Помимо этого им полагались суммы «на три лошади» и проездные на железнодорожном или водном транспорте.

Данные выплаты должны были осуществлять губернаторы или начальники областей Российской империи на основании циркуляра министра внутренних дел Российской империи. Очевидно, что для нужд госпиталя и в его стенах происходила подготовка сестер медицинского милосердия. Эта профессия сочетала в себе социальную волонтерскую деятельность с владением определенных медицинских навыков, требующих простейших медицинских знаний.

Во время Первой мировой войны в госпиталях Терской области содержались и проходили лечение турецкие военнопленные. Так, в архивном деле имеются сведения о 2-х пациентах, выздоровевших от возвратного тифа. Помимо этого приводятся данные о 47 выздоровевших нижних чинах, 10-ти выздоровевших турецких военнопленных, 3-х излечившихся сестер милосердия, 5-ти служителей и 2-х служанок. (Список за 25 марта 1915 года, который составлен врачом Терского областного комитета Виноградовым).

Расквартированные на территории современной Осетии воинские подразделения – полки, в своем штате должны были иметь приемные отделения. В случае необходимости подобные лазареты укрупнялись.

Медицинские учреждения, а в их отсутствие органы полиции, либо старосты селений, или избранные сельским собранием ответственные лица, начиная с 1 дня заболевания должны были представлять руководству семидневный отчет в виде специальной ведомости. Позднее, в начале войны семидневный отчет был заменен на пятидневный отчет. При выздоровлении больного необходимо было отражать это в отчете, а в случае смерти больного, представлять подлинные скорбные билеты, — так тогда назывались медицинские заключения о смерти, в окружное военно-медицинское управление.

Данный документ подписали военно-медицинский инспектор Реммерт, его помощник Гаврилко и заведующий медицинской частью окружного военно-медицинского управления Гейдеман. Цитируемый циркуляр был размножен и принят к действию. Его неукоснительное соблюдение было поручено военно-медицинскому инспектору Рудинскому и начальнику отдела Лебедеву.

Задачи медицинского обслуживания населения в городах Владикавказе и Моздоке входили в обязанности городского общественного управления, остальные населенные пункты напрямую подчинялись соответствующему комитету Терской области.

Таким образом, следует признать успешной деятельность как постоянно действующих, так и временных комиссий и санитарных бюро во главе с санитарным врачом в деле борьбы с инфекционными заболеваниями. Городские власти совместно с полицейскими и медиками строго наблюдали за чистотой на базарах и площадях, на которых складывались и реализовывались продукты питания. Домовладельцы обязывались осуществлять чистку придомовой территории, тротуаров, уличных канав, дворов, отхожих мест и помойных ям. Все это помогало обеспечить надежный тыл во время войны. Это не осталось незамеченным. В Осетию отправился сам царь.

4 декабря 1914 года императора Николая II встречали на железнодорожном вокзале Владикавказа депутаты дворянства, горожан, Терского казачьего войска и горских народов. Среди встречавших были начальник Терской области и на-

казной атаман Терского казачьего войска, генерал-лейтенант С.Н. Флейшер, впоследствии один из лидеров белого движения на Кавказе, архиепископ Владикавказский и Моздокский Антонин, в годы советской власти один из адептов обновленчества и «Союза церковного возрождения, автор ряда церковных исследований, начальник Владикавказского военного госпиталя Н.Г. Гаусмянц и другие.

Высокому гостю поднесли по русской традиции хлеб-соль и по осетинской традиции три начинённых невыдержанным сыром пирога и чашу с пивом. Царь, не в первый раз ступал ногой на владикавказскую землю. Будучи цесаревичем, Николай Александрович сопровождал своего отца императора Александра III в ходе пребывания во Владикавказе в ноябре 1888 года. Да и почетная чаша с пивом императору была не в новинку. Таковую же серебряную чашу подарила ему осетинская депутация во главе с Г.В. Баевым во время празднеств 300-летия правящего дома Романовых в 1913 году.

Однодневное пребывание царя во Владикавказе было весьма насыщенным, он побывал на торжественной литургии в кафедральном соборе, где ему был преподнесен памятный подарок — икона Георгия Победоносца, особо чтимого в Осетии святого. Он также выступил на заседании Терского Войскового Казачьего Круга, посетил кадетский корпус, преобразованный в госпиталь и посетил Владикавказский центральный военный госпиталь, созданный еще до преобразования крепости Владикавказ в город (1861 г.).

В этом госпитале Н.И. Пирогов впервые применил наркоз в 1847 году и заложил основу научно-практическим конференциям, проводившимся в 1848-1917 годы. Конференции хирурги госпиталя благоговейно называли Пироговскими чтениями [6,70].

Вечером того же дня царь поездом выехал в Ростов-на-Дону.

Примечания

1. *Пирогов Н.И.* Начало общей и военно-полевой хирургии, взятые из военно-госпитальной практики и воспоминаний о Крымской войне и Кавказской экспедиции. М.-Л., 1991., Ч. 1.

2. *Сорокина Т.С.* История медицины: учебник для студентов высших медицинских учебных заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2004.

3. *Чистяков О.В.* Организационное устройство и деятельность Российского общества Красного Креста в годы Первой мировой войны. Автореф. дисс. канд... ист. наук. М., 2009.

4. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (в дальнейшем ЦГА РСО-Алания). Ф. 161.Оп.1. Д. 151. Циркуляры окружного военно-медицинского управления. 1882-1883гг.

5. ЦГА РСО-Алания. Ф. 161.Оп.1. Д. 74.

6. *Дзуцев В.Н.* Владикавказ и его люди. Владикавказ, 2011.

А. Ю. Чеджемов
(Владикавказ)

ВОЛОНТЕРСКАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ

В 1929 году нарком здравоохранения СССР профессор Н.А. Семашко в беседе с профессором Л.С. Каминским, характеризуя Первую мировую войну и ее значение для истории медицины, писал о том, что эта война явилась трагической катастрофой в истории человечества, «катастрофой совершенно исключительной, как по размерам, так и по глубине, потрясшей до самых оснований социальные и биологические корни народов» [1].

Но именно на полях сражений этой войны вызрела идея международной помощи всем больным, раненым и беженцам, и это сегодня, во время возрождения надклассового гуманизма, по справедливой мысли О.В. Чистякова, приобретает особую практическую значимость [2, 4]. Изучение истории организации военной медицины, в том числе волонтерской, в деле спасения и оказания помощи раненым стоит по своей важности и актуальности в одном ряду с изучением других аспектов военных действий.

Великий русский хирург Н.И. Пирогов в середине XIX века писал: «В будущих войнах при всех равных условиях победителем будет тот, у кого выше будет стоять санитарное дело, где благодаря этому сильнее, здоровее и выносливее будет его армия» [3].

Но Первая мировая война до сих пор остается неизученным периодом в истории отечественной военной медицины, да и отечественной истории в целом [4].

Благодаря деятельности Красного Креста во время Первой мировой войны получила широкое развитие специализированная медицинская помощь, были созданы подвижные хирургические и рентгеновские отряды, разветвленная сеть изоляци-

онно-пропускных пунктов, мощный и хорошо оборудованный железнодорожный санитарный транспорт, система банно-прачечного обслуживания войск, введены походные дезинфекционные камеры, обязательные прививки против брюшного тифа и холеры, получил широкое применение санитарно-автомобильный транспорт, заложены основы оказания медицинской помощи, эвакуации и лечения военнослужащих, пораженных боевыми отравляющими веществами и т.п. [5, 5].

Вышеназванная проблема хорошо представлена в опубликованных источниках. Это Полное собрание законов Российской империи. — СПб., 1871. Т. 42. Отд. 1; Полное собрание законов Российской империи — СПб., 1876. Т. 48. Отд. 1; Полное собрание законов Российской империи. — СПб., 1881. Т. 54. Отд. 2; Сборник главнейших, касающихся деятельности РОКК законоположений и главнейших циркуляров Главного Управления названного общества — СПб., 1914; Положение о лечебных заведениях Российского общества Красного Креста военного времени. — СПб., 1912; Наставления для мобилизации учреждений общества Красного Креста военного времени. — СПб., 1912; Сборник штатов учреждений Российского общества Красного Креста военного времени. — СПб., 1912; Каталог предметов снаряжения госпиталя Российского общества Красного Креста на 200 кроватей на случай военного времени трех очередей. — Пг., 1913; Каталог предметов снаряжения этапного лазарета Российского общества Красного Креста на 50 кроватей на случай военного времени трех очередей. — Пг., 1913; Каталог предметов снаряжения подвижного лазарета Российского общества Красного Креста на 50 кроватей на случай военного времени трех очередей. — Пг., 1913; Каталог предметов снаряжения передового отряда Российского общества Красного Креста на случай военного времени. — Пг., 1914; Каталог предметов снаряжения полевого склада Российского общества Красного Креста на 5000 кроватей на случай военного времени. — Пг., 1914; Сборник сведений о службе санитаров в лечебных заведениях Красного Креста военного времени. — Пг., 1914; Положение о полевом управлении войск в военное

время. — СПб., 1914; Льготный тариф № 202-1914 г. и разъяснения к нему. — Пг., 1914.

Особую роль играет изданная мемуарная литература которая не всегда полностью посвящена изучаемому вопросу, но содержит весьма ценные сведения, раскрывающие нюансы анализируемых явлений. Это мемуары и дневники, передающие дух времени и содержащие много уникальных фактов. Среди подобных работ следует упомянуть Отчет о деятельности Российского общества Красного Креста во время русско-японской войны. В 2-х тт. Т.1. — СПб., 1911; Краткий обзор деятельности Российского общества Красного Креста по оказанию помощи больным и раненым воинам на театрах войны с Австро-Венгрией, Германией и Турцией в 1914-1915 гг. — Пг., 1916; Краткий обзор, продолжающийся деятельности РОКК по оказанию помощи раненым и больным воинам. — Пг., 1916; Краткий отчет Главноуполномоченного Северного района Российского общества Красного Креста. — Пг., 1916; Отчет Миасского комитета Российского общества Красного Креста, состоящего под Августейшим покровительством Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны. За 1915 год — Миасс, 1915, Отчет Дмитровского местного комитета Российского общества Красного Креста за 1915 г. — Дмитров, 1916; Отчет Ковровского местного комитета Российского общества Красного Креста за 1914 г. — Ковров, 1916; Отчет Кузнецкого местного комитета Российского общества Красного Креста за 1915 г. -Кузнецк, 1916; Отчет Царицынского комитета Российского общества Красного Креста За 1915 г. — Царицын, 1916; Отчет по лазарету Самарского коммерческого училища за 1914/15 уч. гг. — Самара, 1915.

Заслуживает специального анализа воспоминания А. А. Вырубовой [6], В. М. Пуришкевича [7], М. В. Родзянко [8], Н. Н. Врангеля [9], а также ряд записок эпистолярного жанра опубликованные в сборнике, составленного Н. К. Зверевым [10], иные справочные материалы [11].

Наряду с архивными источниками исследуемая проблема имеет и научно-литературную монографическую базу. Так, в начале XX века было выпущено историко-юридическое исследо-

вание П. Богаевского об обществах Красного Креста [12], а годы Первой мировой войны появляются исследования о практической деятельности организации Красного Креста [13]. В условиях складывания советской историографии вопроса следует упомянуть работы М.Н. Покровского [14]. Необходимо иметь в виду, что в условиях идеологического диктата Общество Красного Креста считалась организацией контрреволюционной, поскольку в соответствии с гуманистическими принципами помощь оказывалась не исходя из пролетарского интернационализма, а руководствуясь общечеловеческой гуманностью.

После Первой Мировой войны в условиях политической изоляции СССР активно работал, так называемый, политический Красный Крест, оказывавший помощь российским эмигрантам, не признавшим Советскую власть, а то и с оружием в руках добивавшихся ее свержения. Следует также отметить, что благодаря своевременным инициативам молодой советской республики — РСФСР начался планомерный процесс ее признания со стороны западных держав, что не могло не сказаться на отношениях руководства Красного Креста и советского Правительства.

Признавая так называемое право трудящихся Востока, Советская власть гораздо более благосклонно относилась к исламскому вероучению и с пониманием поддержала появление его на мировой арене оказания гуманитарной помощи со стороны организации Красного полумесяца. В целом характеризуя мировую войну как империалистическую, в 20-х годах XX века были подведены определенные итоги последствий войны, в том числе и в плане медико-санитарных достижений. Эта работа осуществлялась в народном комиссариате здравоохранения СССР, в котором была создана специальная комиссия, члены которой обобщая собственный опыт работы в 1923 году издали специальный сборник трудов [15].

В 1941 года в обстановке нависшей военной угрозы и начала мировой войны в нашей стране вышел в свет сборник трудов «Санитарная служба русской армии в период империалистической войны 1914-1918 гг.» [16]. В нем обобщалась и анализиро-

валась организация медико-санитарной работы русской армии и волонтерская деятельность Красного Креста в период предыдущей мировой войны.

Большую научно-организационно роль в его издании сыграл начальник Главного санитарного управления Красной Армии Е. И. Смирнов, впоследствии генерал-полковник медицинской службы, академик Академии медицинских наук СССР, Герой Социалистического Труда, министр здравоохранения СССР в 1947 по 1953 годы. Правда несколько отрицательно в отношении этого сборника высказалась историк Т. А. Щербина, считавшая на страницах своего диссертационного исследования, что его содержание не отразило тему, вынесенную в его заголовок, а само его содержание далеко не в полной мере отражало цели исследования [17,19].

По нашему мнению до сих пор представляет значительный интерес монография М. И. Барсукова, посвященная истории создания и деятельности советского Общества Красного креста и Красного полумесяца несмотря на то, что в ней с классовых позиций критиковался Красный крест дореволюционной России, но, тем не менее, анализировалась его гуманистическая деятельность [18].

В это же время появляются первые попытки персонификации деятельности вышеназванной гуманитарной организации, в частности выходят в свет исследования В. М. Корнеева, основанные на анализе и вводе в научный оборот, большого количества архивных источников, раскрывающих деятельность Вельяминова [19].

В целом негативное отношение к деятельности Российского дореволюционного Красного Креста было изменено в обстановке стабилизации общественных отношений и ликвидации последствий волюнтаризма и субъективизма Н. С. Хрущева. По инициативе Л. И. Брежнева стал проводиться курс партии и правительства, предусматривающий смягчение сугубо классовых оценок и некую реабилитацию «проклятого царского прошлого».

Именно в этом ключе следует рассматривать и празднование столетия со дня возникновения общества Красного Кре-

ста в России, к которому было приурочено проведение 8 июня 1967 года в Ленинграде научно-практической конференции. Ее материалы в значительной мере привлекли внимание в благо-родной деятельности вышеназванной организации [20].

В серьезном монографическом исследовании И. В. Егорыше-вой на основе большого круга архивных источников впервые вводимых в научный оборот отмечается многогранная деятель-ность многонациональной российской интеллигенции работа-ющей как в системе государственных органов власти, так и в ря-дах общественной благотворительной организации Красного Креста и создавших своеобразный бюрократический аппарат способствующий выполнению благородных задач благотвори-тельности [21].

В условиях перестройки, распада СССР и возрождения рос-сийской государственности на книжных полках страны стали появляться как произведения историков русского зарубежья, так и отечественных исследователей делавших оригинальные деполитизированные выводы на основе вводимых в научный оборот ранее запретных фондов [22].

К подобного рода исследованиям можно по праву отнести работы Н. Н. Головина [23], А. И. Степанова [24], А. И. Уткина [25], П. В. Власова [26], Г. Н. Ульяновой [27], П. В. Власова [28], а также ряда ученых, выступивших на различного рода симпозиумах и конференциях [29], а также исследовавших медико-социальные и благотворительные проблемы в деятельности органов госу-дарственной власти и управления России и ее благотвори-тельных организаций как на общефедеральном уровне, так и уче-ных С. В. Куликова [30], М. В. Беляевой [31], Н. М. Бобылевой [32] и некоторых других, исследовавших этнорегиональные аспек-ты этой проблемы в Рязанской области, Ставропольском крае, Республике Башкортостан.

Подводя итоги анализу историографической базы нашего исследования следует отметить, что за последние годы наме-тился определенный интерес к изучению благотворительной деятельности органов власти и общественных благотвори-тельных организаций, однако, несмотря на появление целого ряда

научных исследований, тема эта далеко не счерпана и ждет своих исследователей.

Примечания

1. *Новосельский С. А., Каминский Л. С.* Потери в прошлых войнах 1756-1918. Справочная книга. М.: Медгиз. 1947.

2. *Чистяков О. В.* Организационное устройство и деятельность Российского общества Красного Креста в годы Первой мировой войны. Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 2009.

3. *Пирогов Н. И.* Начала общей и военно-полевой хирургии, взятые из военно-госпитальной практики и воспоминаний о Крымской войне и Кавказской экспедиции. М.-Л., 1991., Ч. 1.

4. *Сорокина Т. С.* История медицины: учебник для студентов высших медицинских учебных заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2004.

5. *Чистяков О. В.* Организационное устройство и деятельность Российского общества Красного Креста в годы Первой мировой войны. Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 2009.

6. *Вырубова А. А.* Фрейлина ее величества. Интимный дневник и воспоминания. Рига, 1927.

7. *Пуришкевич В. М.* Дневник. «Как я убил Распутина». М., 1990.

8. *Родзянко М. В.* Крушение Империи. Харьков, 1990.

9. *Врангель Н. Н.* Дни скорби. Дневники 1914-1915 гг. СПб., 2001.

10. Августейшие сестры милосердия/Сост. Н. К. Зверева. М., 2006.

11. *Залесский К. А.* Первая мировая война. Биографический словарь. М., 2000; Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801-1917. В 4 т., СПб., 2004; Государственность России. Государственные и церковные учреждения, сословные органы и органы местного самоуправления, единицы административно-территориального, церковного и ведомственного деления (конец XV в. — февраль 1917 г.) Словарь-справочник. Кн. 1-4. М., 2001.

12. *Богаевский П.* Красный Крест в развитии международного права. В 2-х тт. М., 1906.

13. Краткий обзор деятельности РОКК по оказанию помощи больным и раненым воинам на театрах войны с Австро-Венгрией, Германией и Турцией в 1914-1915 гг. Пг., 1916.; Краткий обзор продолжающейся деятельности РОКК по оказанию помощи раненым и больным воинам. Пг., 1916; Иллюстрированный календарь Красного Креста на 1916 г. М., 1915.

14. *Покровский М. Н.* Царская Россия и война: Сб. статей. М., 1927; Покровский М. Н. Империалистическая война. М., 1924.

15. Труды Комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914-1918 гг. М., 1923.

16. Санитарная служба русской армии в период империалистической войны 1914-1918 гг. Сборник документов. М., 1941.

17. *Щербина Т. А.* Отечественные публикации архивных документов из истории русской армии в период Первой мировой войны 1914-1918 гг. Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 1993.

18. *Барсуков М. И.* Красный Крест и Красный Полумесяц СССР. М., 1946.

19. *Корнеев В. М.* Николай Александрович Вельяминов. Л., 1955; Корнеев В. М. Н. А. Вельяминов. Л., 1962.

20. Материалы научной конференции, посвященной 100-летию Красного Креста в СССР. Л., 1968; 100 лет Красного Креста в нашей стране. Под. ред. Г. А. Митерева. М., 1967.

21. *Егорышева И. В.* Новые данные из истории Красного Креста в дореволюционной России II Советское здравоохранение, 1981, № 2.

22. История военной медицины России XIX — начало XX в. /Под ред. И. Ю. Быкова, В. В. Шаппо. Т. 3. М., 2008.

23. *Головин Н. Н.* Военные усилия России в Мировой войне. Париж, 1939; Головин Н. Н. Военные усилия России в Мировой войне. М., 2001; Головин Н. Н. Россия в Первой мировой войне. М., 2006.

24. *Степанов А. И.* Россия в Первой мировой войне: геополитическое положение и революционная смена власти. М., 2000.

25. *Уткин А. И.* Первая мировая война. М., 2001.

26. *Власов П. В.* Благотворительность и милосердие в России. М., 2001.

27. *Ульянова Г.Н.* Благотворительность в Российской империи XIX — начало XX века. М., 2005.

28. *Власов П.В.* Благотворительность и милосердие в России. М., 2001.

29. Первая мировая война и ее воздействие на историю XX века: Круглый стол // Новая и новейшая история, 1994, № 4-5; Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. М., 1994; Первая мировая война: политика, идеология, историография. М., 1994; Голотик С И Российское общество Красного креста и становление советского государственного аппарата в 1917-1918 гг. // Государственный аппарат России в годы революции и Гражданской войны. Материалы всероссийской конференции. М., 1998;

30. *Куликов С.В.* Бюрократическая элита российской империи накануне падения старого порядка (1914-1917). Рязань, 2004.

31. *Беляева М.В.* Российское общество Красного Креста в истории России 1867-1921. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Ставрополь, 2002.

32. *Бобылева Н.М.* Создание и развитие общества Красного Креста и Красного Полумесяца в Башкортастане (конец XIX — начало XX веков). Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 2008.

Ф. К. Тменов
(Владикавказ)

ДЕТСКОЕ ПРИЗРЕНИЕ В СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В условиях Первой мировой войны произошел рост числа бесприютных и безнадзорных детей. Это побудило общественные благотворительные организации и земства дополнительно открыть несколько приютов для детей-сирот и детей обедневших родителей и поддержать работу уже действовавших. Это свидетельствует о том, что проблемы детей-сирот не оставались без внимания власть предержащих.

Примечательно, что открытый еще в начале XX века во Владикавказе Городской Сиротский суд, в обязанности которого входил надзор за соблюдением прав сирот, не только не свернул свою работу, а наоборот значительно ее активизировал. Особое внимание он предавал опеке над детскими приютами.

В Центральном государственном архиве Республики Северная Осетия — Алания сохранились некоторые документы, дающие более или менее целостное представление об этой работе. Дети в этих приютах содержались скромно и просто, что называется аскетически. Их приучали, исходя из возраста и детского организма, к крестьянскому труду, преимущественно огородничеству и садоводству, несложным видам ремесел и рукоделия, кроме того, дети вели всю хозяйственную работу в приюте.

Наряду с этим, большое внимание в приютах уделялось религиозно — нравственному воспитанию и физическому развитию призреваемых. Ребенку с раннего возраста внушали религиозно-нравственную мораль и понятие о покорности и терпении, благодарности за приют. Этим целям во многом была подчинена вся воспитательная работа приютов. В летний период дети осваивали сельскохозяйственный труд по уходу за садом, огородом, обработку земельного участка. Воспитанников целенаправленно приучали к опрятности, порядку, чистоте.

Несмотря на ограниченные воспитательные возможности

детские приюты трудолюбия, как и монастырские приюты, решали жизненно-важные проблемы обездоленных детей: предоставляли им жилище, одежду и питание, давали начальное образование. Воспитание детей осуществлялось главным образом в процессе организации их жизнедеятельности. Так, среди архивных документов обращает на себя внимание «Дело о назначении опеки над имуществом и сиротами умершего владикавказского мещанина Архипа Никитина Рогозина» [1].

Оно продолжалось без малого 16 лет с 7.05.1901 по 18.09.1917. В деле рассматривается тяжба вдовы Архипа Никитина Рогозина Наталии Федотовны Рогозиной с просьбой к суду о передаче ей опекунства над имуществом умершего и получении $\frac{1}{2}$ части имущества её свёкра, умершего ранее. Эта просьба была мотивирована тем, что вдове не хватает средств для воспитания 4 малолетних детей:

Василия 12 лет (1889 г.р.);

Александра 10 лет (1890 г.р.);

Николая (старшего) 7 лет (1893 г.р.);

Николая (младшего) 4 лет (1896 г.р.).

Примечательно в этом деле то, что оно тянулось очень долго, так, что пока шло рассмотрение, все дети выросли и, вероятно, разъехались в другие районы страны. Сейчас трудно сказать, что было основной причиной такого долгого рассмотрения — волокита чиновников или несовершенство бюрократического аппарата. Справки о рождении старших двух детей, например, надо было заказывать из архивов в Санкт-Петербурге, куда они отправлялись из Владикавказа на хранение православными священнослужителями и при этом за каждую справку платить гербовый сбор 4 рубля, что по тем временам было приличной суммой.

Далее суд требовал от вдовы предоставления всех счетов, по которым закупалось всё необходимое для содержания детей. В добавок к этому через три года после открытия дела на указанную в прошении $\frac{1}{2}$ части имущества её свёкра стала претендовать другая вдова Мария Кузьминична Рогозина с тремя оставшимися без кормильца детьми:

Анна 12 лет (1892 г.р.);
Елисавета 7 лет (1897 г.р.);
Георгий 1 год (1903 г.р.).

В итоге дело завершилось разрешением на продажу имущества свёкра и домовладения умерших братьев Рогозиных с сохранением по постановлению суда вырученных денег на счету малолетних детей во Владикавказском сберегательном банке. Что стало с деньгами в канун Великой Октябрьской социалистической революции догадаться не сложно.

На наш взгляд, интересна скрупулёзность, с которой члены суда собирают доказательную базу для того, чтобы в итоге не пострадали сироты. Документы, год от года заполнялись аккуратно, в 1915-1916 годах исполнялись не от руки, а на печатной машинке.

Особенно заметна деятельность Владикавказского городского Сиротского суда на других, сохранившихся в архиве делах, таких как «Дело о назначении опеки над имуществом и сиротами Мамуковых», «Отчёт по управлению имуществом малолетних круглых сирот Чаликидиса, оставшихся после умерших Чаликидис» [2].

Как показывает анализ архивных дел члены суда, не смотря на социальные потрясения революционных лет, продолжали отстаивать интересы сирот. В Сиротском суде жители Владикавказа справедливо видели защитника и покровителя обездоленных детей.

В дореволюционной России уже существовала и успешно функционировала система детского призрения, основанная главным образом на меценатстве, на жертвенности людей зажиточных в пользу нуждающихся. Октябрьская революция, несмотря на то, что военные действия не прекратились, сломала эту систему, уничтожила или разогнала всех меценатов, а мероприятия по полному отделению церкви от государства и конфискации всех церковных имуществ привели к разрушению монастырей, уничтожению или высылке в лагеря священнослужителей, которые вносили весомый вклад в дело общественного призрения.

Таким образом, не только и не столько гражданская война, голод и разруха, а в том числе и новая советская власть, ставшая одним из главных инициаторов всех этих бедствий, разрушила существовавшую и успешно функционировавшую систему общественного призрения и за короткий срок привела страну к появлению миллионов беспризорных детей.

После того как в Российской империи в октябре 1917 года победоносно совершилась Великая Октябрьская социалистическая революция, сегодня часто именуемая радикальными демократами октябрьским вооружённым переворотом, парадигма общественного призрения была заменена большевиками моделью государственного патернализма, в которой все приоритеты социальной политики были отданы трудящемуся населению в лице таких органов власти как Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

В первые годы Советской власти выяснилось, что рабочий класс и крестьянство не имели в этой области не только опыта работы, но и каких-либо теоретических познаний. Новая модель социального обеспечения населения полностью исключала всякую благотворительность. Поэтому изначально в основу социальной работы был положен принцип классового подхода в распределении социальных благ. Централизация системы распределения материальных благ нуждающимся категориям населения выявила такие отрицательные черты, как « медленное реагирование на решение общественных проблем, различные формы социального иждивенчества, пособия и система социальных услуг характеризовались крайне низким уровнем обеспечения», — справедливо отмечал профессор М. В. Фирсов [3, 344].

В отличие от западных моделей советский строй отличался коллективной моделью народного благосостояния и оказания социальной помощи. Он был основан на классовом подходе ко всем аспектам социальной жизни общества, характеризовался общественной собственностью на средства производства. Особое внимание было сосредоточено на лицах детского и пенсионного возраста. Первые годы Советской власти характеризуются как время полного развала системы социального призре-

ния сирот как государственного, так и религиозного сектора. Хозяйство существовавших домов призрения сирот в кратчайшие сроки пришло в упадок. Ярким примером тому служит преобразование Смольного института благородных девиц в штаб революционных сил. В условиях Гражданской войны и послевоенной разрухи страну захлестнула детская беспризорность. В её преодолении большую роль сыграла партия большевиков.

На наш взгляд, необходимо согласиться с ближайшим сподвижником вождя мирового пролетариата В. И. Ленина, его женой — Надеждой Константиновной Крупской, которая главную причину детской беспризорности видела в самой революции, которая «представляет собою разрушение прежнего, устаревшего, изжившего себя порядка, старых связей, старых семейных отношений, старых общественных отношений» [4,35].

Для улучшения бедственного положения детей одним из первых декретов Советской власти, касающихся малолетних беспризорников, стало Постановление Совета Народных Комиссаров (СНК) РСФСР от 29 октября 1917 года «О 8-часовом рабочем дне». В нём отмечалось: «В ночное время воспрещается пользоваться трудом рабочих женского и мужского пола в возрасте до 16 лет. При найме несовершеннолетних лиц, не достигших 18 лет, кроме изложенных выше, применяются следующие правила:

- а) малолетние, не достигшие 14 лет, к работе по найму не допускаются;
- б) рабочее время не достигших 18 лет не может быть продолжительнее 6 часов в сутки...

Все лица женского пола и лица мужского пола, не достигшие 18 лет, к сверхурочным работам не допускаются» [5, 124].

Этот документ интересен тем, что в нём впервые на государственном уровне провозглашалась недопустимость работы по найму детей, не достигших 14 летнего возраста. В условиях развала государственной системы призрения сироты, оставшиеся без средств к существованию и лишённые возможности заработать себе на пропитание, вливались в быстро растущие ряды беспризорников, которые, как правило, занимались противоправной деятельностью.

В СССР с первых же дней после победы Великой Октябрьской социалистической революции принимались серьёзные государственные меры по преодолению детской беспризорности и порождённых ею тяжёлых социальных последствий.

В первые годы Советской власти правительство настолько сильно было поглощено делом борьбы с контрреволюцией и разного рода «ренегатами», что вплоть до 1922 года вся внутренняя политика страны была подчинена разгрому белогвардейцев и интервентов. В. И. Ленин постоянно в своих выступлениях на эту тему подчёркивал, что «ни малейшее колебание на этот счёт недопустимо» [6,112].

Когда опасность захвата Советской России иностранными интервентами миновала, Советы стали уделять внимание вопросам подъёма образования народных масс на качественно новый уровень.

Главную цель, которую надо было достигнуть при ликвидации разрухи и строительстве новой жизни — это подготовка высококвалифицированных кадров для города и деревни. Дело борьбы с детской беспризорностью с этого и начинало работу над формированием личности нового человека. Для этого создавались коммуны, фабрично-заводские училища (ФЗУ).

По глубокому убеждению Ленина, успешная борьба с детской беспризорностью была возможна только в социалистическом обществе, где ликвидируются социальные причины её порождающие. В связи с этим 9 января 1918 года В. И. Лениным был подписан декрет СНК «О комиссиях для несовершеннолетних». Подчеркнём, что в данном декрете речь идёт не о материальной или другой помощи сиротам, а об отношении правоохранительных органов к несовершеннолетним правонарушителям.

Этим декретом были отменены существовавшие ранее суды и тюремные заключения для несовершеннолетних нарушителей правопорядка. Впредь все дела о несовершеннолетних правонарушителях должны были рассматриваться только вновь созданными комиссиями для несовершеннолетних, которые находились в ведении Народного комиссариата общественного призрения. Первоначально работа комиссий для несовершен-

нолетних осуществлялась на общественных началах и труд в них не оплачивался.

Осенью 1918 года по инициативе видного русского писателя, публициста и общественного деятеля, Владимира Галактионовича Короленко (1853-1921 гг.) в стране была создана независимая общественная организация «Лига спасения детей». До конца жизни Короленко неустанно работал над совершенствованием форм деятельности своего детища. Исследователи утверждают, что «в течение года Лига создала 4 детских колонии, детский санаторий, а в Москве — несколько детских садов и клубов. Всего за это время организация помогла 3,5 тысячам детей» — круглым сиротам и полусиротам, оставшимся без одного родителя, как правило, без отца. Им выдавались денежные стипендии и направления в учебные заведения.

В 1918 году существовавшие в дореволюционной России на благотворительные средства детские приюты, к этому времени приходившие в упадок, декретом СНК были преобразованы в государственные детские дома. В первые годы Советской власти детские дома находились в ведении Наркомата социального обеспечения (дети были приравнены к нетрудоспособным членам общества, пользовавшимся правом полного государственного обеспечения), а с 1920 года были переданы в систему органов народного образования.

Примечания

1. ЦГА РСО-А. Ф-118. Оп.1. Д.1.
2. ЦГА РСО-А. Ф-118. Оп.1. Д. 106.
3. *Фирсов М. В.* История социальной работы в России. М.: Академический Проект; Трикста, 2009.
4. *Крупская Н. К.* Вопросы беспризорности: речь на конференции по борьбе с детской беспризорностью 16 марта 1924 г. // На путях к новой школе. № 4. М., 1924.
5. История социальной работы в России: хрестоматия/Сост. Г. А. Кудрявцева. М., 2009.
6. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т.30.

РАЗДЕЛ IV
ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ
ИНФОРМАЦИИ, ЛИТЕРАТУРЕ, ИСКУССТВЕ,
ФОЛЬКЛОРЕ КАВКАЗСКИХ НАРОДОВ

С. А. Хубулова
(Владикавказ)

ЭГО-ДОКУМЕНТЫ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК
ПО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

В августе 1914 г. началась кровопролитная Первая мировая война, ставшая прологом серьезных социальных катаклизмов XX века. Об истории войны мы знаем много и в то же время удивительно мало. Известная по литературе как империалистическая, «забытая война» только сейчас выходит из забвения, история ее наполняется новыми фактами, источниками.

По сути дела, история войны была написана на основе официальных источников (отчеты, донесения, сводки и проч.). Однако в связи с развитием исторической науки в последние годы большое внимание стали уделять нетрадиционным нарративным источникам, полученным из воспоминаний рядовых участников, современников, а также эго-документов, к которым относятся и личная переписка и дневники.

В России в последние десятилетия также получили развитие различные аспекты этого направления социальной истории. К сожалению, долгое время сама история Первой мировой войны находилась в жестких идеологических рамках, рассматривая лишь героические поступки русских воинов. Однако открывшиеся возможности и привлечение новых источников позволяет

изучить проблему с помощью нового методологического инструментария.

Документы личного характера отвечают потребности исследователей перейти от изучения «великих людей и событий» к «истории снизу», подчеркивая тем самым ценность любого человека как субъекта истории. Историческая память отдельной личности, отдельной семьи, вписанная в локальную и глобальную историю, наполненная эмоциональностью (как положительной, так и отрицательной), повседневностью, мировоззрением, мотивацией и ценностными ориентирами, имеет огромное значение для понимания прошлого.

Интерес научного сообщества к изучению эго-документов обусловлен возможностями межпредметного подхода в процессе анализа и интерпретации материала, помогает осмыслить прошлое и понять настоящее, тем более, что официальные источники не предоставляют полной информации о былом. Личная переписка и дневники — это попытка сохранить личную и коллективную память, зафиксировать ценности уходящей и актуальной культуры, красоту и богатство разговорного языка.

Актуальность анализа личных документов, на наш взгляд, не подлежит сомнению. Во-первых, они дополняют имеющиеся документальные источники, во-вторых, что наиболее важно, являются способом проверить и проанализировать официальную версию истории. Ведь долгое время в нашей стране «замалчивалась» правда о тех или иных событиях прошлого. А для наиболее полной картины прошлого недостаточно основываться на знании только «официальной истории».

Переписка и дневники служат инструментом сохранения и популяризации личных впечатлений людей, обойденных вниманием «официальной» истории. Война не просто череда наступлений и отступлений, не просто страница истории, это история человеческих жизней.

Историческая память отдельной личности, вписанная в контекст глобальной и локальной истории, наполненная эмоциональностью и ценностными ориентирами человека — вот поле для изучения эго-документов.

Актуальность данного направления связана и с тем, что многие исторические отрезки бедны источниками личного происхождения. Эго-документы, по мнению исследователей, создают возможность быть услышанными наукой рядовым участникам исторического процесса.

Цель настоящей работы — воссоздать черты той эпохи, показать мир глазами современников, что даст возможность изучить те аспекты проблемы, которые оказались на периферии научного поиска. Так, исследователи эпистолярного материала справедливо отмечают особое значение переписки, «когда письмо служило не только средством личного общения, но и средством ознакомления с современной общественной жизнью, заменяющим регулярную прессу». Как всякий субъективный источник эго-документы требуют осторожного к себе отношения. Осведомленность авторов документов в тех или иных вопросах является основным фактором, обуславливающим ценность содержания писем и дневников. Для истории войн переписка современников является особо ценным и важным источником, позволяющим взглянуть на события сквозь завесу секретности, дезинформации и пропаганды.

В региональной историографии личная переписка и дневники как вид источников военной истории только создается, и еще мало привлекается в исследованиях.

К сожалению, переписка периода Первой мировой войны достаточно ограничена, но это только подчеркивает важность каждого письма и информации, которую оно в себе несет. Несмотря на небольшое количество писем, можно отметить, что содержание переписки весьма разнообразно. Информацию, которая содержится в письмах можно разделить на несколько групп: описание военных действий, свидетельства гибели, информация об участниках боев, повседневная жизнь участников войны и так далее.

В нашем распоряжении оказалось 250 писем с фронта и в действующую армию (август 1914 г. — февраль 1915 г.), адресатами которых были супруги П. С. и Е. И. Денисовы.

Петр Семенович Денисов (10 июля 1883 г. — 20 февраля 1915 г.) принадлежал к одному из таких провинциальных русских родов (из дворян Херсонской губернии), в котором тяга к знаниям, природная доброта и порядочность, верность Отечеству и долгу считалась неотъемлемой чертой хорошего воспитания. Вся его большая семья посвятила себя военно-морскому ремеслу. Сам он после ряда переводов оказался во Владикавказском кадетском корпусе, служил офицером-воспитателем с 1 января 1913 г. по 13 августа 1914 г., когда добровольцем ушел на войну. Он пользовался почетом среди коллег и воспитанников, о чем свидетельствуют их письма Денисову в действующую армию. Короткая биографическая справка. Штабс-капитан Петр Семенович Денисов (10 июля 1883 г. — 20 февраля 1915 г.) окончил Кадетский морской корпус в 1903 г., в 1906 г. — Московское военное училище по первому разряду. Преподавал во Владикавказском кадетском корпусе. По собственному желанию направлен в действующую армию. С 26 августа 1914 г. он воевал на северо-западном фронте.

В декабре 1914 г. награжден орденом Св. Анны с надписью «За храбрость» 4-й степени. 5 марта 1915 г. убит в бою на р. Пилице (Польша), командовал ротой. Представлен к наградам: ордену Св. Владимира 4-й степени и ордену Св. Анны 2-й степени.

Петр Семенович был женат на дочери коллежского советника Екатерине Ильиничне Герлих (16.01.1888 г. — 10.08.1974 г.), семья которой также верой и правдой служила Отечеству. Письма Денисовых, несмотря на субъективность, заключают в себе много ценной и неопосредованной информации по различным сторонам военной жизни.

Помимо разноплановых сведений о фронтовом быте или событиях в глубоком тылу (г. Владикавказ), письма содержат яркий рассказ очевидцев; мнение авторов о настроениях и отношении к войне на передовых позициях и в тылу. И почти в каждом письме сквозит идущее из глубины души желание скорейшего завершения войны.

Конечно, в семейной переписке трудно найти детали военных операций или подробности боев, но, тем не менее, письма

содержат интересную информацию, которую можно детализировать или уточнить с помощью других источников. Однако письма представляются нам особенно ценными, потому что именно в письмах находит свое отражение отношение участников к происходящим событиям.

Уже в первые дни пребывания на Западном фронте П. С. Денисов отмечает неорганизованность русской армии: «<В Варшаве> отправился искать следы полка, был в комендатуре и в крепости, а также в двух госпиталях Красного Креста. Но ничего добиться не смог. Узнал, что существует только часть полка, а то почти вся дивизия разбита (только это под секретом). Теперь наши отступили и стоят где-то, но где, вот вопрос?! Знамя спасено. Говорят, от дивизии можно только полк набрать, и то с трудом».

В следующем письме, как человек с военным опытом, он отмечает, что «конца войны, кажется, можно не скоро ожидать, по ходу дела затянется, верно, эта история надолго». Несмотря на то, что П. С. Денисов добровольцем ушел на фронт, в его первых письмах очевиден мрачный настрой: «Нервничать стал, раньше куда спокойней и ровнее был, чем стал теперь? Бог даст, война благополучно закончится, отдохну, и нервы успокоятся».

И всё же в целом осознание долга было характерно для фронтовой корреспонденции. Постепенно в Русской армии, наряду с желанием скорейшего мира, назревала озлобленность против врага — виновника военных действий. Естественно, в глазах наших воинов злым роком для России и виновником бед являлась в те годы Германия: «Все ходят слухи, что скоро будем наступать, дай-то Бог, чтобы это наступление было благополучно, скорее бы этого немца выгнать из России, надоел уж больно нам».

Анализируя письма П. С. Денисова, можно отметить, как менялось его мировоззрение и восприятие войны. Факты и военные события преломлялись в его личных ощущениях, поэтому в его письмах описываются именно те события, которые произвели на него наибольшее впечатление: «Был в боях два раза. Первый раз под Гурой-Кальварией, там наш полк отличился, очень

хорошо там действовал. Тяжело там приходилось, был на волоске от смерти, но Бог сохранил. Второй раз сидел на позиции под Варшавой и продолжал преследовать немца, что делаем и теперь».

В условиях войны определяющее значение имели моральный дух армии, формирование таких ценностей, как любовь к Родине и царю, патриотические чувства, убежденность в справедливом характере войны. Для победы над врагом народ должен был верить в свое превосходство над противником: «С 24-го сидим на позиции в окопах, живу в землянке, немцы от нас шагах в 800-1000, тоже в окопах, целые дни идет легкая ружейная перестрелка. Один день немцы здорово (зачеркнуто — С. Х.) залпами «чемоданами» (это снаряды от тяжелых орудий), но, слава Богу, никакого ущерба роте они не принесли. Вчера часов в 10 вечера немцы ходили на нас в атаку, но наши «секреты» во время их заметили, осветили местность смоляными «быками» и встретили их сильным залповым, пулеметным и артиллерийским огнем, так что они и до половины не успели дойти, как пошли восвояси, т.е. сделали «цурюк», как у нас говорят».

Фронтовой быт включал в себя прежде всего исполнение служебных обязанностей: несение караульной службы, обслуживание боевой техники, забота о личном оружии, выполнение других работ, свойственных родам войск и военных профессий и т.д.: «Во время атаки вчерашней ваш папка был молодцом, стоял за окопами и командовал всей ротой сам. Адъютант говорил, что меня за Лодзь представили к ордену Анны 3-й степени с мечами и бантом, это за прикрытие. Видишь, как хорошо служу, уже ко второму ордену представили. Первый был за Гуру-Кальварию».

Фронтовой быт во многом определял боеспособность армии и ее моральный настрой [1,28]. Однако в годы Первой мировой войны составляющие фронтовой жизни — техническое снабжение, жилье, обеспеченность обмундированием и досуг, оставляли желать лучшего. Это наглядно прослеживается по письмам П. Денисова.

Касаясь материального положения российских офицеров, отметим, что наряду с традиционным денежным содержанием, офицеры в действующей армии получали так называемые «фронтовые». Военнослужащие срочной службы находились на полном бесплатном казённом содержании [2, 194]. Как известно, русский офицер на собственные средства должен был приобрести обмундирование, которое обходилось ему в 100 и более рублей: «Поблагодари еще раз дядю за куртку, очень она меня вывозит, и бурка тоже по ночам в окопах спасает. Спать больше приходится на соломке. У нас в полку выдавали теплые вещи по 25 руб., но я не взял, ибо они, по моему мнению, не пригодны и неудобны. Я купил куртку и бурку, но еще их не ношу, жду, когда похолодает». Большим подспорьем были посылки, которые присылали родные и благотворительные организации: «Получил в посылке сапоги, башлык, носки. Вы себе представить не можете, как все это во время пришло. Сапоги вот уже два дня как порвались и я только о том и думал, скоро ли получу бурочные и вдруг они тут как тут. Ночью в окопе было холодно, и я подумал о своем башлыке. А ты как будто подслушала и прислала».

Именно с помощью подарков многие солдаты и офицеры восполняли нехватку необходимых вещей, обуви, табака: «Как у вас зима, неужели тоже морозы? Получил ли ты мои посылки, главным образом, сапоги? — писала в действующую армию Е. Денисова, — Послезавтра получу жалование и пошлю тебе рубашку чесучевую и еще папирос». Последнее ценилось на вес золота: «Наступил кризис в папиросах у офицеров, о солдатах и говорить нечего. У них давно нет курева и достать трудно. Когда раздал им, сказал, что это гостинцы от моего брата из Рыбинска, они были очень благодарны и радовались как маленькие дети. Если будет возможность, пришлите мне, голубчики, еще 3 тыс. папирос, только получше упаковывай, а то будет жалко, если они в коробке рассыплются».

Большой проблемой было питание военнослужащих. Однообразное питание вызывало раздражение, поэтому офицеры на собственные деньги закупали продукты: «На позиции кашевар с кухней привез нам два десятка пирожных от Замадени, конечно,

за наши деньги. Пока наши дела идут хорошо, что будет дальше, одному Богу известно. Надоели очень куры, гуси, индюки. Хочется котлеток, ватрушки или чего-нибудь в этом роде, да ничего не выходит, далеко больно та, которая меня баловала».

Человек на фронте не только воевал. Сражения сменялись периодами затишья, отдыха. Во время передышки главной проблемой становилась элементарная скука: «Скучно без газет. Например, сегодня (20 октября — С. Х.) читал газеты от 18 сентября. Поэтому, что на белом свете делается, не знаю». Отдушиной для военнослужащих были письма из дома, от родных и знакомых. В письмах встречается информация о родных и знакомых, участниках боев, которая передавалась как из действующей армии, так и, наоборот, из тыла — участникам сражений. Вот, например, письмо Е. Денисовой мужу от 4 декабря 1914 г.: «Вчера приезжал сюда Государь (Николай II был во Владикавказе проездом на Кавказский фронт — С. Х.). Приехал он в город в 10 часов утра, некоторые дамы ходили встречать в город, но я не пошла — трамвайное движение было остановлено, а мне с дочерей идти туда и обратно пешком тяжело. Все офицеры корпуса пошли к корпусу встречать Государя. На вокзале были выстроены все учебные заведения и стояли они там без конца. Мы стояли у второго флигеля, потому что он посещал раненых, с нами раненые помещаются в квартире Каландаришвили. Простояли мы часа 3, но наше терпение было вознаграждено: Он проехал совсем мимо нас, потом прошел совсем в шаг от нас, и опять проехал мимо, когда уезжал. 17 автомобилями сопровождали его.

Кадеты почти бежали с вокзала, чтоб успеть Его встретить в корпусе и когда он уезжал, выстроились шпалерами. Некоторые дамы одели бальные платья и встречали Его в вестибюле, но таких было мало — человек 6.

Какое чудное впечатление оставил Он! Бесконечно добрые глаза и исстрадавшееся лицо. Какое-то благоговение чувствуешь к НЕМУ, когда видишь. Одет он был в черкеску черную и в черной папахе. Никакого шума не было, были только корпусные, значит, и толкучки не было. Кадет распустили до 10 дека-

бря. Так что теперь гуляют во всю. Город весь во флагах был, и еще сегодня не сняли и вечером иллюминация».

Еще один мотив, который звучал наряду с патриотическими чувствами, — это обращение к Богу. Религиозность для дореволюционной России была традиционна. В письмах с фронта она ощущается постоянно в обращениях к Богу: «Авось Бог пошлет, если не конец, то хоть рану, и я смогу с вами увидаться, только тем и живу и только и жду того, что увижу вас. Родненьки мои, тоскую, скучаю и томлюсь я без вас, моих дорогих, не нахожу себе места. Будем надеяться на Бога, авось, он услышит наши молитвы и как-нибудь устроит, и мы увидимся».

Таким образом, письма семейных архивов Денисовых содержат ценную информацию по истории семьи, а сведения о П. С. Денисове помогают воссоздать его портрет как участника Первой мировой войны. Письма позволяют не только глубже рассмотреть историю той семьи, в которой они были созданы и хранились, но и дают возможность осветить важный вопрос отношения людей к Первой мировой войне, названной современниками «Великой войной». Это лишний раз свидетельствует в пользу того, что письма семейных архивов содержат ценные материалы для исторической науки, поэтому к ним нужно относиться бережно и стремиться как можно полнее сохранять и использовать их.

Примечания

1. *Валяев Я. В.* Трансформация ценностных представлений военнослужащих российской армии в годы первой мировой войны (1914 — февраль 1917 гг.). // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 4 (10): в 3-х ч. Ч. III.

2. *Нарский И. В.* Фронтовой опыт русских солдат. 1914-1916 гг. // Новая и новейшая история. 2005. №1.

Р. Я. Фидарова,
И. А. Кайтова
(Владикавказ)

ВОЙНА И ОСМЫСЛЕНИЕ ЭТИЧЕСКИХ ОСНОВ НАЦИОНАЛЬНОГО БЫТИЯ В ОСЕТИНСКОМ РОМАНЕ

В результате событий начала XX века, в т.ч. и Первой мировой войны, формируется новое самосознание осетинского общества, переосмысляются основы духовного преображения осетинского народа. В целом существенно меняются нравственные устои общества, которые, казалось, были непоколебимыми, слабели незыблемые позиции и императивы неписаного нравственного кодекса осетин — *Агъдау*.

И художественно-эстетическое сознание осетин, осмысляя этические основы национального бытия, степень их эволюции в результате важнейших исторических событий начала XX века, в т.ч. и Первой мировой войны, выработало свою фундаментально-базисную формулу. Так, в частности, оно сформировало систему важнейших онтологических философем, вокруг которых созидается жанровая структура осетинского исторического романа. Это такие, как: 1) «бытие-в-мире», т.е. этническое бытие осетинского народа; 2) человек и его экзистенциально-сущностная реальность и др.

Данные философемы помогли осетинскому романному мышлению поставить в центр своих художественно-эстетических исканий целую систему нравственно-этических проблем: что есть нравственные императивы с точки зрения социально-исторической реальности периода Первой мировой войны и ее последствий; что собой представляет осетинский национальный космос, т.е. алано-осетинский мир, в данную конкретную эпоху; как эволюционирует этническое мировоззрение осетин (Ирондзинад), в целом социально-этническая повседневность; как эволюционирует понятие «национальное»; каковы нравственные потери и обретения (в смысле нового жизнен-

ного опыта) отдельного человека и что данный период дал ему в историческом становлении гуманистической природы его индивидуальности.

Осмысляя вопрос о том, что собой представляет и как изменился осетинский национальный космос, т.е. алано-осетинский мир, осетинское романное мышление воссоздает жанровую структуру произведения, в центре художественного пространства которого помещает многочисленную осетинскую патриархальную семью; человека, члена этой семьи, анализируя их судьбу в потоке исторического процесса, осложненного трагедией и драмой мировой войны. В целом ряде осетинских исторических романов («Шум бури» К. Фарниона, «Брат на брата» А. Цаликова, «Навстречу жизни» Е. Уруймаговой, «Написанное кровью» М. Габулова, «Заповедь» Г. Черчесова и др.) раскрываются особенности распада патриархальной семьи, деградация отдельного человека. И это не случайно происходит: в слабом человеке война убивает нравственное чувство, нравственное начало, и это же ведет к распаду семьи, а в сильном — наоборот.

Герой романа Д. Мамсурова «Поэма о героях» Джамбот, будучи санитаром на Первой мировой войне, грабил убитых и раненых и вернулся в село разбогатевшим. При этом он настолько нравственно одичал, что когда тяжело заболел и умирал его брат Ботас, Джамбот не захотел ему помочь. А после его смерти осиротевших малолетних своих племянников, детей Ботаса, взял к себе в батраки. Так распалась прежде дружная патриархальная семья.

Осетинская романистика по-своему выделила и художественно осмыслила онтологическую проблему бытия человека и общества, испытывавшего значительные качественные изменения в результате Первой мировой войны.

Этническое бытие — это интегральный природно-биологический, социокультурный феномен, структурно состоящий из бытия человека этнического, этнического времени-пространства и этнической идентичности.

Поэтому, естественно, все самые важные исторические события, к которым, несомненно, относится и Первая мировая

война, существенно изменившая облик мира, «объективную онтологию», в целом картину мира, — значительно повлияли на диалектику этнического бытия народов, населяющих Россию и входящих в состав Российского государства, одного из участников этой жестокой, бессмысленной (с точки зрения гуманизма) войны, преследующей антигуманные цели передела мира. Конечно, столь жестокая война, истребившая массу людей, определенным образом повлияла и на эволюцию общественного сознания всех народов, участвовавших в ней; способствовала формированию новых мировоззренческих устремлений, новых социально-исторических взглядов на мир, спровоцировала в сознании мыслящих людей беспристрастные поиски своего места и места своего народа в этом новом, в чем-то враждебном для простого народа мире. И это не случайно. Дело в том, что бытие человека — сложный процесс. Придя в мир, человек застает уже готовую систему общественных отношений и духовно-нравственных ценностей. Он раскрывает для себя объективные свойства мира, его пространственно-временные характеристики; сопоставляет себя с другими, определяя свое бытие как часть бытия мира. Так происходит познание окружающего мира с помощью сознания и деятельности. Человек приспосабливается к миру, адаптируется в нем. При этом он изменяет природу (природу объективную и свою собственную природу, т.е. субъективную природу), социальную природу бытия, стремясь жить по законам, принятым в конкретном обществе.

Рассмотрим конкретно, как это происходит в романе Г. Черчесова «Заповедь». Прежде всего, писатель вводит нас в весьма и весьма замкнутый мир жителей горного села Хохкау. Он представляет нам четыре фамилии, которые испокон веков живут в Хохкауе. и каждая из которых имеет свой социальный статус. Соответственно, между ними устанавливаются определенные субординационные отношения. Несмотря на внешнее, кажущееся, равноправие, далеко не равны, скажем, Дзуговы и Тотикоевы, поскольку последние принадлежат к так называемому «сильному» роду. Этим обстоятельством определяется конкретное поведение и поступки каждого представителя лю-

бой из них. Собственно, во многом и движение сюжета романа обусловлено этим.

Происходит весьма любопытный процесс: верный правде истории, правде жизни, автор показывает, как, казалось бы, наглухо закрытый для внешних влияний, непроницаемый национальный мир под влиянием грандиозных социальных потрясений вдруг «взрывается». Разрываются, казалось бы, неразрывные связи: социальные страсти оказались сильнее национальных традиций. Многие поколения жили в Хохкау. Никто не помнил, когда и кто основал это село. Здесь рождались, жили, женились, рожали детей и, завершив свой жизненный путь, умирали люди. Мало что менялось со временем в их образе жизни. Собравшись на праздник, старейшина говорил горделиво, что среди его рода нет и не было лентяев, пьяниц, трусов, ни о ком из них не сложена позорная песня, ведь испокон веков воспитывали в детях трудолюбие, отвагу, скромность и почитание чести предков...

У каждого со своим родом тоже складываются определенные отношения, регулируемые написанным сводом законов — *Агъдау*. Скажем, если ты родился в сильной фамилии, считай себя счастливецом: никто не посмеет тебя обидеть, задеть грубым словом, оскорбить даже взглядом, — за все, обидчик понимает, он получит сполна. За кровь твою ответят кровью. Но и ты с самого рождения как бы берешь на себя определенные «юридические» обязательства: ты не смеешь позорить род, т.е. идти против его порядков и интересов. И если твои собственные интересы расходятся с его интересами, ты пренебрегаешь своими, так сказать, «наступаешь на горло собственной песне». Род может вынести самый суровый приговор любому своему члену: сбросить со скалы, убить и так далее.

Навсегда опозоренным считается человек, бежавший с поля боя, или не проявивший гостеприимства, или напившийся на свадьбе...

Такова суровая народная мораль, духовная атмосфера замкнутого мира четырех фамилий в селе Хохкау, куда приходят отец и его семеро сыновей, — род Гагаевых. Они-то в полной

мере испытывают на себе силу и власть многих традиций местного общества, когда нихас, этот всеильный орган народного самоуправления, состоящий из самых уважаемых и авторитетных стариков Хохкау, может их принять, а может и выгнать, лишив прав поселения.

Здесь во всем царствует эпическая величавость: и в образе жизни, и в образе мыслей, в поведении. Ненужная суетливость почитается неуместной. Как ни обеспокоен Дзамбулат, отец семейства Гагаевых, неопределенностью своего положения в Хохкау, стоическим молчанием старцев относительно будущего его семьи, он не торопится, ждет окончания свадебных торжеств в селе: пускай подумают сельчане, присмотрятся к его сыновьям, к нему самому, а потом решают, быть ему их соседом или нет. Все эти дни гость держался чинно, благородно, не заискивал, словом, с достоинством как человек, знающий себе цену.

В то же время он присматривался к хохкауцам, стараясь понять, кто из них какой вес имеет в селе. Вскоре убедился, что старейший житель Хохкауа Асланбек из рода Тотикоевых пользуется безграничным доверием односельчан.

Когда случилось похищение девушки, старец посчитал своим долгом уверить Гагаева, что такие события в ауле — редкость, потому что живет аул серьезной, тихой жизнью, а односельчане его — авторитетные, солидные люди. Здесь опять-таки сказалося эпически величавое начало народной жизни, народного понимания всего сущего, смысла бытия, который, несомненно, заключается в продолжении жизни, жизненного процесса, смены поколений в русле раз и навсегда сложившихся, устоявшихся традиций. И в глубокой уверенности, что отдельный человек не должен позволять себе совершать поступки, которые в какой-то мере ставят род в затруднительное положение, а здесь, в случае похищения девушки, явно намечались кровавые столкновения между двумя фамилиями.

На нихас, который должен был обсудить просьбу Гагаевых, Дзамболат запоздал: хотел дать возможность старику обсудить без него его вопрос. Тактичный Гагаев оказался и провидцем: как он и предполагал, старцы на нихасе попытались вытянуть

у него как можно больше обещаний, выставить серьезнейшие условия, которые потом придется выполнять не только самому Дзамболату, но и всем его потомкам, — здесь все передается из поколения в поколение.

Кратко изложив просьбу, старший Гагаев сказал, что построит дом за оврагом из обычного камня, а чтобы участок этот не заливало, намерен строить дамбу на повороте реки. Всем идея понравилась, но беспокоило одно: где пришелец возьмет землю, ее в горах всегда не хватает. На этот вопрос тоже был готов ответ: Гагаев с восемью сыновьями засыпит овраг и будет разводить картофель и кукурузу.

За право вхождения в общество хохкауцев Дзамболат с сыновьями обязан был охранять аул от абреков со стороны оврага. После долгих раздумий нихас решил принять Гагаевых. «С сегодняшнего дня мы считаем тебя своим. — Сказал Асланбек. — Аул будет тебя защищать как своего, но и ты должен подчиняться всем нашим решениям и законам. В чьей арбе едешь, — говорят наши мудрецы, — того песню и пой» [1,179].

Так новички Гагаевы включаются в орбиту движения хохкауского братства, и жизнь каждого из них подчиняется уже логике этого движения, законам данного братства. Но идет время, и законы социального движения оказываются сильнее законов жизни национального мира: интенсивно протекают процессы социальной дифференциации, социального расслоения хохкауцев, — Тотикоевы все больше обогащаются, другие фамилии все более беднеют, а что касается пришлых Гагаевых, то они, как самые бесправные и безземельные, вообще нищенствуют, и жизнь их безжалостно разбрасывает по всему миру. В поисках лучшей, человеческой доли Касполат и Пигу отправляются в Сибирь; не сказав ничего, ночью исчезает Газак; собрался в дорогу Тембол: он решил посетить Мекку и стать истинным мусульманином. Ну, а Мурат отправился в Америку в надежде заработать деньги на калым... Из всей большой семьи дома, с отцом, остались только Умар и Урузмаг.

Сам всю жизнь привыкший к нелегкому, но честному труду, Дзамболат внушал своим детям: «Легко заработать можно толь-

ко неправдой». Уроки отца и его правду сыновья запомнили на всю жизнь. Он не щадил себя, но обеспеченной жизни так и не дождался. Сыновья начинают понимать новые законы жизни. И отец, и дед, и прадед жили, твердо уверенные в справедливости своего образа жизни, полные веры в землю, в труд. Однако есть, видимо, и иные у жизни законы, постичь которые необходимо, и они, в частности, Мурат стремится их постичь.

Через сложные связи общего и особенного (народа и личности) раскрывается частная судьба обыкновенного, простого человека. И это не случайно: важнейшей тенденцией осетинского романа, измерявшего «состояние мира» мерой человеческого духа, становится понимание истории как процесса, стремление осмыслить ее глубинное движение. Основой жанровой структуры романа становится связь судьбы отдельного человека и народа, человека и истории, личности и конкретной эпохи, ведь каждый из героев романа — прежде всего дитя своей эпохи, порождающей то или иное его мироощущение, ту или иную систему этических и нравственных ценностей в его представлении и сознании.

Эпизация романного мышления происходит по принципу единства исторического и логического, ставящего в своеобразные причинно-следственные связи человека и действительность, характер и обстоятельства. Принцип социально-исторической детерминированности судьбы человека и судьбы народа определяет характер эпического в пределах романного целого, ставит проблему субстанциональной доминанты эпического, стремящейся реализовать на практике богатейшие, неисчерпаемые возможности реализма.

Проблему судьбы человека в результате Первой мировой войны, антигуманной и бесчеловечной по своей сути, осетинское романное мышление решает также художественно убедительно и образно. В романе «Брат на брата» А. Цаликов создает сложный тип национального характера: героя-офицера, прошедшего тяжелые четыре года войны, в том числе и гражданской, самой жизнью поставленного перед необходимостью поисков новых критериев ценностей и ориентиров, и в конце

концов в результате мучительных исканий «связующей нити времен», прошлого и настоящего, обретшего почву под ногами.

Сначала все шло своим нормальным, естественным чередом. Алибеку самой судьбой были уготованы золотые погоны — верх мечтаний любого осетина-горца. Не зря же существовало пожелание мальчикам: «...дай бог тебе стать офицером...». Выходец из благородного рода Алибек, понимая, как много ждут от него не только члены большого семейства, но и вся фамилия, усердно стремится к заветной цели. Но вот она достигнута. Что дальше? Как она, жизнь, величайший режиссер всех человеческих драм и трагедий, распорядилась судьбой героя, полного естественных для него радужных, тщеславных мечтаний, волнующих надежд. После тяжелых четырех лет Первой мировой войны, началась революция 1917 г. С революцией начался и хаос в жизни не только лично его, но и всего народа, почему и пошел брат на брата...

Исходный пункт мировоззрения писателя неотделим от его концепции человеческого существования, от потребности человека в осмыслении своего места в мире. В представлении А. Цаликова мир состоит из двух частей: моего «Я» и всего остального «не-Я», т.е. природы, общества. Так вот отношение человека к миру и есть суть его мировоззрения. Это отношение писатель более конкретизирует в вопросах, которые ставят и пытаются решить его герои: «в чем смысл жизни?», «есть ли счастье?», «что есть мир в целом?», «что есть истина, добро, зло, справедливость, красота, любовь?» Большой талант А. Цаликова и его мастерство проявляются в том, что он художественно убедительно развертывает ответы на эти вопросы в систему, в воззрении героев на мир, их отношении к этому миру. При этом писатель умело строит систему воззрений героев на противоречивости взаимоотношений их внутреннего мира и внешнего. Это основной принцип художественной методологии А. Цаликова. жанровое содержание романной ситуации, в частности, в произведении «Брат на брата». Особенности же построения писателем духовного пространства художественного мира романа заключаются в максимальном

использовании принципа антонимии. При этом отторжение «Я» от «не-Я» связано со стремлением героя, в частности, Алибека, к органическому единству с миром, а стремление к тождеству с ним рождает его отрицание. И это в эстетике А. Цаликова-романиста является ведущим принципом построения художественного характера.

Писатель, исследуя человеческий характер, словно задает вопрос: «как формируется индивидуальное мировоззрение?» и находит свой ответ. Во-первых, оно — результат самостоятельного мироосмысления. Во-вторых, ведущим началом в процессе его формирования является конкретный жизненный опыт индивида, его чувства, переживания, понимание внешнего мира в связи со своим личным бытием. То есть это результат внутриличностного осмысления мира героем, в частности, Алибеком и его личностных оценок.

Конечно же, искания смысла жизни не могли не открыть глаза Алибеку на многие вещи и не изменить его отношения к жизни и к себе самому. И вполне закономерно, что пришел день, когда он почувствовал, что мундир, который он носил с такой прежде гордостью, давит ему грудь, и ему захотелось длиннополой черкески: родина властно позвала его. И герой, преодолевая все препятствия на пути своем, двинулся на этот властный зов: «для того, чтобы там стать самим собой и отдать силы своему народу».

Надеялся больной душой, неизмеримо уставшей от четырехлетней бессмысленной бойни, воскреснуть вновь, воскреснуть для нормальной человеческой жизни, жизни простого труженика, пахаря. Воскреснуть для любви, для счастья, для людей, для будущего.

Так писатель углубленно исследует характер своего героя, ставит его в самые психологически напряженные ситуации, — в экстремальные ситуации, как бы все время проверяя его нравственный и духовный потенциал, его «прочность» и мужество.

В то же время писатель очень внимательно относится и к самому национальному миру или тому, что в данном случае создает собственно истинно романную ситуацию, а именно то, что

Гегель назвал так выразительно «состоянием мира», — т.е. саму национальную действительность.

Писатель впервые в осетинской литературе использует письмо как средство характеристики героя, его душевного самочувствия. На второй день после приезда домой, Алибек пишет письмо своей любимой девушке Вале, дочери священника (сам же герой исповедует ислам, и это сыграло определенную роль в его последующем поведении, а значит и в развитии сюжета). Письмо раскрыло душу человека очень непросто: умного, мыслящего, страдающего, способного на самопожертвование во имя любви к своему народу, жаждущего счастья, беспокойного, «сознательная мысль которого вышла из хаоса», словом, сына своего века и своего малочисленного, угнетенного, но гордого народа.

Как пишет герой, все было просто прежде: достаточно было повиноваться начальству, защищать родину и царя и... жить, т.е. веселиться и наслаждаться... жизнью. Так продолжалось какое-то время. Но впервые любовь к Вале заставила его задуматься о жизни, засомневаться: а так ли он живет, как должно жить?

Однако же думать вообще и о том, как жить дальше, начал герой только после того, как пришел весь этот хаос, называемый революцией, и сбросил их, офицеров, с пьедестала в грязь улицы.

О новых ценностных ориентирах в жизни и о дальнейших его намерениях ярко свидетельствует его реакция на весеннюю природу (характеристика героя через пейзажные зарисовки, — также своеобразие писательского мастерства А. Цаликова, его новаторский подход). Здесь явно чувствуется диалектика души героя, т.е. уместно тут говорить и о продолжении толстовских традиций. Конечно же, явно чувствуется, как герой-войка прошел нелегкий путь душевной эволюции от психологии самовлюбленного «золотопогонника» до психологии труженика, достиг высшего понимания смысла жизни, высшего уровня развития своего самосознания: «...первая зелень умиляет сердце. А кругом черный простор полей. Нивы, ждущие оплодотворяющего плуга пахаря, человеческого пота, без которого не может

быть самого главного, что нужно для существования человека — хлеба [2,37].

Поэтому вполне логично его душевное состояние от созерцания этой нивы: «...свежий весенний воздух заставляет учащенно биться мое сердце. Все неприятное забывается. Я чувствую, как кровь горячо переливается в моих жилах. Я ощущаю всю прелесть бытия» [2,95].

Она же, эта нива, заставляет его еще острее осознавать и определиться в своих душевных исканиях: «...мне хочется простой, здоровой жизни пахаря. Его упорного труда, загара на лице, мозолей на руках, его незатейливой радости...» [2,36].

Герой себя беспощадно ругает, упрекает, нравственно истязает за то, что, в лучшую пору своей блестящей карьеры, находясь на гребне славы и успеха, не помнил он о своем народе и о многострадальной своей родине. Так проявляются такие черты его характера, как честность, принципиальность, мужество, хотя бы перед самим собой, а эти черты характера, как и сам упрек, и обуславливают дальнейшую его эволюцию и развитие сюжетных действий произведения. Раскрывают логику его поступков, логику характера.

Прежде всего, чувствуя свою вину за прошлое, пытается теперь герой «загладить вину». И в то же время он, как человек мыслящий, хочет понять, во имя чего опять кровь, и находит только один ответ: «...говорят, задета честь народа...».

С этого начинаются его мысли о чести народа, как его духовной сути. Зарождаются мысли о духовной «самости» народа, нации, как субъекта и объекта бытия на замечательной планете Земля.

Интересен также поток мыслей героя о душе, во многом объясняющие столь ревностное и почтительное отношение его к национальным традициям и обычаям. «Нация — это язык, — думает герой. — Ведь язык — это иероглифы, это форма, а есть что-то такое, другое, более глубокое — душа... Есть душа — комплекс психических моментов... у народа есть душа. Это его святая святых. Это его понятия о добре и зле, не те понятия, которые привносятся извне, а те, которые вырабатываются в результате тысячелетней страдальческой жизни... Душа гордая и

душа униженная. Душа цельная и душа раздвоенная. Какова же душа моего народа?» [2,105].

Над разгадкой этой тайны бьется сознание героя, мучительно ищущего ответа, ибо без него не может он определить и свое конкретное отношение к миру, и собственную жизненную позицию. Вернее, свое собственное место и роль во всем этом диком хаосе.

Но таково само- и мироощущение не только представителя осетинской интеллигенции Алибека, но и простых, неграмотных горцев, волей судьбы попавших в окопы Первой мировой войны. Это и герои романа К. Фарниона «Шум бури», которые предпочли пойти на фронт, чем оставаться абреками. Это и Кирилл Фидаров, которого, как героя русско-японской войны 1905 г., призвало на мировую войну отечество, вспоминая о нем, бедном горце, только когда начинается очередная война...

Таковы вкратце художественно-эстетические искания осетинского романного мышления в процессе осмысления одной из актуальнейших тем: Первая мировая война и судьба народов России, в частности, осетин, втянутых в структуры «Русского мира», объединившего большое пространство народов с различными культурами и ментальностью.

Примечания

1. Черчесов Г. Заповедь. Роман. Орджоникидзе, 1987.
2. Цаликов А. Избранное. Владикавказ, 2002.

ТЕМА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
В ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
20 ВЕКА

Новый век, как правило, начинается не с календарной даты. Необходимо некое масштабное событие глобального характера, которое бы ознаменовало наступление новой эпохи.

Таким событием в течение известных десятилетий для нашей страны была Великая Октябрьская социалистическая революция. Но для Европы, да и не только для нее, этим событием, бесспорно, стала Первая мировая война.

Рубеж 19-20 веков отмечен грандиозным скачком в развитии техники, естественных наук, философии. Электричество, автомобиль, телефон, летательные аппараты, открытие периодической системы элементов, атомное строение вещества, понятие наследственности, новые исследования в области мозга и многое другое возникли в течение очень короткого времени, и человечеству не так просто было все это принять, освоить и почувствовать себя причастным к новому укладу жизни. Это убедительно показал в своих первых научно-фантастических романах английский писатель-фантаст Герберт Уэллс [1]. Когда на окраине Лондона приземляется какой-то странный серебристый шар (в романе «Война миров»), на это почти никто из невозмутимых англичан не обращает внимания. И только когда прилетевшие на шаре марсиане начали истреблять землян своим страшным оружием, похожим на современное лазерное, начинается всеобщая паника и массовое бегство с Британских островов. Кстати, считается, что описание этого бегства и паники один в один совпало с тем, что произошло в реальности через десяток лет, когда впервые немецкие бомбардировщики сбрасывали бомбы на Лондон во время Первой мировой войны. Уэллса называли провидцем и предсказателем будущих реальных событий.

Первая мировая война велась уже как война 20 века, была воспринята европейским обществом апокалипсически, как наказание за порочность и безбожие, породила страх, отчаяние и пессимизм. Она была позиционной, солдаты подолгу находились в окопах, и когда в них, тоже впервые в истории, пускали отравляющие газы, что приводило к огромным человеческим жертвам, это тоже вызывало всеобщий ужас и ощущение конца света.

Первая мировая война породила большую литературу, привела к возникновению такого направления в литературе и искусстве, как экспрессионизм, вызванный к жизни бурными социальными потрясениями, испытанными Германией в начале 20 века. Экспрессионизм возникает перед Первой мировой войной и исчерпывает себя в середине 20-х годов. Художников и писателей-экспрессионистов пугают реальные и ожидаемые катастрофы. Для их творчества характерны пессимизм, страх перед будущим, восприятие современного миропорядка как последней точки мировой истории (Ф. Верфель, Г. Тракль, Г. Гейм). Философской основой экспрессионизма стали учения Гуссерля, Бергсона.

Первая большая война нового века позволила назвать целое поколение молодых людей, столкнувшихся с ужасами войны и потрясенных ими, «потерянным поколением» и соответственно литературу об этих людях, написанную молодыми писателями, литературой «потерянного поколения».

Р. Роллан, Г. Аполлинер, А. Цвейг, Р. М. дю Гар, Я. Гашек, Ф.С. Фицджеральд, Э. Хемингуэй, Д. Дос Пассос, Э. Камингс, Р. Олдингтон, Э.М. Ремарк, а в русской литературе — А.Н. Толстой, М. Шолохов, И. Шмелев, А. Солженицын, В. Пикуль — это далеко не полный перечень авторов, отразивших в своем творчестве события Первой мировой войны.

В данной статье поставлена цель обратиться к творчеству трех авторов с точки зрения интерпретации темы Первой мировой войны и человека в ней.

Первым серьезным произведением о войне 1914-1918 гг. явилась книга французского писателя А. Барбюса «Огонь» [2].

Уникальность этой книги заключается в том, что она начала выходить в свет частями уже во время войны, так как автор, сам участник военных действий, свой «дневник взвода» (таков подзаголовок книги) публиковал в газете «Эвр» уже в 1916 году, т.е. в самый разгар войны. Публикаций ждали, ими зачитывались, осознавая, насколько правдивы хроники реальных военных событий, увиденных глазами и прочувствованных сердцем писателя.

А. Барбюс в 1916 году уже был немолодым человеком и не подлежал мобилизации на фронт, однако пошел на войну добровольцем и долгие 13 месяцев провел на передовой, разделив с простыми солдатами все тяготы окопной жизни. Трудно согласиться с теми биографами Барбюса, которые связывают его добровольное участие в военных действиях лишь с заблуждениями по поводу характера войны и причинах участия в ней Франции. Справедливее было бы видеть причину этого в честности писателя, который понимал, что не сможет писать о войне правдиво, не увидев ее своими глазами, не испытав на себе все ее тяготы.

Тема реальной войны и войны, придуманной теми, которые ее никогда не видели, будет затронута в произведении в эпизодах, окрашенных неподдельной горечью и иронией, обидой за себя, но еще в большей степени за тех, кто познал войну не в виде театрально-лубочных картинок из официальной прессы, а в реальной действительности.

Жанровое своеобразие книги определяется тем, что она создавалась как отдельные репортажи с фронта, непосредственно из окопов. У писателя нет последовательного изложения событий, в 24 главах рисуются отдельные эпизоды-очерки, соединенные так, чтобы каждый эпизод добавлял что-либо к целому.

Произведение А. Барбюса вышло в свет отдельным изданием в 1917 году и сразу же получило резонанс как во Франции, так и в Европе. Автору романа «Огонь» была присуждена престижная Гонкуровская премия. Книге суждено было влиться в историю мировой литературы «как честной и талантливой ..., разрушившей вокруг войны ореол парадности и романтики».

Нельзя не отметить влияния просветительских романов на творческий метод А. Барбюса: это и дневниковая форма произведения, столь распространенная в 18 веке, и явная тенденция к изображению процесса просвещения, скорее просветления героев. Это просветление происходит под влиянием истины, открывающейся им не без влияния умного и образованного капрала Бертрана, в чьем образе так угадываются мудрые и гуманные герои просветительской литературы, ведущие заблуждающихся, наивных, не знающих жизни простаков к свету истины. Очевидно и влияние натурализма как «фотографического реализма» при описании обезображенных трупов, оторванных конечностей и страданий умирающих солдат. Писатель идет на это вовсе не для смакования ужасов войны, а ради создания ее реалистической картины и для выражения собственного отношения к ней.

Личный опыт А. Барбюса, отношение к войне, сформировавшееся из этого опыта, помогли ему создать пронзительно-правдивое произведение, в котором соединились документальность и художественность, образовав творческий сплав, позволивший писателю заявить о себе как о выдающемся мастере слова и честном человеке.

В романе А. Барбюса «Огонь» нет главных и второстепенных персонажей. Автор создает собирательный «портрет» взвода, состоящего из простых французов — крестьян, ремесленников, мелких торговцев. Среди них лишь один капрал Бертран, красивый и мужественный человек, выделяется своим интеллектом. Именно ему будет суждено сыграть определяющую роль в пробуждении сознания солдат.

Герои Барбюса, еще до войны познавшие трудности жизни, добывавшие свой хлеб в поте лица, меньше всего способны рассуждать о характере войны, о ее причинах, об истинных и мнимых врагах. С каким трудом удастся им облечь в слова протест, рождающийся в их сознании. Этот протест рождается в них постепенно: холод, лишения, боль, страх смерти и созерцание смерти заставляют их задуматься о сущности войны. Впервые в жизни они формулируют вопросы: кто виновники их страданий, кому выгодна война, кто на ней наживается?: «Война — это

народы; без них не было бы ничего, кроме какой-нибудь перебранки на расстоянии. Но решают войну не народы, а хозяева, которые ими правят» [2,324]

Изображение реальной войны — основная цель писателя, но не менее важен для него процесс пробуждения сознания простых солдат. Не случайно он называет свою книгу «Огонь», а следующую за ней — «Ясность». Огонь, свет становятся символом просветления, пробуждения людей, их возрождения для новой жизни, возвышения на новый уровень осознания действительности и своего места в ней. Герои Барбюса просвещаются не в университетских аудиториях, не в залах библиотек, а в грязных, сырых окопах. Тема окопной жизни красной линией проходит через все произведение, она становится лейтмотивом в нем, как в романе Э. Хемингуэя «Прощай, оружие!» — мотив дождя. Описание грязных, холодных, сырых окопов так часто возникает в повествовании, что начинает восприниматься как некая метафора, соотнесенная с мотивом ада. Не случайно один из романов А. Барбюса называется «Ад» (1908 г.) По всей вероятности, Дантов «Ад» возникал в творческом воображении писателя при описании ужасов войны. Герои Барбюса проходят все круги военного ада, не менее страшного, чем в поэме великого итальянца, чтобы через очищающий Огонь испытаний прийти к Ясности осознания своей роли в сохранении и передаче миру правды о бесчеловечной сущности войны и бессмысленности ее продолжения.

В последней главе романа автор называет только одно имя солдата того взвода, в котором он начинал службу — Паради. Только он один из всего взвода остался в живых, остальные погибли. Приговором звучат слова писателя: «Война состоит из плоти и душ простых солдат. Это мы образуем целые равнины мертвецов и реки крови...нас великое множество. Опустошенные города, разрушенные деревни, вся эта пустыня — мы...» [2, 324].

Сколько нужно было смертей, крови, мучений, чтобы герои А. Барбюса открыли для себя эту истину.

А. Барбюс показывает, как война убивает, калечит, озлобляет,

но она же учит, просветляет, очеловечивает. Война превращает забитых, отупевших от беспросветной жизни, бессловесных и покорных солдат в осознанно протестующих, вооруженных священным гневом людей. Их гнев вызван не только и не столько холодом, отсутствием элементарных условий быта. Это скорее праведный гнев прозревших, осознавших всю глубину лживости и жестокости тех, кто вложил в их руки винтовки и приказал убивать себе подобных. Солдаты вдруг открывают для себя истину — их враги вовсе не «боши», то есть немцы, а те, кто стравливают народы, разжигают войны и наживаются на них.

Гневный хор протеста особенно торжественно звучит в финальной главе романа, озаглавленной символически — «Заря». Название главы соответствует названию всей книги, Это расцветная заря после страшного ночного огня. Она символизирует начало новой жизни, о которой так мечтают оставшиеся в живых солдаты взвода.

Конец книги превращается в мощный хорал объединившихся в едином порыве людей. Он невольно заставляет вспомнить финал IX-й симфонии Бетховена, в которой впервые прозвучал хор человеческих голосов, исполнявший Оду «К радости» Шиллера.

Их хор протеста не заканчивается заключением «сепаратного мира с войной», как у лейтенанта Генри — героя романа Хемингуэя «Прощай, оружие!». Мученики, стоики и аскеты несут бремя солдатской службы, не помышляя о дезертирстве.

В героях «Огня» отразился интерес Барбюса к образу Христа, который в 1926 году воплотится в книге об Иисусе. Барбюс не случайно искал и воплощал в своем Иисусе человеческие черты. Для него Иисус — прежде всего человек, а потом Бог. Он знает свой конец, но просто и мужественно несет свой крест, идя на Голгофу.

В героях книги «Огонь» есть частичка Христа. Они терпят мучения, но несут свой солдатский крест, понимая, что большинство из них найдет свою смерть на «Голгофе» мировой войны.

А. В. Михайлов в работе «Роман и стиль», анализируя роман Л. Н. Толстого «Война и мир», говорит о том, что изображая конкретные события, писатель должен перейти на более высокий

уровень стилистического пути — от хроникального — к стилю «напряженной толстовской мысли», то есть к стилю философского романа. Этот стиль позволяет перейти от «хроникального уровня» к уровню понимания образа мира [3, с.174-175].

Слова А.В. Михайлова можно в полной мере отнести к роману А. Барбюса «Огонь». Автор от «хроникального уровня» «дневника взвода», в котором последовательно раскрывает суть войны и трагедию людей на войне, возвышается до уровня создания образа мира. Этот образ мира раскрывается через образ большой войны, в которую была втянута вся Европа. От изображения отдельных людей на войне автор переходит к изображению человека вообще, показывая, как в душах самых обыкновенных людей рождается не только понимание войны как античеловечного акта, но и понимание ответственности перед миром тех, кому война выгодна и кто на ней наживается. Более того, герои Барбюса осуждают не только эту войну, но и все войны, прошлые и будущие. В этом высокое гуманистическое звучание романа «Огонь».

Искренние и чистые герои книги Барбюса наивно верят в то, что их война — последняя в истории мировых войн, что люди осознали ее уроки, заплатив дань миллионами человеческих жизней. В момент наивысшего напряжения всех чувств они и не подозревают, что пройдет лишь два десятилетия, и мир будет втянут в новую, еще более кровавую и разрушительную войну.

Пока еще они верят в человеческий разум и добро, как говорит писатель, «они еще Сирано де Бержераки и Дон Кихоты» [2, 331].

Писатель изображает героев простых, мужественных, терпеливых. Никто из них не считает себя героем, они и не хотят, чтобы кто-то в будущем сказал им: «Друг мой, ты был замечательным героем!...». Солдаты честно заявляют: «Мы были палачами...и пусть меня не называют героем за то, что я убивал немцев!» [1, 329]. В этом эпизоде ключевым является афористичное восклицание одного из безымянных солдат: «Неужели надо обожествлять пожар, потому что красиво спасти погибающих?» [2, 329]. Здесь выражена основная цель книги «Огонь» — дегероизация

войны, обнажение ее истинной сущности, изображение ее как отвратительной акции по уничтожению людей. Автор стремится сбросить парадный флер с войны, показать ее не как торжественное шествие с развернутыми знаменами и сверкающей медью оркестра, донести до читателя мысль о том, что в войнах не бывает победителей, в них проигрывают все.

В романе «Огонь» повествование ведется от имени рассказчика-автора, участника военных действий, вследствие чего произведение воспринимается как биографическое. Однако все герои вымышленные, они — результат типизации и обобщения черт реальных людей, с которыми автор провел бок о бок долгие и трудные месяцы военных будней. Многие бывшие солдаты, служившие с ним, читая книгу А. Барбюса, узнавали в героях себя и писали об этом автору. Это лучшее подтверждение реалистичности и художественности, определивших своеобразие творческого метода писателя.

Роман А. Барбюса «Огонь» никогда не относили к литературе «потерянного поколения». Автор, в отличие от представителей этого течения, попал на фронт зрелым человеком и сформировавшимся писателем. Его герои тоже взрослые и мужественные люди. Испытав на себе кошмар окопной жизни, они не становятся «потерянными», а, напротив, обретают собственный голос, направленный против всех войн. Они не ожесточаются, не разобщаются, но объединяются в солдатское братство, основанное на верности друг другу и взаимовыручке. Никто из них не бросает оружия и не покидает самовольно поля боя. В книге нет намека на суицидальные мысли героев, как это прослеживается в романе Р. Олдингтона «Смерть героя».

На самом деле истинными героями являются товарищи А. Барбюса по взводу, которых писатель с такой любовью описывает в своей книге, хотя они не считают себя героями. Они просто ведут себя как настоящие мужчины и до конца выполняют свой воинский долг, хотя всей душой ненавидят войну.

В одном из эпизодов солдаты с горечью высказывают опасение, что по прошествии времени люди забудут об истинном лице войны. Они с удивлением признаются, что сами уже на-

чинают забывать некоторые подробности своих фронтовых мучений. Может быть, именно поэтому писатель торопится поделиться с читателями всем виденным, понятым, пережитым, боясь потерять остроту ощущений, и издает свой роман, не дожидаясь окончания войны.

Совсем другой подход к воспроизведению событий Первой мировой войны находим у писателей так называемого «потерянного поколения». Им понадобилась значительная временная дистанция для осмысления своего фронтового опыта и трансформации его в художественные произведения.

Для трех писателей «потерянного поколения» знаменательным становится 1929 год, когда выходят в свет их романы о войне, участниками которой им довелось быть. Это романы американца Э. Хемингуэя «Прощай, оружие!» [4], немецкого писателя Э.М. Ремарка «На западном фронте без перемен» [5] и англичанина Р. Олдингтона «Смерть героя» [6], ставшие знаковыми в антивоенной литературе 1-й половины 20-го века.

Этих абсолютно не похожих друг на друга писателей объединяет личный военный опыт, приобретенный в молодом возрасте, и потрясение, которое они испытали, столкнувшись с военным кошмаром. Потеря жизненных ориентиров, разочарование в идеалах, невозможность личного счастья определили и характеры их героев, во многом повторивших судьбы самих писателей.

Термин «потерянное поколение» вошел в литературу с «легкой руки» Эрнеста Хемингуэя, описавшего в книге «Праздник, который всегда с тобой» личную беседу с американской писательницей Гертрудой Стайн, жившей в 20-х годах в Париже. Недовольная своеобразным поведением молодых людей, участников войны, она в сердцах назвала их «потерянным поколением», отнеся к нему и самого Хемингуэя [7,185], так как писатель принимал участие в войне на итальянском фронте, в санитарных войсках, как и герой его будущего романа «Прощай, оружие!» Фредерик Генри.

Этому термину суждено было стать широкоупотребимым для обозначения личной трагедии целого поколения юношей,

для которых поля сражений, окопы и прифронтовые госпитали стали местом формирования характеров, мировоззрения, определения жизненных ценностей.

«Это были как бы неучтенные жертвы войны, люди, потерпевшие поражение независимо от того, в войсках какой империалистической державы, победившей или побежденной, они сражались», — писал исследователь американской литературы А. И. Старцев [8, 281].

Обращаясь в теме «потерянного поколения», Хемингуэй как бы нарушает хронологию изложения событий. В рассказе «Дома» описана история солдата, вернувшегося домой с фронта. Сполна хлебнувший тяготы военной жизни, он испытывает досаду и раздражение из-за неспособности найти свое место в мирной жизни.

В 1926 году вышел в свет роман Хемингуэя «Фиеста. И восходит солнце», где изображена послевоенная жизнь «потерянного поколения». В книге на фоне празднично-карнавальной испанской фиесты и ее вершины — корриды — показана жизнь молодых людей, ставших прямо или косвенно жертвами мировой войны [9].

Было бы неверным ограничивать тематику и проблематику произведения лишь последствиями войны, но так или иначе мотив «потерянного поколения» становится в ней магистральным. Писатель, обращаясь к послевоенным годам, рисует героев, искалеченных войной, потерявших способность радоваться жизни даже на фоне всеобщего праздничного веселья.

Если в связи с «Огнем» Барбюса сравнение с Дантовым Адом возникает при описании самой войны, то в «Фиесте» ощущение скитания по адским кругам сопоставимо с послевоенными мытарствами тех, кто эту войну пережил.

И. Финкельштейн сравнивает неприкаянных героев «Фиесты» с бесплотными тенями из адских рвов и щелей: «Здесь нет безнадежной дантовской надписи, но из этого ада, похоже, вырваться также нельзя...» [10,18].

Герои «Фиесты» вовлечены в некую игру, по правилам которой не принято озвучивать свои переживания, обсуждать тяже-

лое внутренне состояние, а следует прятать свои проблемы под маской внешнего благополучия и непринужденности.

В эпиграфе к роману «Фиеста» впервые упоминаются слова Г. Стайн о «потерянном поколении».

Только в 1929 году писатель обращается непосредственно к изображению самой войны и человека на войне в новом романе с символическим названием «Прощай, оружие!».

Герой книги — американец Фредерик Генри — служит в санитарных войсках на итальянском фронте. Этот факт сближает автора с его героем. Однако этим и заканчивается автобиографичность произведения, так как сам Хемингуэй, будучи участником трех войн, так и не смог с войной «попрощаться». Профессия журналиста и писателя не позволила ему быть сторонним наблюдателем событий, о которых ему предстояло писать.

Что привело молодого американца на итало-австрийский фронт, так далеко от его родной Америки? Вряд ли интерес к итальянской архитектуре. Возможно, свою роль сыграли сложные отношения с семьей, на которые намекает Генри, или движимый патриотическими идеями, он предпочитает защищать чужую страну, чтобы враги не пришли в его «американский дом».

Хемингуэя нередко называют самым неамериканским писателем США, имея в виду то, что действие большинства его произведений происходит за пределами родной страны — в Африке, Италии, Франции, Испании, на Кубе. Однако герой романа «Прощай, оружие!» обладает американским менталитетом. Это особенно очевидно сейчас, в 21 веке, с учетом роли США в различных локальных конфликтах, происходящих далеко от американского континента (во Вьетнаме, Ираке, Афганистане, Ливии, бывшей Югославии и т.д.). Американцы, как правило, оправдывают свое участие в «чужих» конфликтах защитой интересов своей страны, даже если их «американскому дому» ничто не угрожает.

Позиция Генри не понятна противнику войны итальянскому шоферу Пассини: «пусть каждый защищает свой дом», — считает он.

Служба в санитарных войсках — не самая тяжелая и опас-

ная. Тем не менее, и здесь герой видит немало смертей, страданий, крови и страха. При первых столкновениях с реальной военной действительностью его охватывает чувство неприятия войны, хотя интуиция подсказывает ему, что в этой войне он не погибнет, она для него чужая. Лейтенант Генри — посторонний на этой войне и его поведение здесь — поведение постороннего человека. Для него война казалась «не более опасной, чем война в кино» [4,37].

Однако фронтовая действительность все меньше и меньше становилась похожей на кино: бесконечные обстрелы, гибель сослуживцев, собственное ранение, случайное избавление от расстрела — все это заставляет Генри забыть недавние патристические идеи. Он принимает решение «заключить с войной сепаратный мир», то есть попросту дезертировать.

Война оказывается неприемлемой для Фредерика еще и по той причине, что в его жизнь врывается любовь к медсестре Кэтрин Баркли.

Роман «Прощай, оружие!» становится не только романом о войне, но и романом о любви, возможно, даже в большей степени о любви.

Герой достаточно цинично заявляет, что создан не для того, чтобы воевать, а чтобы пить вино и любить Кэт. Кэтрин — самый близкий, возможно, единственный близкий человек для него.

Генри — индивидуалист, плохо вписывающийся в окружающий его социум. Его протест против войны — это тоже протест личный, протест одиночки, не способного влить свой голос в общий хор противников войны, как это делают герои романа А. Барбюса «Огонь».

Сила воли, мужество, находчивость Генри проявляются не на поле сражения, а во время тяжелого и опасного перехода вместе с беременной Кэтрин через швейцарскую границу.

Отказавшись от войны, он наслаждается спокойной жизнью с Кэт в нейтральной Швейцарии, ни разу не вспомнив о тех, кто остался на фронте и исполняет свой воинский долг, не помышляя о дезертирстве.

Финал романа подтверждает мысль о том, что «потерянные»

герои не могут быть счастливы, даже если им удалось избежать гибели на войне.

Смерть Кэт и ребенка, опустошенность и одиночество Генри — все это лишь торжество хемингуэвской «ловушки» (вечной литературной темы рока, предначертанности человеческой судьбы, дамоклова меча, занесенного над головой героя). А возможно, это наказание за дезертирство ради личного благополучия, за решение отгородиться от всеобщего горя, спрятаться в мирной Швейцарии, наслаждаясь покоем и любовью.

Э. Хемингуэй описывает войну как жестокое и античеловечное явление, всячески подчеркивая свое неприятие любой войны, независимо от ее характера и целей. Его роман «Прощай, оружие!», бесспорно, антивоенный роман, однако отнести его к литературе «потерянного поколения» можно лишь с определенной долей условности. Ведь герой становится «потерянным» не на войне, а после благополучного избавления от нее путем дезертирства. Да и герой ли он вообще? Скорее, антигерой, заключивший с войной сепаратный мир ради собственного счастья и благополучия.

Одновременно с романом Э. Хемингуэя «Прощай, оружие!» в 1929 году вышел в свет роман английского писателя Р. Олдингтона «Смерть героя».

Образы войны возникают в ранней поэзии Олдингтона во время войны, участником которой он был. Результатом обобщения военного опыта стал роман «Смерть героя», увидевший свет через 10 лет после окончания войны. Автор говорит о своем желании изобразить правдивую картину жизни: «Я описывал в этой книге только то, что наблюдал в жизни, говорил только то, что безусловно считаю правдой, и у меня не было ни малейшего намерения тешит чье-либо нечистое воображение. Для этого моя тема слишком трагична» [6, 20].

Роман не стал автобиографическим, в нем дан собирательный образ целого поколения людей, чья молодость пришлась на предвоенные и военные годы и которые приняли на себя все тяготы этого сложного времени.

По словам автора, «эта книга, в сущности, — надгробный плач,

слабая попытка создать памятник поколению, которое на многое надеялось, честно боролось и глубоко страдало...» [6,19].

Роман Р. Олдингтона — одно из лучших произведений о европейской жизни. Отнесенное по формальным признакам к литературе «потерянного поколения», оно не было оценено по достоинству, несколько затерялось среди произведений антивоенной направленности.

«Смерть героя» не укладывается в «прокрустово ложе» литературы «потерянного поколения». Автор рассказывает непосредственно о военных действиях не так пространно, как Э. Хемингуэй в романе «Прощай, оружие!» или Ремарк в романе «На западном фронте без перемен». Война у Олдингтона занимает лишь треть романного пространства. Нет здесь и истории жизни героев после войны.

Большая часть произведения — глубокое исследование британского общества на протяжении нескольких десятилетий, с середины 19 века.

Со значительной долей иронии и сарказма Олдингтон разворачивает «семейную сагу» начиная с истории жизни предков героя.

Политика и искусство, наука и семейные отношения, сексуальная жизнь и фрейдистские идеи, проблемы воспитания и свободная любовь — все подвергается жесткой критике с позиции человека ироничного и насмешливого, но не злобного мизантропа, а художника, глубоко обеспокоенного состоянием общества и положением отдельного человека в этом обществе.

Писатель создал блестящий образец экспериментально-го, но в то же время глубоко реалистического произведения о трагедии нескольких поколений людей на фоне неуклонной деградации социума, ставшей особенно очевидной на рубеже 19 и 20 веков с его предвоенной самоуспокоенностью, а затем военной истерией.

Роман «Смерть героя» — история недолгой жизни и смерти Джорджа Уинтерборна, самого интеллектуального героя литературы «потерянного поколения», молодого художника, знатока литературы, мифологии, истории.

Образ Уинтерборна неоднозначен и противоречив. Отношение к нему автора двояко. С одной стороны, он симпатизирует обаятельному юноше с творческими способностями и поэтическим восприятием мира. Джордж слишком хорош для той среды, в которой он сформировался как личность и в которой ему приходится вращаться. С другой стороны, автор-рассказчик не закрывает глаза и на недостатки своего героя. Ирония, иногда доходящая до сарказма, направленная на окружающее Джорджа общество, распространяется и на него. Представления о жизни и людях почерпнуты им в той среде, которая его взрастила. Он вынужден жить по принципам британского буржуазного общества с его лицемерной моралью, снобизмом, тщеславием, эгоизмом, не стремясь узнать настоящую жизнь, вырваться из мирка, в котором обитают ленивый, эгоистичный «папочка», лживая притворщица «мамочка», лицемерная и холодная жена Элизабет, порочная светская львица Фанни и им подобные.

Загнанный в тупик собственных ошибок, ложно понятой свободы, беспорядочных любовных связей, лишенный родственной и дружеской поддержки, Джордж пытается бежать от собственных проблем. Он не находит другого места для бегства, кроме войны. Можно представить себе всю глубину отчаяния юноши, если фронтная окопная жизнь представляется ему желанной.

Военная действительность открывается Джорджу во всей своей жестокости и античеловечности.

Герой, живущий в мире античной мифологии, литературы, изобразительного искусства, воспринимает войну как апофеоз бессмысленного уничтожения всего живого. Он не понимает и не принимает логику военных действий. Его художественное сознание, направленное на творчество, то есть на созидание, отказывается принимать войну как бесконечное разрушение. Ему тяжело давалось «душевное потрясение, внезапный переход из той среды, где выше всего ставились ценности духовные, в среду, где их по невежеству презирали. Не с кем было словом перемолвиться...» [6,250].

Бессмысленной и алогичной кажется и его смерть. Дослужив почти до конца войны, став офицером, неожиданно для себя он

поднимается во время боя во весь рост, подставив грудь под пули: «Что-то сломалось в мозгу Уинтерборна. Он почувствовал, что сходит с ума, и вскочил. Пулеметная очередь стальным бичом яростно хлестнула его по груди. Вселенная взорвалась, и все поглотила мгла» [6, 376].

Трагическим сарказмом пронизаны строки романа, описывающие равнодушные родителей, жены и любовницы, с которым они восприняли известие о гибели Джорджа. Не давшие себе труда понять степень отчаяния и пессимизма, заставившую их сына искать спасения на войне, дорогие «папочка» и «мамочка» довольно быстро забыли о своем сыне, закружившись в водовороте привычной жизни и повседневных забот, а Элизабет и Фанни быстро утешились в объятиях новых возлюбленных.

И только рассказчик, чья функция в романе — быть посредником между автором и читателями — скорбит об убитой молодой жизни, а вместе с ней о сотнях тысяч других жизней, унесенных жестокой и бессмысленной бойней под названием «война».

Проблемы романа, стремление автора показать свое представление о жизни, о человеке, о войне определили структурные и композиционные особенности произведения. Р. Олдингтон соотносит свой роман с древнегреческой трагедией с ее возвышенной риторикой и пафосной стилистикой, данных в пародийном аспекте. Он и строит свое произведение по схеме античной трагедии, выделяя в нем пролог, три части и эпилог. В романе подразумевается наличие хора, обязательного в античной драме. Роль хора исполняет рассказчик, комментирующий события романа, все перипетии жизни героев.

Хор в античной драме был не просто фоном, на котором действуют герои, музыкальным украшением действия. Он смеялся и плакал, соглашался и протестовал, советовал и предупреждал.

Рассказчик в «Смерти героя» — старый друг Джорджа, хорошо его знающий и близкий ему по духу. Это позволяет автору с диккенсовским проникновением во внутренний мир персонажа раскрыть его мятущееся нутро, неустойчивую психику, перепады настроения.

Э. Хемингуэй в романе «Прощай, оружие!» отстранен от пове-

ствования, предпочитает флоберовский «объективный» стиль, когда отсутствие авторских комментариев заставляет читателя анализировать поступки героев, делать самостоятельные выводы об отношении автора к описываемым событиям. Р. Олдингтон же вслед за Диккенсом, считавшим себя творцом-Демииургом, хозяином своих героев, знает о герое все. От имени рассказчика он обнажает душу героя, раскрывает его внутренний мир, комментирует каждое движение души. Психология героя, определяющая его поступки, мотивирована всей его предыдущей жизнью, воспитанием, образованием, влиянием на него близких и общества.

Роман приобретает эпические черты, хотя автор этой эпичности также придает иронический оттенок. Впрочем, писатель не боится ни иронии, ни сарказма, напротив, они становятся основным инструментом его творческого метода.

Особая роль в произведении отведена прологу. В нем, как и принято в античной трагедии, дана краткая история жизни и смерти героя и показана реакция близких на его смерть. В прологе заявлена основная тема произведения, которая будет потом неоднократно обыгрываться заново с новыми подробностями и комментариями.

Такое построение романа заставляет вспомнить тот факт, что сам Олдингтон называет свое произведение «джазовым романом». Джазовая импровизация предполагает наличие основной темы и многократную интерпретацию ее. В музыке эта вариативность осуществляется различными музыкальными инструментами. Близость к музыке подчеркивается в романе и широким использованием музыкальной терминологии. Иногда «Смерть героя» сравнивают с трехчастной симфонией.

Р. Олдингтон буквально погружает читателя в мир духовной культуры: герои античной мифологии, имена писателей, поэтов, драматургов, художников, философов в огромном количестве рассыпаны на страницах романа. Это придает ему неповторимый оттенок интеллектуальности, является свидетельством богатства творческой лаборатории писателя, глубокого постижения им разнообразных пластов человеческой культуры,

позволяет сравнить писателя с корифеями литературы Англии Д. Джойсом и В. Вулф.

При анализе романа неизбежно встает вопрос: является ли он произведением о «потерянном поколении»? Джордж Уинтерборн, бесспорно, «потерянный» герой. Но эта потерянность связана не только и не столько с войной. Он потерялся в мирной жизни, запутавшись в семейных и любовных отношениях. Война лишь усугубила и обострила в нем ощущение бессмысленности жизни. Абсурдной явилась и сама смерть героя, хотя героем его можно назвать с определенной долей условности. Джордж исправно выполняет свои воинские обязанности, сочувствует товарищам, ему чужды карьеризм и милитаристские устремления. Однако сама его смерть, непонятная и нелепая, не соотносится с понятиями «героизм», «герой», хотя вызывает сочувствие и заставляет вспомнить изначальную цель автора — создать надгробный плач, памятник целому поколению, которому принадлежал и Джордж Уинтерборн.

Писатель тоже не считает Джорджа героем: «Смерть героя! Какая насмешка, какое гнусное лицемерие! Мерзкое, подлое лицемерие! Смерть Джорджа для меня — символ того, как все это мерзко, подло и никому не нужно, какая это треклятая бессмыслица и никому не нужная пытка» [6, 46].

Джордж и сам не ощущает себя героем, сама атмосфера отвратительной бойни, в которой он вынужден принимать участие, никак не соответствует его представлению о героизме. Он больше думает о смерти, о роке, который преследует его поколение, о нелепости любовного треугольника, в который он попал по легкомыслию и запутался в нем, как мотылек в сачке.

Он вполне мог бы стать героем, если бы понимал смысл войны, чувствовал себя необходимой частью этого мирового действия. Но это была бы уже совсем другая история, не имеющая отношения к литературе «потерянного поколения». Но всемирную известность получила именно эта литература, в которой показаны не герои, а скорее антигерои войны. А ведь герои были, те, которые становились георгиевскими кавалерами, которые шли на смерть, полагая, что сражаются за отечество и свободу.

Возможно, такая литература об истинных героях Первой мировой еще впереди, возможно, она будет создана российскими писателями, ведь именно наша страна понесла огромные потери в этой войне, дала миру настоящих, а не потерянных героев. Их подвиги не подлежат забвению новых поколений, даже если прошел целый век с начала этой войны.

Оправдаться можно тем, что Октябрьская революция и гражданская война заслонили от потомков события Первой мировой, как ее называли, великой войны, официально объявленной империалистической, позорной, а следовательно, не достойной изучения и воплощения ее событий в литературных произведениях.

Надежды героев книги А. Барбюса «Огонь» на вечную память потомков не оправдались: не прошло и четверти века, как в Европе разразилась новая мировая война, еще более жесткая и разрушительная. Эта война опять надолго отодвинула в тень войну начала 20 века.

Задача потомков — восстановить справедливость, изучить все подробности Первой мировой, осознать ее уроки, найти истинных героев, отдав им дань уважения и восхищения.

Примечания

1. Уэллс Г. Человек-невидимка. Война миров. Рассказы. Л., 1979.
2. Барбюс А. Огонь // Избранные произведения, М., 1952
3. Михайлов А. В. Роман и стиль // Теория литературных стилей. М., 1982
4. Хемингуэй Э. Прощай, оружие! М., 1981.
5. Ремарк Э. М. На западном фронте без перемен. М., 1978.
6. Олдингтон Р. Смерть героя. М., 1988.
7. Хемингуэй Э. Праздник, который всегда с тобой. Собрание сочинений в 4х тт. Т.4. М., 1981.
8. Старцев А. И. От Уитмена до Хемингуэя. М., 1981.
9. Хемингуэй Э. Фиеста (И восходит солнце). Собрание сочинений в 4х тт. Т.4. М., 1981.
10. Финкельштейн И. Хемингуэй-романист. Горький, 1974.

В. В. Авдолян
(Владикавказ)

О ПЕДАГОГИКО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А. Н. КОДЗАЕВА

Видный представитель осетинской интеллигенции и общественный деятель А. Н. Кодзаев (1874-1924) в начале XX века в Осетии был знаком каждому интеллигентному жителю если не лично, то по его публикациям. Перу Кодзаева принадлежит историческое исследование «Древние осетины и Осетия» [1], целый ряд статей, опубликованных на страницах периодической печати Кавказа. Просветитель, публицист, педагог, переводчик, он, как и другой видный представитель осетинской интеллигенции Г. В. Баев в послеоктябрьской истории Северной Осетии долгие годы упоминался лишь в отрицательном контексте. В причинах этого необходимо разобраться.

В рамках нашей статьи мы хотим сделать лишь первый шаг в этом направлении. Стоит отметить, что исследователи не боровали его своим вниманием, в академических изданиях истории Осетии он почти не представлен, упоминается вскользь в негативном ключе. Первым на положительную роль этого деятеля в истории Осетии обратил в 1992 году профессор С. Р. Чеджемов [2].

Александр Николаевич Кодзаев родился в 1874 году в селе Гизель в обеспеченной семье. Родители стремились дать ему классическое образование. Окончив Александровское осетинское духовное училище, которое располагалось в Ардоне, он продолжил свое обучение в стенах Духовной Академии в Санкт-Петербурге, которую успешно окончил в 1902 году по разряду педагогической деятельности.

После окончания Академии он вернулся на родину, работал учителем истории в мужской и женской гимназиях Владикавказа, помощником инспектора Александровской духовной семинарии. В 1902 году был назначен на должность наблюдателя церковных школ Северной Осетии. В период революци-

онных событий 1905-1907 годов по требованию многих представителей осетинской интеллигенции А.Н. Кодзаев покинул эту должность и продолжил педагогическую деятельность в Тифлисе.

Причина его переезда была связана с тем, что складывающаяся в начале XX века революционная ситуация в стране наложила свой отпечаток и на общественно-политическую жизнь Осетии. Революционные события 1905 года определенная часть осетинской педагогической общественности встретила с энтузиазмом и смело повела борьбу за демократизацию учебно-воспитательного процесса. В этих целях только в 1905 году было проведено два учительских съезда. Первый прошел в августе, второй — в ноябре, в с. Ардон, где действовала Ардонская духовная семинария, открытая в 1887 году. В те годы она стала основной кузницей педагогических кадров для Осетии.

Ее педагоги явились основными действующими лицами съездов. Принятые на съездах решения неоспоримо свидетельствуют о высоком педагогическом профессионализме их участников. Среди этих решений следует отметить обогащение учебных программ такими предметами, как естественная история, основы сельского хозяйства, рукоделие, домоводство, гимнастика, пение. На ноябрьском съезде было принято решение о вхождении учительского актива во Всероссийский Союз учителей. Это лишнее свидетельство тому, что педагоги Осетии сознавали себя частью русского учительства или, как тогда их было принято называть, учащихся.

Большинство педагогов, работающих в системе народного просвещения, творчески относились к своему делу и заинтересовано обсуждали различные вопросы теории и практики обучения и воспитания, высказывая свои собственные суждения по отдельным проблемам педагогики. И хотя, в основном, они вынуждены были в этой работе следовать нормативным документам, регулирующим учебно-воспитательный процесс, они имели возможность как влиять на ход учебно-воспита-

тельной работы непосредственно, так и выдвигать различные планы переустройства системы народного просвещения и обнародовать их.

20 июня 1905 года командированному правительством в Терскую область генерал-майору Н. И. Михайлову была вручена петиция, составленная передовыми представителями осетинской интеллигенции для вручения ее наместнику на Кавказе Н. И. Воронцову-Дашкову. В ней содержались следующие требования в области народного просвещения:

«1. Всеобщее обязательное бесплатное обучение для детей обоего пола до шестнадцатилетнего возраста.

2. Свободный выбор типа школы и явочная система их открытия. Явочная система открытия всяких просветительских учреждений — читален, библиотек и т. д.

3. Контроль общества за школой, обучение первые два года на родном языке и в дальнейшем обязательное его преподавание.

4. Преобразование Ардонской духовной семинарии и Владикавказского осетинского приюта в средние светские учебные заведения и обязательное преподавание в них осетинского языка.

5. Увеличение числа горских стипендий в средних и высших учебных заведениях.

6. Открытие во Владикавказе высшего учебного заведения» [2, 50].

Как видим из выше процитированной петиции, в ней отразились требования осетинской интеллигенции в области народного просвещения. Это замечание необычайно важно для правильного понимания системы педагогических воззрений осетинской интеллигенции в начале XX века. Именно в это время при прямом участии Александра Николаевича Кодзаева, педагогическим коллективам школ было разъяснено значение родного языка в системе школьного образования и поставлено решительное требование его изучения за счет отведенного на изучение славянского языка времени. Количество же часов, предназначенных для изучения славянского языка, было сокращено.

Небезынтересно и необходимо отметить взгляды А. Н. Кодзаева на переустройство дидактической стороны учебного процесса и, в частности, его стремление внедрить в жизнь школ так называемый натуральный метод обучения. Суть этого метода заключалась в том, что учащиеся получали новые знания при помощи предметной наглядности. Таким образом, знания детьми усваивались намного успешнее, чем при ранее принятом в школах переводном методе обучения.

Хорошо сознавая необходимость всестороннего и гармонического развития детей, А. Н. Кодзаев справедливо критиковал существование в школах Осетии порядка, при котором «школы осетинские в прежнее время стремились слишком односторонне к поднятию только умственного уровня детей без соответствующего телесного развития» [4, 500].

В это же время в среде осетинской интеллигенции разворачивается борьба по вопросу деятельности учителей церковно-приходских школ Северной Осетии. Это, в частности, получает свое отражение в распоряжении наблюдателя церковно-приходских школ Северной Осетии А. Н. Кодзаева об увольнении всех учителей, придерживавшихся революционных взглядов, и о замене их на службе священниками. Данное распоряжение нельзя расценивать однозначно, как делалось это ранее в исследованиях. Нелишне вспомнить, что и великий русский педагог К. Д. Ушинский «считал школу преддверием церкви» [2, 30].

Необходимо также отметить, что в решении этого вопроса А. Н. Кодзаев выступал не столько как «фанатик, самодур и реакционер», каким он изображался в нашей историографии, сколько как выразитель идей значительной части педагогической общественности, отвергавших лозунги революционной борьбы. Эти взгляды наиболее четко выражены в статье, очевидно, редакционной, опубликованной на страницах «Терских ведомостей» в номере за 2 марта 1907 года. В ней осуждались «господа педагоги, которые на уроках физики и химии подробно объясняют, как устраивать бомбы и каким составом их начинять» [3].

В данной статье делался вывод о том, что «подобные педагоги заинтересованы в том, чтобы посеять в юношах взгляды, что вера в Бога — отсталое суеверие и т.д.». Подобные взгляды принадлежали той части осетинского учительства, которая к революционным событиям относилась враждебно и призвала народ к национальному и социальному согласию и миру. Учитывая это, следует признать, что решение А.Н. Кодзаева, если не было полностью правильным, то несло в себе значительный элемент рациональности. Оно также недвусмысленно было направлено на предохранение системы народного образования от революционного влияния.

Говоря о педагогических воззрениях А.Н. Кодзаева, необходимо отметить, что он хорошо понимал значимость создания необходимых условий для умственного воспитания в виде системы непрерывного образования в Осетии. В этих целях он рекомендовал использовать «внешкольное образование народа путем народных чтений и с помощью волшебного фонаря, коим многие школы на изысканные благотворительные средства снабжены» [4,498]. Как видим, А.Н. Кодзаев ратовал за применение в обучении технических средств, в частности волшебного фонаря-проектора, предшественника современного фильмоскопа и диапроектора.

Эти же идеи, но в несколько иной форме, выдвигались и самими воспитанниками Ардонской миссионерской духовной семинарии, что дает нам право говорить о том, что и будущие педагоги стремились к обновлению системы народного просвещения в Северной Осетии. Об этом же красноречиво свидетельствует само требование, в котором, в частности, говорилось:

В это же время и реакционные круги осетинского общества выдвигали свои собственные требования в области народного просвещения. Так, например, в постановлении собрания тагаурских алдар (князей), принятом в 1906 году, говорилось о том, что все подвластные им фамилии необходимо содержать «в темноте и невежестве, заставляя работать их на себя насколько это будет возможно, не допуская их в школы».

В академическом советском издании истории Северо-Осетинской АССР в свойственной для советских историков манере, об участии осетин в Первой мировой войне почти не упоминается, а восстание осетинской пешей бригады в 1916 году раскрывается с явной симпатией к восставшим, хотя по сути это было проявлением нарушения присяги, т.е. преступлением [5, 463].

Что-же послужило причиной этого восстания и насколько оно могло быть связано с происками антироссийских сил? Советские историки-осетиноведы утверждали, что Первая мировая война являлась войной империалистической, которую «горячо поддерживали помещики и буржуазия. Официальные средства массовой информации преподнесли читателям шовинистические измышления о характере войны, утверждая, что со стороны России и ее союзников она была якобы справедливой и вынужденной» [5, 461].

Как отмечалось в «Истории...» — «другой деятель осетинской буржуазной интеллигенции А.Н. Кодзаев, директор Никольского реального училища в г. Тифлисе, приветствуя начавшуюся империалистическую войну, взывал к патриотическому долгу каждого осетина — встать в ряды защитников отечества и привести его к победе» [5, 462]. К сожалению последующие революционные события свели не только его патриотические устремления. После февральской революции 1917 года он выехал на постоянное место жительства в Санкт-Петербург. В дальнейшем работал в системе народного образования, вероисповеданий и внутренних дел России, в том числе и после Октябрьской революции. Весьма примечательно, но его как историка высоко оценивал известный кавказовед М.О. Косвен. Скончался А. Н. Кодзаев в 1924 году [6, 158].

В советское время его произведения не собирались и не издавались, а в исторических исследованиях его имя упоминалось лишь в негативном контексте. Между тем, творческое наследие А.Н. Кодзаева многопланово, хотя подчас и противоречиво. Оно, несомненно, нуждается в объективной, всесторонней оценке, равно как и его организаторская педагогическая деятельность.

Примечания

1. *Кодзаев А. Н.* Древние осетины и Осетия. Владикавказ, 1903.
2. *Чеджемов С. Р.* Педагогическая мысль в Северной Осетии в конце XIX — начале XX веков. Владикавказ: СОГУ, 1992.
3. Терские ведомости. 1907. 2 марта.
4. *Кодзаев А. Н.* К учащимся церковно-приходских школ Северной Осетии // Владикавказские епархиальные ведомости. 1905. № 24.
5. История Северо-Осетинской АССР. В 2-х т. Т.1. Орджоникидзе, 1987.
6. *Косвен М. О.* Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке. Кавказский этнографический сборник. Ч. III. М.: АН СССР, 1962.

ИДЕОЛОГИЯ КАК СПОСОБ СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ

В XX в. «образ врага» — расового или классового становился важной частью тоталитарных идеологий и масштабных пропагандистских компаний, служил обоснованием репрессий против различных социальных, этнических, религиозных групп и любого инакомыслия. В годы Первой мировой войны в общественное сознание активно внедрялся «образ врага», создаваемый идеологией и пропагандой государства, а также различными общественно-политическими силами. По мнению И. В. Нарского [1], весь период истории Февральской революции сопровождал «карнавал образов врагов». Исследователь констатирует его многоликость в «красной» и «белой» интерпретации российской катастрофы: «Виновниками во всех бедах объявлялись «буржуазия» и «немецкий шпион Ленин», «белогвардейские банды» и «комиссародержание», «контрреволюционеры» и «жиды», «колчаковщина» и «немецко-большевицкий сговор».

Ключевую роль в осмыслении образа врага занимал национальный, «внешний» враг, чуждость которого определялась его этничностью. «Образ внешнего врага» передавался с помощью правительственной пропаганды через средства массовой информации, отражаясь в народной массовой культуре. Основными излюбленными персонажами насмешек и брани стали Вильгельм II, Франц-Иосиф и турецкий султан. Поскольку в период военного конфликта главным противником России была Германия, то негативные стереотипы получили максимальную концентрацию в образе немца-врага, олицетворением которого стала фигура Вильгельма II. Произведения массовой культуры — лубки и открытки, вызывали в отношении немцев устойчивые ассоциации, переносили эти негативные стандарты на германского императора. Враг унижался в про-

изведениях всякими способами, для этого в первую очередь умалялась его сила и мужество. На страницах периодической печати Вильгельм II предстает слабоумным человеком, примеряющим на себя роли величайших полководцев древности. Так, в «Северокавказском крае» (1914 г.) был опубликован фельетон следующего содержания: «накануне объявления войны к дворцу императора в Берлине подвели дикого фессалийского коня Буцефала. Юный пятидесятилетний император Вильгельм вскочил на коня и скрылся из виду. Когда же Вильгельм вернулся, Буцефал был уже усмирён и кричал все время «Хох, Вильгельм!» — Мы немцы, никого не боимся! С этого дня Вильгельм стал популярным в народе под именем Александра Македонского».

Перенос негативных стереотипов на воюющие с Россией страны способствовал стабилизации социально-политической ситуации внутри страны: не случайно практически во всех мемуарах и воспоминаниях отмечается, что начало войны было временем священного единения правительственной власти и народа, хотя предвоенные события 1912-1914 гг. связаны с нарастанием революционной ситуации в стране.

По замечанию О. А. Сухановой [2], «первоначально в связи с актуализацией традиционного восприятия военной действительности происходила и трансформация соответствующих элементов политического идеала. Образ «немца» содержал в себе концентрированное выражение представлений обо всех негативно окрашенных внешних враждебных великорусу силах. Вызывая негативно окрашенные оценочные суждения, этот образ становится необходимым элементом в системе способов регуляции предельных психологических состояний».

Однако по мере поражений русской армии на фронтах, оставления российских земель, гибели тысяч людей вносятся существенные коррективы в образ врага. Как и их кайзер, немцы стали изображаться «кровожадными зверями», подчеркивается необходимость физического уничтожения врага. Неоднократно подчеркивалось, что противники ведут военные действия запрещенными методами — разрывными пулями,

ядовитыми газами и безжалостно расправляются с мирными жителями оккупированных территорий: «Председатель чрезвычайной следственной комиссии доводит до всеобщего сведения, что допрошенный... бежавший в Россию бывший рядовой одного из германских полков... показал, что наиболее «кроважидные» из его товарищей по полку употребляли в боях с русскими пули с перевернутыми концами вперед».

Власть активно принимала антинемецкие меры. Восприятие «образа внешнего врага» сопровождалось усилением националистических и шовинистских настроений по всей стране. Переименование Санкт-Петербурга, ряда улиц и массовая замена немецких фамилий, имен и отчеств на русские создавали прецедент символического переворота. В конце 1914-1915 гг. немецкие погромы были зафиксированы и в ряде городов, населенных пунктов Северного Кавказа. Чтобы освободиться от «немецкого засилья», в регионе, как и повсеместно, были переименованы немецкие поселения. Отчасти подобное отношение населения и властей к поданным вражеской страны можно объяснить стремлением жителей Северного Кавказа уничтожить «внутреннего врага» в лице немцев и австрийцев, имевших поместья и предприятия в регионе, и решить таким образом земельный вопрос.

В приказах по Кубанской области и Черноморской губернии «О выселке неблагополучных лиц» часто встречаются наряду с революционными агитаторами фамилии немецких колонистов, уличенных в распространении ложной информации или противоправительственной, шпионской деятельности.

Таким образом, «образ врага» поддерживается, пока он необходим либо существующей власти, либо оппозиционным силам. Выполнив определенную задачу в политической сфере, он утрачивает свою актуальность и может быть в дальнейшем востребован новыми политическими силами. Влияние «образа врага» приводит к негативным последствиям для внутренней жизни страны; складывается режим всеобщей подозрительности, шпиономании, подавления инакомыслия. Этот мифологизированный образ в период Первой мировой войны расколол

общество, привел к деформации политической культуры и собственной идентичности.

Примечания

1. *Нарский И.* Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917-1922 гг. М., 2008.

2. *Суханова О.А.* Десять мифов крестьянского сознания/О.А. Суханова. М., 2008.

К ВОПРОСУ О МОДЕ И ПОВСЕДНЕВНОСТИ В РОССИИ В 1914-1918ГГ.

Каждая историческая эпоха обладает своими яркими характеристиками, которые делают ее отличной от всех остальных. Наиболее ярким выразителем таких ярких черт и специфик во все времена была мода, которая является лакмусовой бумажкой общества. Об уровне ее развития можно судить о жизни, интересах общества, о различных представителях классов общества. XX век в Российской империи – это время расцвета домов моды, ателье, ювелирных и шляпных мастерских, когда Россия находилась на пике модной славы. 1900-е годы запомнились миру именами Надежды Петровны Ламановой и ювелира Карла Фаберже. [1].

Жизнь общества в этот период, под воздействием технического прогресса, сильно изменилась, вследствие чего поменялся и стиль в моде. Россия в 1914-1918 гг. представляла из себя государство с пестрой социальной средой, где одежда и внешний облик зависели от того к какому классу принадлежал тот или иной человек, к какой профессиональной среде он относился. Представители высших сословий стремились соответствовать европейским стандартам моды. Женская мода в это десятилетие делиться на два периода – до Первой мировой войны и после. Мода до Первой мировой войны формируется под давлением изменений, происходящих в культурной и научно-интеллектуальной сфере. Двигателем эволюции моды, в этот период, стали «русские сезоны» в Париже. Яркие и экспрессивные постановки Дягилева, красота балетов «Жар-птица», «Петрушка», «Шехерезада», повлияли на творчество многих модельеров, и в первую очередь Поля Пуаре. Женская мода до Первой мировой войны являлась воплощением стиля «прекрасной эпохи» и стиля модерн. Основу женского силуэта составил идеальный образ женщины той эпохи – женщины, которой чужды земные тревоги, каждодневность, заботы быта и вообще физическая работа. [1]

В период 1914-1918 гг. меняется мода не только на внешность женщины, существенно изменился ее гардероб. В моде все более проявлялась тенденция отхода от геометрически выверенных линий, и переход к более природному силуэту. Актуальными были формы, напоминающие цветок или крылья насекомых – они прослеживаются и в форме рукава, и в формах головных уборов, и т.д. [1] Шляпа была главным аксессуаром русской модницы той поры, как, впрочем, и европейской. Любимым декором шляп были перья – поэтому они импортировались в таком огромном количестве. К началу Первой мировой войны такой тип шляп прекратил существовать, шляпы стали меньше в размерах и более скромны в убранстве.

К 1917 году в моду входит покрой юбок «бочонок», или «тонно». Кроме тальеров, гардероб женщины составляют пальто. Характерной деталью 1910-х годов стали карманы. На костюмах, пальто, шубках всё сильнее сказывается мужской стиль. В начале XX века появилось пальто под названием тренкот, оно предназначалось для пехоты британской армии. Именно фронтовики, часто находившиеся в окопах в годы Первой Мировой войны, прозвали этот вид одежды «траншейным пальто». Уже после войны солдаты и офицеры способствовали появлению тренкотов в массовой моде, причём мода на различные вариации данных пальто не спадает до сих пор. Появлением футболок мы обязаны американским солдатам Первой мировой войны. Поначалу футболка была ничем иным, как комфортным нижним бельем из хлопка, которое не планировалось выставлять напоказ. Со временем футболка вышла из рамок военной формы и стала одеждой повседневной и широко распространенной.

Первая мировая война оказала большое влияние на одежду. Женщины впервые надели форму и оценили ее удобство и простоту. Они заняли рабочие места, ушедших на фронт мужчин. В моду входят строгие деловые костюмы, короткие юбки и свободные платья. Более того, женщины начинают носить брюки, правда, пока только для занятий спортом и на пляже. Это стремление мировой моды к тому, что впоследствии назовут «унисек-

сом»[2]. Изменяется и отношение к женщине, Постепенно, дамы отвоевывают себе избирательное право. Женщины становились все более независимыми, круг их прав и интересов расширился, что повлияло на изменения их мировоззрения, которое в свою очередь вылилось в новое модное течение. [3]

Развитие моды происходило очень интенсивно и затрагивало, в основном, женскую одежду, в то время как формы мужского костюма все более стабилизировались и униформировались. Мужская мода до 1914 года, в общем, не сильно изменилась по сравнению с предыдущим десятилетием. По-прежнему носили сюртуки, визитки, фраки и смокинги, но пиджаки стали активнее вытеснять эти предметы из гардероба, особенно после Первой мировой войны.

Война изменила социальную структуру общества. Рост влияния рабочего класса в Европе вылился в череду революций и свержению прежних властей. Мода перестала быть привилегией узкого класса аристократии, и стала доступной все более широким слоям общества. В России в период Первой мировой войны не было устоявшегося рабочего костюма, как например в Англии или США, повседневную одежду рабочих можно было обозначить так: «кто во что горазд»[4].

В период Первой мировой войны мода менялась, трансформировалась под влиянием социально-экономических причин. За годы Первой мировой войны мода видоизменилась кардинально, этому способствовали тяжелые условия военного времени. В следствии того, что большая часть мужчин ушла на фронт, женщину перестала обхаживать, ей дали стать самостоятельной, а после войны она уже не захотела терять эту свободу. Мода сделала существенный прогрессивный шаг вперед в практичность и индивидуализм стала носить массовый характер, утратив свою элитарность [3].

Библиографический список:

1. Русская мода XX века: 1900-1910 годы [Электронный ресурс] [osinka.ru/Moda/Style/ 2007_ Fashion_XXvek/1900-1910_03.html](http://osinka.ru/Moda/Style/2007_Fashion_XXvek/1900-1910_03.html)

2. История моды. Начало XX века [Электронный ресурс] deryabino.ru/Moda_History/Moda_History-20v.htm
3. Васильева А. История русской моды. – М., 2006. – 454с.
4. Газиева А. А., Гарунова Н. Н. Мода в Российской империи в начале XX века // Первая мировая война: события, проблемы, оценки. Сборник материалов межвузовской студенческой конференции 16 мая 2014, Махачкала. – Махачкала, ДГПУ. 2014. – 125с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абисалова Раиса Николаевна – кфн, зав. Научным архивом СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А

Айларова Светлана Ахсарбековна – дин, зав. отделом истории СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А

Акачиева Софья Магомедовна – Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева

Гарунова Нина Нурмагомедовна – дин, профессор Дагестанского государственного университета

Газиева Абадат Абдулаевна – студентка Дагестанского государственного университета

Гостиева Лариса Казбековна – кин, снс СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А

Гутиева Эльвира Шамильевна – кин, снс СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А

Дарчиева Светлана Валерьевна – кин, снс СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А

Дзагурова Наталья Хаджумаровна – кин, снс СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А

Доного Хаджи Мурад – дин, профессор Дагестанского государственного университета

Кайтова Ирина Анатольевна – кфн, доцент СОГУ им. К.Л. Хетагурова

Киреев Феликс Сергеевич – нс Института истории и археологии РСО-А

Кобахидзе Елена Исааковна – дин, внс СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А

Лолаева Анжелика Владимировна – кин, доцент СОГПИ (Владикавказ)

Магомедов Алихан Алимбекович – соискатель СОГУ им. К.Л. Хетагурова

Марзоев Ислам-бек Темурканович – дин, внс СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А

Моргоева Ф.И. – студентка СОГУ им. К.Л. Хетагурова

Тменов Феликс Константинович – аспирант СОГУ им. К.Л. Хетагурова

Туаллагов Алан Ахсарович – дин, зав. отделом археологии СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А

Фидарова Рима Японовна – дфн, гнс СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А

Харсиев Борис Магомет-Гиреевич – к.филос.н, зав. отделом этнологии ИнгНИИГН им. Ч.Ахриева

Хубулова Светлана Алексеевна – дин, профессор СОГУ им. К.Л. Хетагурова

Чеджемов Сергей Русланович – кин, дпн, профессор СОГУ им. К.Л. Хетагурова

Чеджемов Алан Юрьевич – соискатель СОГУ им. К.Л. Хетагурова

Чочиев Георгий Витальевич – кин, внс СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А

Чшиева Майя Черменовна – кин, нс Института истории и археологии РСО-А

Шаркова Н.Н. – кин, доцент СОГПИ

Научное издание

КАВКАЗ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ:
ГЕРОИКА И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

Технический редактор — *Е.Н. Маслов*
Компьютерная верстка — *А.В. Черная*
Дизайн обложки — *Е.Н. Макарова*

Подписано в печать 24.12.2014.
Формат бумаги 60×84 ¹/₁₆. Гарнитура шрифта «Myriad».
Усл.п.л. 15,7. Тираж 100 экз. Заказ №179.

Издательско-полиграфический центр СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А
362040, РСО-Алания, г. Владикавказ, пр. Мира, 10
e-mail: rio-soigsi@mail.ru

Отпечатано ИП Цопановой А.Ю.
362002, г. Владикавказ, пер. Павловский, 3